

ВИКТОР
СОСНОРА

ВОЗВРАЩЕНИЕ
К МОРЮ

ВИКТОР
СОСНОРА

ВОЗВРАЩЕНИЕ
К МОРЮ

ВИКТОР
СОСНОРА

ВОЗВРАЩЕНИЕ
К МОРЮ
ЛИРИКА

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ББК 84.Р7
С 66

Редактор Ф. Г. Кацас

Художник Александр Помпеев

С $\frac{4702010202-007}{083(02)-89}$ 240—89

ISBN 5—265—00739—3

© Издательство
«Советский писатель»,
1989 г.

**ШКОЛА ТЕНЕЙ,
или
ВОПЛОЩЕНИЕ НЕВИДИМОК
(З а м е т к и)**

Я нить свою тяну из стран теней...
Из школ теней, и мы тех школ питомцы.

В. Соснора

Пруст дал нам некогда великую формулу: «В поисках утраченного времени» или — как менее «грамматично», но более выразительно ритмически переводили прежде — «В поисках за утраченным временем».

Неумение примириться с утратой времени, с невозвратностью уходящей жизни — одна из мучительнейших душевных тягот.

Попытаться навечно удержать мгновение — независимо от того, прекрасно оно или ужасно, — есть, собственно, сокровенная задача литературы. Время, конечно же, уходит своим чередом, но создается — в случае удачи — столь убедительная иллюзия присутствия прошлого в настоящем, что возникает новая психологическая реальность. Отсюда, в значительной степени, наша тяга к исторической прозе.

В поэзии все процессы протекают обостренной и обнаженной, чем в прозе. Словесная масса — даже в небольшом рассказе — покрывает, скрывает технологию. В поэзии — вне зависимости от протяженности: четверостишие или поэма — технология на виду. В бездарной поэзии это обнаженный скелет, в талантливой — обнаженная душа.

Но в нашем сознании ход времени облечен в пространственные формы, приметы его неизбежно пространственны. И поэт вынужден неустанно бороться с поверхностной оболочкой бытия, этим первым смысловым рядом, скрывающим суть явлений. Арсенал, которым пользуются в этой борьбе, многообразен. Мы будем рассматривать только те средства, которыми пользуется традиция, воспитавшая Виктора Соснору.

Работа В. Сосноры последних лет оказалась на перекрещении двух традиций — асеевской игры с фонетикой¹ и хлебниковской игры с семантикой. («Ломка» слов для Хлебникова была побочным эффектом.)

И та и другая линии — при несомненной разности их масштабов — упорно пробивались к жизненному смыслу, поэтически очищенному от бытовой шелухи. Ни та ни другая линии не добились полной победы.

Молодой Пастернак, шедший по сходному с хлебниковским пути опускания лишних звеньев, но включивший в свою работу мир целиком — во всей его прекрасной шероховатости, преуспел, на мой взгляд, куда больше названных поэтов. Поэзия Пастернака стала, используя его же формулу, «полетом голой сути, прорвавшей глупый слой лузги». Но лузга у него — не предметность мира, а лишние связи между предметами и явлениями, внешние связи, которые он отбрасывал, оставляя только связи глубинные — «голую суть».

В. Соснора, поэт, постоянно борющийся — как, впрочем, каждый настоящий поэт — с традицией, с инерцией найденного и освоенного, с привычным укладом языка, с бытовой стабильностью словоупотребления, с канонической стиховой формой.

Но, проследив тридцатилетний поэтический путь В. Сосноры, мы убеждаемся, что это поэт глубоко противоречивый внутренне.

Прежде всего, В. Соснора — романтический поэт в точном смысле термина. Он долго оставался верен фигуре героя, так сказать — автопсихологического, заданного еще в раннем цикле о Бояне. Один из настойчивых лейтмотивов книги — мотив возвращения, возвращения из собственного прошлого, из бездонного исторического прошлого — «без отрыва» от своего древнего двойника. Это один — романтический — способ удержать время, вернуть прошлое.

Он постоянно конструирует, меняя угол зрения, устойчивую трагигероническую модель мира, наделяя ее резкими чертами своих представлений. Как и подобает романтику. Причем характерную для романтического сознания оппозицию: мир идеальный — мир грубо-вещественный — он заменяет противостоянием прошлого и настоящего, из которых он отчаянно пытается выстроить некое единство.

---

¹ Имеется в виду молодой Асеев, работавший чрезвычайно интересно и своеобразно.

Он — по заветам Блока — пишет роман в стихах, роман своей жизни, являясь в разных масках, но всегда узнаваемым. Гамлеты и Пугачевы говорят здесь языком Соснора, а сам Соснора вдруг начинает говорить библейским языком. Ориентированный в собственно поэтическом смысле на хлебниковско-асеевские традиции, чувствуя их недостаточность сегодня, В. Соснора вдвигает в них все новые и новые культурные блоки. Его путь изобилует крутыми поворотами, тупиками, прорывами. Он воистину перерабатывает «тысячи тони словесной руды», громоздя шлак, примеряясь к самым неожиданным стилевым пластам, обманывая ожидания читателя, появляясь в ошеломляющих облициях, каждое из которых он утверждает с искренней страстью.

И динамика поисков, резкость которых все нарастает, сталкиваясь с изначальной романтической статикой, создает напряжение и беспокойство этого странного — иногда до монструозности — мира.

В. Соснора начинал со знаменитых древнерусских сюжетов, очень заразных по ощущению материала, ритмически виртуозных, но совершенно лишенных псевдоэтнографичности, которая снималась искусно смешанной лексикой и — главное — ироничностью интонации. И в этом контексте поэтической игры он получал право на редкие пики сурового и мужественного трагизма. Пример тому — «Коршуны».

Автопсихологическая фигура brutального Бояна, наделенная поначалу даже и автобиографическими чертами, постепенно трансформировалась — в «Последних песнях Бояна» — в фигуру рефлексирующего романтика, создающего странные, рассекающие, разрывающие реальность образы, но при этом осталась узнаваемой.

Наметки этой трансформации возникли давно. Еще в начале шестидесятых годов в одной из песен Бояна появились замечательные строки:

Незадаром в роще, бедной и беззвучной,
ходит странный ворон ходуном по сучьям,
ходит и вздыхает,

на лице громадном,
на лице пернатом скорбная гримаса.

Ничего не надо:

ни чужих отечеств,
ни коней, ни копий...

Осенью огромной
с нами наше счастье:

белые одежды,
бедный бор
да ворон,
ворон вороненый.

Здесь уже есть два трудно сочетаемых компонента — прозрачная лиричность и странная, сдвинутая по отношению к реальности образность. («Странный ворон» со скорбной гримасой на громадном лице вел от Сиринна и Гамаюна к человекоподобным птицам, животным и насекомым молодого Заболоцкого.) Те два компонента, над органичным соединением которых В. Соснора бьется последнее десятилетие.

Заболоцкий совсем не случайно появляется в не менее странном, чем «Ворон», стихотворении В. Сосноры как персонаж:

В какой-то эниный, оный, никакой
и винный год, я шел Москвой в заборах,
еще одии в России Николай,
мне говорил лир овод Заболоцкий...

И в соседнем стихотворении:

Восходит в ночь тот сумасшедший волк...

Это, разумеется, «Безумный волк» Заболоцкого.

Заболоцкий «Столбцов» и поэм для понимания работы Сосноры фигура важная, но промежуточная. И здесь надо вернуться к началу.

Каждый поэт — я имею в виду поэтов, а не просто людей, пишущих подобие стихов, — выполняет свое назначение, сгущая, стягивая к себе мир, концентрируя смысл вещей и явлений. Недаром: «Медуницы и осы тяжелую розу сосут», или: «Вооруженный зреньем узких ос, Сосущих ось земную...» — Мандельштам знал, о чем говорил. Высокая поэзия — сбор нектара, производство меда, сгущение, концентрация. Но есть еще и соты. Поэт строит систему, здание.

Есть категория поэтов, для которых, однако, леса важнее стен. К этой категории принадлежит Соснора. Процесс строительства важнее окончательного результата. Если продолжать сравнение — возводимое Соснорой здание напоминает брейгелевскую Вавилонскую башню: вершина уже скрывается в облаках, стены мощны, но не стройностью, а хаосом веет от картины, открывающейся нам. Это не оценка, это

констатация. И речь идет о неизвестном читателю Сосноре, Сосноре последнего десятилетия.

Хлебников — биолог и математик — искал логику в хаосе: хаосе быта, хаосе чувств, хаосе истории. Он пытался расчислить и организовать хаос средствами, выхваченными из того же хаоса.

В этом отношении молодой Заболоцкий его верный ученик — он поэтически организовал дикий быт и дикое бытие природы в столь же диких, но геометрически определенных формах. Хаос Заболоцкого — «тут природа вся валялась в страшно диком беспорядке» — проанализирован и приведен в своеобразную систему.

Не то у Сосноры. Во-первых, если Заболоцкий шел от изломанности к классичности, то здесь все наоборот. Прежняя ясность смысла и отчетливость пластики, которые так подкупали у раннего Сосноры, уже не отвечают в последние десять-пятнадцать лет его взаимоотношениям с миром. Мир казался слишком ясным, и потому ясность эта теперь воспринимается поэтом как ложная, как квазиясность. Самовосприятие человека перестало соответствовать восприятию им мира. И поэт, который мог благополучно эксплуатировать уже отработанную технологию, ломает ее и начинает новую, вполне неблагодарную с читательской точки зрения работу.

Не хотел бы показаться грубо социологичным, но общественное бытие действительно определяет сознание. Тем более — поэта. Героическая романтика раннего Сосноры, сниженная победительной иронией, выросла в эпоху конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Новый, «трудный» Соснора появился в семидесятые.

Вместо талантливой, наступательной, виртуозной игры в перемешивание прошлого и настоящего — вольный перевод «Слова о полку Игореве» был пробой сил и поисками камертона — мы видим, после смутного периода, уже не игру, но мучительную попытку всерьез перемешать времена, сломать условную структуру, для нашего удобства организующую реальность, и раствориться в этом круговращении, чтобы познать его изнутри.

Истинный романтик, Соснора ощущает себя постоянно на границе жизни и смерти — как философских категорий. В его лирическом герое есть нечто от шекспировского могольщика, воспринятого совершенно всерьез, ставшего из мрачно-комедийного трагедийным персонажем:

Моя душа свободна и пуста,
С талантом и лопатой землекоп я.
Когда вокруг гармонию найдут

И я умру внезапно в год лазури,
Идем за мной в клинический туннель
За смертью молний, убиенных в бури.

Романтик обречен жить в дисгармоническом мире. Наступление гармонии не оставляет ему места — он становится ненужен. Но это — последняя опасность. Его дело — распутывать фантазмагорическую пряжу существования, не обещающего гармонии.

...Я внжу все сквозь половинки век,
как тонут племена за племенами.
Как с горестью, беря на выход чек
в порт роковой, где дутый ворон Амен,
плывут за человеком человек
и душу рвут мою за временими.

Так, без катарсиса, кончается одна из «трудных» поэм Сосноры «Аппо іва», в которой есть странное благодарение Бирона. Странное, если не знать общего контекста двух поэм, «Аппо іва» и «Возвращение к морю», в которых закономерна идея «бича божьего». Идея, вырастающая из мучительного продирания сквозь жестокие реалии истории, ставшей повседневной мукой, а не предметом холодного любопытства.

Столь же мучительно отыскиваются и средства поэтического оформления нового способа познания. Перед нами стремление ослабить жесткость языковых связей, неизвестн их до детской почти произвольности, за которой, однако, стоит непосредственное соприкосновение с миром.

При этом ирония заместила сарказмом и горечью:

Я слышу, как вокруг дрожат дома,
я по ночам намного лучше слышу.
А вижу хуже, я во мгле сижу,
пишу смолой алмазной по рутине.
Мне страшно. В кабинете, в книг саду
мне жизнь у жалоб голубя противней.
Не с рук творимый в Рюрикову Русь
и куликуя Дмитрия Мамаю,

Я повторяю по ветрам вопрос —
о то ли мое тело мое, мама?

Исторический материал, когда-то модернизированный лексически и интонационно, но сюжетно оставшийся самим собой, теперь откровенно двигается в современность, в момент написания стихов. И это тоже восходит к Хлебникову, который писал о Перуне:

Бог, водами носимый,
Яченьем встречен лебедей,
Не предопределил ли ты Цусумы
Роду низвергших тя людей? —

выводя трагедию начала XX века из времен крещения Руси.

Это предисловие не случайно названо заметками. Невозможно и ненужно даже в объемной вступительной статье охватить всю тематику и стилистические проблемы тридцатилетней работы такого сложного поэта, как Соснора. Здесь обозначены наиболее характерные моменты, да и то — далеко не все. Особая тема — лирика Сосноры, причем — в книге, посвященной памяти жены, лирика, поднимающаяся до трагической пронзительности. И не только в открытых признаках, но и в стихах «закрытых», театрализованных, сдвинутых в кажущуюся ирреальность.

В драматической поэме «Пьяный ангел» эта фантазмагорическая ситуация представлена таким прозрачным и выверенным стихом, что она кажется реальной. И дело не в том, что поэт в этом случае дал себе труд написать просто, а в том, что суть происходящего ясна ему, понятна им за пределами поэмы, и — пред нами результат. Единство формы и содержания — не выдумка литературоведов.

Особая тема — польские мотивы у Хлебникова, молодого Асеева и у Сосноры.

Мои глаза бредут, как осень,
По лиц чужим полям,
Но я хочу сказать вам — мира осям:
«Не позволю!»

Но дело не в этих частных, хотя и характерных совпадениях и польских сюжетах, постоянно проявляющихся у Сосноры, как и у Асеева. Дело не в польском происхождении Сосноры по отцовской линии.

История старой Польши — символ поэтического своеволь-

ства, нерасчетливой жертвенности, романтического движения к гибели. «Все это хорошо в поэтическом отношении», — сказал Пушкин, описывая поражение польской армии во время восстания 1831 года.

Таких «особых тем» в книге — масса.

Поводом для отдельного небольшого исследования могло бы стать триязычное стихотворение «Отлистала сказку про меня...». Еще Тынянов говорил о смысловой символической игре иностранных слов в стихах.

Особая тема — «бестиарий» Соснора, восходящий и к бестиарю «Слова о полку Игореве», и к «звериному миру» Хлебникова, и к очеловеченной фауне Заболоцкого.

Любопытно, что у Хлебникова поэма «Зверинец», где он устанавливает соотношения между животным и человеческим миром, включая и историю и культуру, заканчивается так: «Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов Слово о полку Игореве во время пожара Москвы».

Но у нас речь о другом. Многое читатель увидит сам. Я же хочу обратить его внимание на подвижническую работу поэта, пытающегося поэтически осознать мир — начиная с самых темных его пластов, с невнятицы исторической, бытовой, психологической. Здесь особенно наглядна большая поэма «Возвращение к морю», само название которой исполнено смысла. Недаром она дала и название всей книге. Возвращение к морю — к миру ясности, гармоничности, естественности, бурной и свободной жизни. Но путь лежит через тяжелое преодоление многих искусов.

«Возвращение к морю», в отличие от «Пьяного ангела», — разворачивающийся перед глазами читателя мучительный процесс исследования хаоса — то есть изживания его. Исследование трагических тупиков бытового и исторического сознания, которым занимается Соснора в своих «трудных» поэмах, — есть изживание этих тупиков, прорыв к пониманию. И финал поэмы, в которой собрано множество представителей животного и человеческого мира разных времен и народов, несмотря на его сгущенную символику, прочитывается легко и определенно:

...Бьют голубую чайку в лоб и влет
два ворона, тяжелые, как ужас.
Убили и упала, как в вине
лежит в волне и смеркнул синий уж глаз...
И вот идут, как нотные, ко мне

два ворона, тяжелые, как ужас.
Они идут по берегу волны,
как с копьями, как пьяные, как в шрамах,
как орды, воды пьющие волю,
как вору книг изданья Рима — в шлемах.
Они идут в виду, как бы века
со временем, со жизнью, со любовью...
Два ворона летят, как два века,
железные, терновые — на лоб мне!
Кто в свод свистит у солнца на краю?
Прочь розу! — ты, пузырь у зорь нездешних!..
Где ярость я, юродствуя, кую, —
идут и тут, два с дулами, неспешных.
Два ворона, как ветры, вьют круги
над взморьем,
и так смотрят с моря уж в глаз,
что хочется взять выстрел за курки
и не стрелять, чтобы не смыть с них ужас.
Два ворона в дороге, как ружья
от горя отголосок, как два брата...
Они уйдут, как рыбы, вдаль, кружа,
тревожные...

А мне уж нет возврата.

Нужно помнить, что вороны и в фольклоре, и в литературе символизируют одновременно мудрость и гибель. И тогда становится понятен один из смыслов поэмы, в которой смешаны судьбы двух империй, Римской и Российской, со всеми главными жизненными компонентами — любовью, природой, смертью, существованием птиц, зверей и рыб, прекрасно и гротескно повторяющим человеческое существование.

Вечные вороны, сбивающие имперскую чайку и несущие терновый венок поэту, — суровая, зловещая, неизбежная справедливость истории. Перефразируя известную формулу Ибсена, можно сказать: «История — это возмездие».

История — это возмездие за слабость, заблуждения, жестокость, слепоту к миру, честолюбие, удовлетворяемое за счет других...

Но история — это и возмездие за понимание, знание, проникновение в суть вещей.

Мир распадается. За людьми, предметами, событиями стоят их смыслы, их меняющиеся с ходом времени образы,

ускользающие от нас, рвущиеся связи... И каждый подлинный поэт — в случае удачи — схватывает явление в его временной глубине, восстанавливая цельность мира, останавливая огромное мгновение.

Мир проступает в стихах, как изображение на фотобумаге, погруженной в проявитель. То, что казалось невидимой, бесплотной тенью, ностальгически неуловимым прошлым, становится плотью стиха.

Это и происходит в лучших стихах Сосноры.

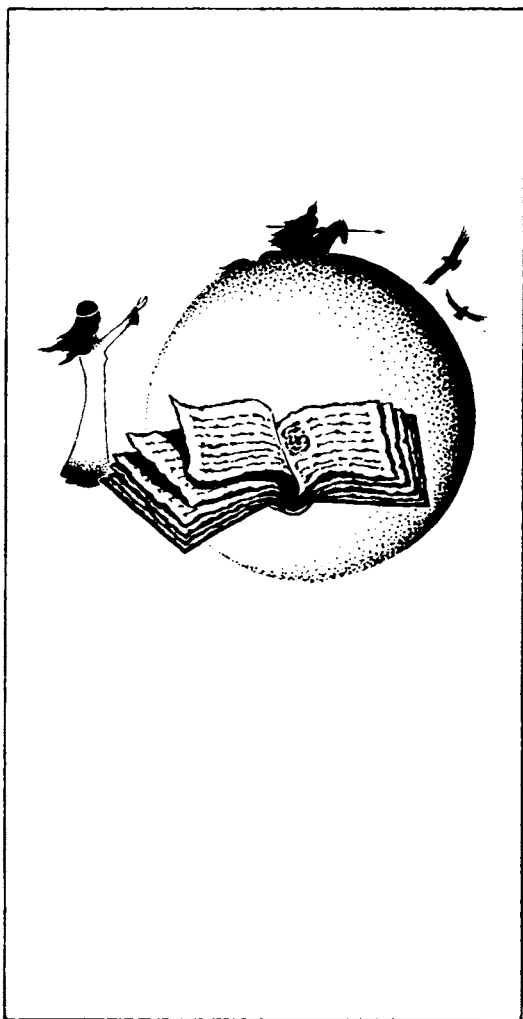
Не каждый читатель воспримет эту книгу целиком. Но каждый истинный ценитель поэзии найдет в ней свой слой — кто ранние стихи о древней Руси, кто любовную лирику, кто словесную эксцентрику. Кому-то будут всего интереснее «трудные» стихотворения и поэмы.

Но будет и тот, кто примет книгу как единое целое, как письмо-исповедь, как судьбу. И это будет — читатель Виктора Сосноры.

Я. Гордин

СЛОВО

БРАТЬЯ!
НАСТАЛА ГОДИНА
БРАТЬСЯ
ЗА СЛОВО ВЕЛИКОЕ!

ГУСЛИ БОЯНА

У Бояна
        стозвонные
гусли,
а на гусях
        русский орнамент,
гусли могут стенать, как гуси,
могут
        и клекотать
орлами,
могут мудростью
с дубом спорить,
спорить скоростью
с волком
        могут,
радость князю — ликуют,
горе —
разом с князем горестно молкнут.
У Бояна
        бойкие струны!
Словно десять кречетов
статных
напускает Боян
        на юное
        лебединое стадо.

Первый кречет

кричит победно
песню-здравицу в честь Мстислава,
что прирезал Редедю
пред полками косоогов бравых.

То не десять кречетов
юных —

десять пальцев,

от песен скорченных,
задевают струны,

а струны
сами славу князьям рокочат.

Или вдруг

заструятся

грустью,

журавлиною переключкою...

У Бояна стозвонные гусли —

пере-

лив-

ча-

тые!

СЛАВА!

Лихо Солнце поднебесное
колет Днепр

лучами

острыми.

Страны рады,

грады веселы,

Днепр с утра

хлопочет

веслами.

Бусы у девиц

агатовые,

у девиц запевки

ладные.

Днепр с утра ладьи

побалтывает,

переполненные ладами.

Ну-ка в хоровод!

Запаришься

под июльскими деревьями.

Песню спев князьям

состарившимся,

молодым споем

со временем.

Слава

Игорю со Всеволодом!

Киев-городу

родимому!

ЗА ИЗЮМСКИМ БУГРОМ

За Изюмским бугром
                    побурела трава,
был закат не багров,
                    а багрово-кравав,
желтый глиняный грунт
от жары почернел.
Притащился к бугру
богатырь-печенег.
Пал ничком у бугра
в колосящийся ров,
                    и урчала из ран
                    черно-бурая кровь.
Печенег шел на Русь,
                    в сталь
                    и мех наряжен,
только не подобру
                    шел —
                    с ножом на рожон,
не слабец и не трус,—
                    получился просчет...
И кочевнику Русь обломала плечо.
Был закат не багров,
                    а багрово-кравав.
За Изюмским бугром
                    побурела трава.
Солнце
                    четкий овал
                    задвигало за гать.
Печенег доживал
свой последний закат.

У ПОЛОВЕЦКИХ ВЕЖ

Ну и луг!

И вдоль и поперек раскошен.

Тихо.

Громкие копыта окутаны рогожей.

Тихо.

Кони сумасбродные под шпорами покорны.

Тихо.

Под луной дымятся потные попоны.

Тихо.

Войско восемь тысяч, и восемь тысяч доблестны.

Тихо.

Латы златокованы, а на латах отблески.

Тихо.

Волки чуют падаль,

приумолкли волки.

Тихо!

Сеча!

Скоро сеча!

И — победа,

только...

тихо...

Бочки рядами

и рядом.

Днища мокры от росы.

Брызжет в жаровнях говяда.

Ромбами вырублен сыр.

В чаши, кувшины, ендовы

хлещет медовый ручей,—

добрый,

медово-бедовый!

Бей, бубен,

бей, бубен,

бей!

РОГНЕДА

На Днепре
апрель,
на Днепре
весна
волны валкие выкорчевывает.
А челны
черны,
от кормы
до весла
просмоленные, прокопченные.
А Смоленск
в смоле,
на бойницах
крюки,
в теремах горячится пожарище.
У Днепра
курган,
по Днепру
круги,
и курган
в кругах
отражается.
Во курган-
горе
пять бога-
тырей,
груды в шрамах — военных отметилах,
непробудно спят.

Порубил супостат
Володимир родіну Рогнедину.

На передней
короге
в честь предка
Сварога

пир горой — коромыслами дымными.

Но Рогнеда
дичится,
сдвинув плечи-
ключицы,

отвернулась от князя Владимира.

Хорохорятся кметы:
— Дай рог

Рогнеде,

продрогнет Рогнеда под сорочкою! —

Но Владимир
рог не дал
нелюдимой
Рогнеде.

Он промолвил:

— Ах ты, сука непорочная!

Ты грозишь:

в грязи

народишь сынка,
хитроумника, ненавистника,
и сынок

отца

завлечет в капкан
и прикончит Владимира быстренько.
Не брильянты глаза у тебя! Отнюдь!
Не краса —

коса

цвета просового.

От любви
убил
я твою родню,
от любви к тебе, дура стоеросовая! —
    Прослезился князь,
    преподносит — на! —
скатный жемчуг в бисерной сумочке.
    Но челны
    черны,
    и княжна
    мрачна,
только очи
    ворочает
        сумрачно.

СКОМОРОХИ

В белоцерковном Киеве
такие

скоморохи —
поигрывают гирями,
торгуют сковородками,
окручивают лентами
округлых дунек...
И даже девы бледные
уходят хохотуньями
от скоморохов,
охают

в пуховиках ночью,
ведь ночью очень плохо
девам-одиночкам.

Одним,
как ни старайся,
тоска, морока...

И девы пробираются
к ско-
морхам.

Зубами девы лязгают
от стужи.

Ночи мглисты.

А скоморохи ласковы
и мускулисты,
и дозволяют вольности...

А утром,
утром
у дев уже не волосы
на лбу,
а кудри

окутывают клубом
чело девам,
у дев уже не губы —
уста рдеют!

Дождь сыплется...
Счастливые,
растрепанные, мокрые
смеются девы:
— В Киеве
такие скоморохи!

КАЛИКА

Посох тук-тук...
Плетется калика,
посох тук-тук...
в портянках плетеных,
посох тук-тук,
стихарь да коврига,
посох тук-тук,
у калики в плетенке.

За плечом
летописные списки
о российских
ликующих кликах.

Напевая
стишок
византийский,
вперевалку
плетется калика.

Над каликой
гогочут вприсядку
дядьки-ваньки
и девки-нахалки,
и кусают
калику за пятки
шелудивые псы-зубоскалы.

Посох тук-тук
по сухому суглинку,
посох тук-тук
по кремнистому насту.
Непутево
плетется калика.
Ничего-то
калике не надо.

Пирует Мстислав. Созывает на праздник
окрестных крестьян

и пирует —

до храпа!

Мудрец Ярослав и молва не напрасно
прозвали Мстислава маститого Храбрым.

1111 ГОД

Между реками, яругами, лесами,
переполненными лисами, лосями,
сани,

    сани,

        сани,

            сани,

                сани,

                    сани...

Наступают неустанно россияне...

Под порошей пни, коренья
нетелесны,
рассекают завихренья
нити лезвий.

На дружинниках меха —
баранья роба.

На санях щиты поставлены
на ребра.

Шустро плещутся плащи по перелескам.
Даже блестящие снеговые

                                    в переплеске,

от полозьев —

                                    только полосы на насте...

Как бояре взъерепенились на князя:

— Ты, Владимир Мономах,

мужик не промах:

ты казну и барахло оставил дома,

ты заставил нас покинуть
жен, халупы,
обрядить свою холопину
в тулупы.
Где ж добыча, князь? Морозы-то —
не охнуть!
Все в сугробах половецких передохнем!

Разъярился Мономах:
— Чего разнылись?
Разве сани не резвы
и не резные?
Разве сабли
не заточены на шеях?
Так чего же вы разнюнились,
кощей?

Не озябли вы, бояре,
не устали,—
вам давненько по ноздрям не попадало!

Тяжела у Мономаха шапка-ярость!
Покрутив заледенелыми носами,
приумолкли пристыженные бояре...
Между реками, яругами, лесами
снова —

сани,
сани,
сани,
сани,
сани.

Наступают неустанно россияне.

ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ БОЯНА

* * *

Я всадник. Я воин. Я в поле один.
Последний династии вольной орды.
Я всадник. Я воин. Встречаю восход
с повернутым к солнцу веселым
виском.

Я всадник. Я воин во все времена.
На левом ремне моем фляга вина.
На левом плече моем дремлет сова,
и древнее стремя звенит.

Но я не военный потомок славян.
Я всадник весенней земли.

* * *

Возвращайся, воин, в дом,
в дом дрём,
без руля и без колес
дом грёз,
истреблен и гнет и трон —
дом дрём,
всё взаправду, всё всерьез,
дом грёз.

Возвращайся, воин, к винам,
прекращай обиды битв,
обращайся, воин, к вилам,
обещай баклуши бить,
пригляни себе сутану
семейную...

Прокляни меня, солдат,
за советы.

* * *

И грустить не надо.
Даже
в самый крайний,
даже
на канатах
играйте, играйте!

Аленушка, трудно?
Иванушка,
украли?
Эх, миллионострунно
играйте, играйте!

Или наши игры
оградим оградой?
Или —
или — или!
Играйте, играйте!

Расторгуйте храмы,
алтари разграбьте,
на хоругвях храбро
играйте, играйте!

На парных перинах
предадимся росту!

Так на пепелищах
люди плачут,
поэты — юродствуют.

* * *

Догорай, моя лучина, догорай!
Все, что было, все, что сплыло, догоняй.

Да цыганки, да кабак, да балаган,
только тройки —
по кисельным берегам.

Только тройки — суета моя, судьба,
а на тройках по три ворона сидят.

Кто он, этот караван и улюлюк?
Эти головы оторваны, старик.
А в отверстиях, где каркал этот клюв,
по фонарику зеленому стоит.

По фонарику — зеленая тоска!
Расскажи мне, диво-девица, рассказ,
как в синицу превратился таракан,
улетел на двух драконах за моря...

Да гуляй, моя священная тоска,
как и вся больная родина моя!

Мой дом, увы,— богат и, правда, прост:
богат, как одуванчик, прост, как смерть.
Но вместо девы дивной, райских роз
на ложе брачном шестикрылый зверь.

И не завидуй. Нет у нас, поверь,
ни лавра, ни тернового венца.
Лишь на крюке для утвари твоей
мои сердца, как луковки, висят.

* * *

Дождь идет никуда, ниоткуда,
как старательная саранча.
Капли маленькие, как секунды,
надо мною звучат и звучат,

не устанут и не перестанут,
суждены потому что судьбой,
эти капли теперь прорастают,
может, деревом, может — тобой.

Воздух так водянист и рассеян.
Ты, любимая,

мы — воробьи.

В полутьме наших птиц и растений
я любил тебя или убил?

Пусть мне всякий приют — на закланье!
Поводырь, меня — не доведи!
Ворон грянет ли, псы ли залают,—
веселись! — восвояси! — в дожди!

Дождь идет все сильнее, все время,
племена без ветрил, без вождя.
Он рассеет печальное племя,
то есть каждую каплю дождя.

Где я? Кто я? Куда я? Достигну
старых солнц или новых тенет?
Ты в толпе торопливых дождинок
потеряешь меня или нет?

Меч мой чист. И призванье дано мне:
в одиночку — с огульной ордой.
Я один. Над одним надо мною
дождь идет. Дождь идет. Дождь идет.

ПЕРВАЯ МОЛИТВА МАГДАЛИНЕ

На ясных листьях сентября
росинки молока.
Строения из серебра
сиреневы слегка.

Ты помни обо мне, о нем,
товарище чудес.
Я вижу вина за окном.
Я вовсе не воскрес.

Я тень меня. Увы, не тот.
Не привлекай кликуш.
Не объявляй обильный тост.
Мария! Не ликуй.

Я тень. Я только дух себя.
Я отблеск отчих лиц.
Твоя наземная судьба
для юношей земли.

Тебе заздравье в их сердцах.
Не надо. Не молись.
И что тебе в такой сентябрь
сомнения мои!

Твой страх постыден в день суда.
Оставим судьям страх.
А я? Что я?! Не сострадай,
несчастливая, сестра.

Их жизнь — похлебка, труд и кнут,
их зрелища манят.
Они двуногий свой уют
распяли — не меня.

Сестра! Не плачь и не взыщи.
Не сострадай, моя.
Глумятся надо мной — молчи,
внимательно молясь.

Но ты мои не променяй
сомнения и сны.
Ты сказку, сказку про меня,
ты сказку сочини.

* * *

Отлистая сказку про меня.
Отблестала у династий дня.
Удит на цыганку время нас,
индустан-украинный обман.
Працювати — не найкращий час,
дочекатись: справдиться,— о ні!
Бог не дав ни рог для стайи крав,
ходят с ухом со холма на холм.
А у хати провалился кров:
звался хутор — завивался хмель!
Отсвистала сказку про меня
на путивле евфросиний дня.
Эпос-иней голову глумил,
угасал как уголь грозный мозг.

Что там купол-Киев говорил?
В мире был по январю мороз.

Это Русь без всадников меня
хоронила пешим ходом дня
в женском платье, в гриме лоб высок,
на кладбище снега и сорок,
гребнем забран что ни волосок:
догадайся — дева? скоморох?

До свиданья, Русь моя во мне!
До світання проміння во мгле!
Отзвенел подойник по делам, —
поделом!..

Пойдемте по домам.

* * *

Наше время — веселиться,
размотать души клубок.

Ты — царица Василиса,
я — твой первый теремок.

В этом доме пели мало
и не плакали еще.

Понемножку пировали,
целовались под плащом.

И порхали очень просто
ноготки, как лепестки.

Наше время — время тостов
от безвременья тоски.

ВТОРАЯ МОЛИТВА МАГДАЛИНЕ

Это птицы к подоконникам льнут.
Это небо наполняет луну.

Это хижины под небом луны
переполнены ночными людьми.

Невозможно различить в темноте
одинаковых, как птицы, людей.

Ты целуй меня. Я издалека
обнимаю!

Обвиняю свой страх.

Я неверье из вина извлекал,
от, любимая, неверья устал.

Нет привала. Вся судьба — перевал!
Запорожье!

Нет реки Иордань!

Если хочешь предавать — предавай,
поторапливайся! Эра — не та!

Нынче тридцать за меня не дадут.
Многовато бескорыстных иуд.

Поспешай! Петух Голгофы поет.
Да святится святотатство твое...

ЯЗЫЧНИКИ

Обличает волк луну,
как людей Божий Сын...
Житие — ни тпру, ни ну,
то ли чернориз-цы!

Ратуют они за рай,
там нектары — ложками!
Если житие — сарай,
проповеди
ложны!

Белениться? Не балуй!
Плуг тебе да лошади!
Если поголовный блуд,
проповеди —
ложны!

Черноризцам — все азы,
патоку и птаху,
а язычникам — язык
на полку?
на плаху?

За любовь
пред паствой маяться?
Псалтыри
за счастье?

Верим в солнце,
верим в мясо,
в соль,
в зерно,
в зачатъе,
в бубны,
в бани,
в хоровод,
в гусельные весла!

В нашей жизни горевой
ой как редко звездно...

* * *

Ресницы у овец на бя.
Уснули люди у себя.
Закрыло Солнце веко льва,
взошла на воздухе Луна.
По всем шоссе шел некто Бог,
Он был бездетен, босоног.
Все было так, как было жаль,
как я во ржи, как червь, лежал.
И поцелуи всей Земли
по телу мучали и жгли.

* * *

О чем плачет филин?

О том, что нет неба,
что в темноте только
двенадцать звезд, что ли.

Двенадцать звезд ходят,
игру играют,
что месяц мышь съела,
склевал его ворон.

Унес ворон время
за семь царств счастья,
а в пустоте плачет
один, как есть, филин.

О чем плачет филин?

Что мир мал плачу,
что на земле — мыши,
все звезды лишь — цепи...

Когда погас месяц,
и таяло солнце,
и воздух воздушен
был, как одуванчик,

когда во все небо
скакал конь красный
и двадцать две птицы
дневных смеялись...

Что так плакал филин,
что весь плач птичий —
бессилье бессонниц,
ни больше, ни меньше.

ОБРАЩЕНИЕ

Подари мне еще десять лет,
десять лет,
да в степи,
да в седле.

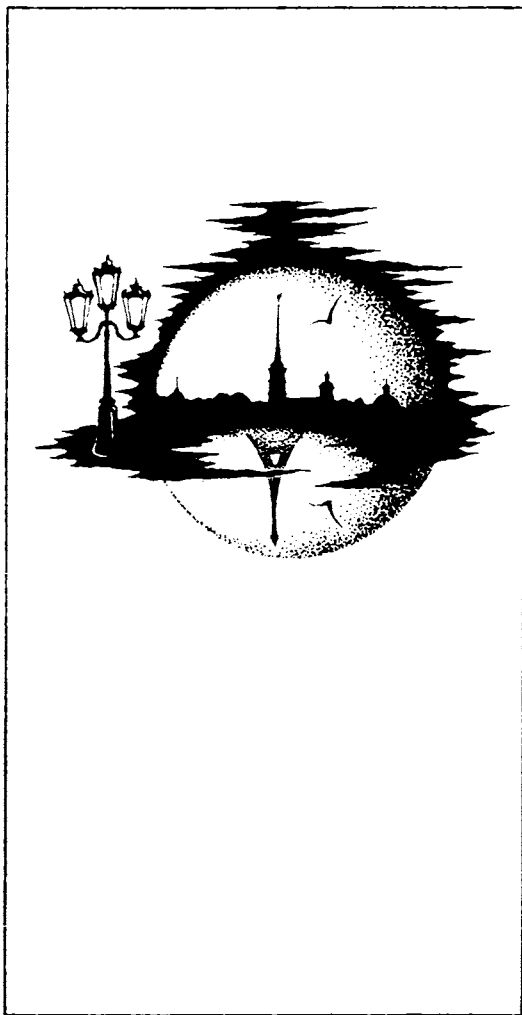
Подари мне еще десять книг,
да перо,
да кнутом
да стегни.

Подари мне еще десять шей,
десять шей
да десять ножей.

Срежешь первую шею — живой,
срежешь пятую шею — живой,
лишь умоюсь водой дождевой,
а десятую срежешь —
мертв.

Не дари оживляющих влаг
или скоропалительных солнц,—
лишь родник,
  да сентябрь,
  да кулак
неизменного солнца.
И все.

ЖИЗНЬ МОЯ

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(ОБРАЩЕНИЕ)

Десять книг

да в степи

да в седле,

десять шей и ножей отвидал.

«Подари мне еще десять лет», —
отписал.

Ты семнадцать отдал.

Отнял степь

да седло

да жену.

Книги вервьем связал. Не листал.

Отъял шею —

оставил одну.

Ночью каинств и ламп не лишил.

Что мне делать с ней, шеей, с ножом?

Я не раб,

я не враг,

бой не бью.

Бог с тобой, если Именем — нам:

отдал — отъял и...

Благодарю.

Где ж я был? — В сталактитах у скал?

Чрез семнадцать вернулся. Я — тот.

Те ж народы... Никто не узнал,

для ВЕРХОВНОГО ЧАСА — никто.

Те дары не расплавлю кольцом.
Не жалею у ножа,
ожидай.
Дай два ока — закроюсь лицом.
Если

    есть
        во мне,—
не оживляй.

Дай два Огня,
        два Зверя,
                    два Дня.

Две волны,
        двойню губ
                    да весло.

Не удваивай в Доме меня.
Забирай под забралом,—
и все.

---

* * *

И древний диск луны потух.
И дискантом поет петух.

Петух — восточный барабан,
ирихонская труба.

Я знаю: медленен и нем,
рассвет маячит в тишине,
большие контуры поэм,
я знаю,—
в нем, а не во мне.

Я лишь фонарик на корме,
я — моментальный инструмент.

Но раз рассвет — не на беду
поет космический петух.

Петух с навозом заодно
клюет жемчужное зерно.

В огромном мире, как в порту,
корабль зари — поет петух!

---

* * *

Тише, тише,
мысли-мышы,
кот на крыше —
кыш! кыш!
Кот-мяука
ловит муху-
цокотуху,
мой малыш!

Тише-тише,
мысли-мышы...
Кто на крыше?
Кыш! кыш!
Это бесы
плачут в бедных
колыбелях,
мой малыш!

Тише, тише,
мысли-мышы,
боги слышат,
мой малыш!
Боги эти
тоже дети,
а на свете
лишь тишь...

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь!

Ты — вельможа в балтийской сутане.

Корсар!

Ты торгуешь чужими судами.

Твой жемчуг — чужой.

А торговая прибыль?

Твой торг не прибавит

ни бури,

ни рыбы.

А рыбы в берлогах морей обитают.

Они — безобидны.

Они — опадают.

Они — лепестки.

Они приникают

ко дну,

испещренному плавниками.

Сентябрь!

Твой парус уже уплывает.

На что, уплывая, корсар уповает?

Моря абордажами не обладают.

Лишь брызги, как листья морей, опадают.

Любимая!

Так ли твой парус колеблем,
как август,

когда,

о моря ударяясь,
звезда за звездой окунают колени...

Да будет сентябрь с тобой, удаляясь.

---

* * *

Ты уходишь,
как уходят в небо звезды,
заблудившиеся
дети рассвета,
ты уходишь,
как уходят в небо
на кораблики похожие птицы.

Что вам в небе?
Наша мгла сильнее снега.
Наше солнце
навсегда слабее сердца.
А кораблик
журавля на самом деле —
небольшое
птичье перышко, не больше.

Ты уходишь.
Отпускаю, потому что
опустели
сентябри моими журавлями.
До свиданья.
До бессонных сновидений,
до рассвета,
заблудившегося в мире.

---

* * *

В твоих очах, в твоих снегах
я, путник бедный, замерзаю.
Нет, не напутал я,— солгал.
В твоих снегах я твой Сусанин.

В твоих отчаянных снегах
гитары белое бренчанье.
Я твой солдат, но не слуга,
слагатель светлого прощанья.

— Нас океаны зла зальют...—
О, не грози мне, не грози мне!
Я твой солдат, я твой салют
очей, как небо, негасимых.

Каких там, к дьяволу, услад!
Мы лишь мелодию сложили
про то, как молодость ушла,
которой, может быть, служили.

---

* * *

я лишь просил: не нужно! не удержим!
не разбивайся, жено, о талант!
не отнимай последнюю надежду! —
Не отняла.

о отступись! — просил. Ты отпустила.
отдай в ответы даты! — Отдала.
не мсти хоть за спасибо! — Не отмстила.
Оберегла.

увел тебя у воли твой Сусанин.
Ничье нечестье не звучит за мной.
Хлеб-соль хорош. Что ни с людьми — с сердцами.
Земля — землей.

я пью вино, отпущенник в тиаре,
пишу на Лире, в пульсе быстрота,
как будто басни, а не бестиарий...
Как без тебя.

Нужна ли нежность? Мало ли могли мы
о двух руках, о трех перстнях сребра?
Как без тебя мне, милая, в могиле? —
Как без себя!

НАЧАЛО НОЧИ

Над Ладогой пылала мгла
и, следовательно,— алела.
Зима наглела, как могла:
ей вся вселенная — арена.

И избы иней оросил.
(Их охраняли кобелями.)
И ворон,
                    воин-сарацин,
чернел,
                    налево ковыляя.

И кроме — не было ворон.
С ним некому — в соревнованье.

Настольной лампочки лимон
зелено-бел.
Он созревает.

И скрылся ворон...
                            На шабаш
шагала ночь в глубоком гриме.

Искрился только карандаш,
не целиком,
а только грифель.

---

* * *

Знал и я раньше,
да и недавно,
страх страницы...
Написать разве,
как над Нотр-Дамом —
птицы, птицы.

Рассветал воздух,
воздух звезд. Луны
уплывали.
Транспорт пил воду
химии. Люди —
уповали.

Про Париж пели
боги и барды
(ваша — вечность!).
Ведь у вас — перлы,
бал — баллады,
у меня — свечка.

И метель в сердце —
наверстай встречи!
Где моя Мекка?
В жизни и смерти
у меня — свечка,
мой значок века,
светофор мига,

мой простой праздник,
рождество, скатерть...

Не грусти, милый,
все — прекрасно,
как — в сказке.

Гении горя
(с нашим-то стажем!),
мастера муки!
Будь же благ, город,
что ты дал даже
радость разлуки.

Башенки Лувра,
самолет снится,
люди — как буквы,
лампочки — луны,
крестики — птицы...
Будь — что будет!

---

* * *

Твой фотоснимок
(вот Вам, Волжанка!)
в Париже.

Твой без тебя.
Полюбуйся:
Я — ртуть во рту.

Май не по мне:
даже в Лувре твоя
Джоконда.

Я не люблю
люмпенский абрис
ее.

Мне Леонардо
лишь гений лица,
но не кисти.

Ты их любила.
И вот фотография —
факт.

Мертвый мазут.
В Сене снуют
сигареты.

Я фотоснимок
тебя... Я посмертный —
сюда?!

Радость моя!
Скифы скитались
прежде Парижа.

Нам не дана
(бойся Данайцев!)
ересь Европ.

В лицах есть что-то:
ответ на себя?
тост телячий?

Я без себя.
Да и кисти мои
не у лиц.

Жалко Париж.
Я был... как бы не был
в отеле.

Твой фотоснимок
не совместился
ни с кем.

«МУЛЕН-РУЖ»

(РЕЦЕНЗИЯ НА КИНОФИЛЬМ)

Отрецензировать фильм — ответственность.
Риск реализма. Не по плечу. Я не скромничаю:
попытка. Итак:

Анри Тулуз-Лотрек был граф.
Единственный при жизни.
Рожден кузеном и кузиной. Во дворце.
Но пал на лестнице. Он не поранил ножки,
но ножки мальчика не подросли.
Был папа благороден. Благо, в роде
все были крестоносцы из Тулуз.
Знал папа гены. Папа бросил маму,
чтобы второй ребенок с ножками — не смог.

Ах, что ж Анри? Что оставалось делать
графенку-инвалиду, — рисовать!
Стал рисовать. Его не полюбила
графиня-переросток ДДТ.
И он решился (о твоя отвага!)
стать гением, то есть — самим собой.
Вот что сказал он: — Труд — большое счастье. —
О правда!.. Он отправился в Париж.

Он взял лишь миллион. Дворец (великодушье!)
он оставил.
Он папу с мамой не нарисовал в веках.

Стал жить сам по себе. Один. В мансарде
со севрской ванной,— в общем, в нищете.
Вот что еще. Деталь, но любопытна:
он пил коньяк из трости в Опера.
А также ежедневно пил коньяк же
из хрусталя в Мулен и рисовал на скатертях.

Что рисовал? Реальность ресторанов,
жокеев на лошадках, гетерисс,
Уайльда с бриллиантом-брошью... вывод:
таких же обездоленных, как он.
Любил людей. Его — лишь полицейский.
Сержант, естественно,— кто ж скатерти
бессмертные еще ценил?
Кормил коньяк. Давал всем фрукты, франки.
Никто не понял,— лишь король холсты купил.

Пришла любовь. Пришла, как все — из тюрем.
Вот так: не проститутка, а любовь.
На улице... с сержантом... спас...

Но ножки!.. —

его не полюбила Роз-Мари!
Он подарил чулок — но отвернулась.
Он пил коньяк — она не снизошла.
Бедняжка-бляшка в занавеску завернулась
и к сутенеру-педерасту от гения ушла.

Что говорить — с годами стал он гениален.
Умножился и ум его от мук.
Все знаем по себе! ну кто не станет гений
с годами, если пьет один коньяк?
Ты, творчество! Ты с ним случилось тоже:
не раз не два не три,— о вдохновенья ночь!
он кисть кусал! в очках коньячных звезды!
и — развивая свой талант — и рисовал!
Пришла любовь. Теперь уже с любовью.

Честна и манекенщица, как встарь.
Она одна не завтракала с детства,
чтоб у Анри хоть что-то живописное купить.
Но тут уж — он! (Ах ножки, эти ножки!)
Любил, но пасть в объятья не посмел.
Знал — обоюдно. Все же вышла замуж,
хотя про Афродиту ей все объяснил, как есть.

Разволновался. Или — крах иллюзий.
Стал пить коньяк, но как не пил никто.
Горячка. Обязательность больницы.
Но отказался... Ну и умер уж...
Охотник-папа, мама-католичка
пришли к одру (ведь смерть — не смех, увы!):
— Прости, Анри, ведь ты дорисовался
до Лувра и при жизни как никто!

P. S.

Фильм объяснил весь драматизм судьбы художника Анри Тулуз-Лотрека: жил гений, хоть изгой, но с мозгом и чудесный человек. Теперь таких уж нет. Я их искал. Я обошел все рестораны века. Я пил коньяк. Что я! Я весь в слезах. Я весь киваю: вот ведь век!

P. P. S.

Мулен — мельница. Руж — красная. (Француз.)

---

* * *

Сколько используешь калорий
для зарифмованного бреда?

Как распрямляешь кривую крови
своих разноплеменных предков?

Каких подонков караулишь?
Как бесподобен с королями?

Как регулируешь кривую
своих каракулей,
кривляний?

Как удаляешь удобренья
с опять беспутного
пути?

Гудят глаголы, как деревья
промерзшие
и в хлопьях птиц!

---

* * *

Разлука звериного лая со страхом совиным,
разлука рассвета со звездами в красной воде,
ты, память моя,—
ты разлука
цепей с целым царством — рабовладением сна.

Когда опустеют все тюрьмы последнего сердца,
тогда ты поймешь:
мир прекрасен одними скорбями скорбей,
не узник тоскует в тюрьме —
это тюрьмы тоскуют в разлуке,
и смерть это вовсе не смерть,
а разлука со смертью своей.

Спасибо.

За все фонари, за дожди нефтяные, ночные...

---

* * *

И ко сну отошли рекламы.

Фонари,

фонари трехглавы:

Так и есть — фонари трехглавы:

две зеленых, над ними желтая
голова.

Ночь дремуча.

Дома дремучи.

И дремучие головешки —

бродят маленькие человечки,

и ныряют в свои кормушки,

разграфленные по этажам,

и несут иконы в кормушки,

мельтешась.

Купола, минареты, маковки

в ожидании мятежа!..

Бродят маленькие человечки:

головы — головешки.

Выбирают,

во что поверить?

Сколько веяний... поветрий...

---

* * *

Фонари опадают.

Опадают мои фонари.

Целые грозди электрических листьев
примерзают к уже не зеленой земле.

Эти листья

на ощупь — неосязаемы

(это листья моих фонарей!),

по рисунку — негеометричны,

по цвету — вне цвета.

Без единого звука

листья моих фонарей
примерзают к уже не зеленой земле.

А деревья, к примеру, опадают не так.

Как они опадают!

Ах, как обучились деревья

опадать! Как вызубрили осень —

от листка до листка,

от корки до корки!

И когда опадают деревья —

выявляй, проходящий, запасы печали!

Незаметно для всех опадают мои фонари.

Но они опадают —

я-то знаю,

я вижу.

---

* * *

Мы плыли уже семь дней,
семь дней мы плыли.
И не было ни силуэта,
ни слова в тумане,
и не было ни небес,
ни беспокойства,
ни «здравствуй» и ни «прощай»
ни в прошлом, ни в завтра.

Плыви, наш корабль, плыви,
плывем, товарищ,
такая тоска — туман,
страна немая.
Вся наша судьба — туман,
как мрамор, белый,
где не было ничего,
что не бывало.

---

* * *

Прощай, Париж!
Летают самолеты,
большое небо в красных параллелях,
дожди, как иностранные солдаты,
идут через Голландию в Берлин.

Прощай, Париж!
Я не уеду боле
туда, где листья падают, как звезды,
где люстры облетают, как деревья,
на улицы квартала Бабилон.

Прости за то, что миллион предчувствий
в моей душе, как в башне Вавилона,
прости мои монгольские молитвы,
монашество мое и гамлетизм.

Прости за то, что не услышал улиц,
моя душа — вся в красных параллелях.
Кто мне сулил исполненное небо?
Такого неба нет и не бывало.

Как убывают люди и минуты!
Атлантов убаюкали моллюски.
Как я умру, не зная, кто из граждан
мне в уши выливал яд белены?

Прощай, прощай и помни обо мне...

ПИСЬМО

О, вспомни обо мне в своем саду,
где с красными щитами муравьи,
где щедро распустили лепестки,
как лилии, большие воробьи.

О, вспомни обо мне в своей стране,
где птицы улетели в теплый мир
и где со шпилья ангел золотой
все улетал на юг и не сумел.

О, вспомни обо мне в своем саду,
где колокольные звонят плоды,
как погребальные,
а пауки
плетут меридианы паутин.

О, вспомни обо мне в своих слезах,
где ночи белые, как кандалы,
и где дворцы в мундирах голубых
тебя ежевечерне стерегут.

---

* * *

Комнату нашу оклеили.
И потолок побелили.
Зелень обойных растений.
Обойные это былинки.
Люстра сторукая
в нашей модернизированной келье.
Так охраняли Тартар
сторукие гекатонхейры.
Мы приручили сову.
К мышлению приучили.
Качественны мысли у птички.
Много их — не перечислить.
Правильны мысли у птички.
Правильны — до зевоты.
Наша семья моногамна.
Сосуществует сова
третьим домашним животным.
Что ты, жена? Штопаешь
или носки шерстяные куешь,
приподнимая иглу,
как крестonosец копье?
Скоро дожди. Пошевелят мехами.
На зиму в берлоги осядут.
Скоро зима. Окна оклеим.
Выдюжим трое осаду.
Так обсуждаем мы неторопливо
неторопливые планы...

Белое, влажное небо над нами пылало!

ДОЖДЬ-ДЕКАБРЬ

Доля декад:

календарные солнце-луна.

Дождь и декабрь.

Вся фантазия — боже! —
больна.

Верил в статут:

это море мороза в лесах!..

Вербы цветут.

Лес в поганках, залив в волосах.

Таает зола:

это небо надежд и могил,

там в зеркалах

замутненные лица мои

в капельках слез,

по окружностям

плеск-пелена...

В карликах звезд

вся фантазия тоже больна.

Спится, и сон:

я — отшельник, в пустынь отошел.

Списками сов

и клыками слонов окружен.

Так мало жить:

на коленях коней-колесниц,

да миражи

человеческих кактусов-лиц.

Желудь клевал

одноглавый орел и... душил.

Шел караван
по пустыням-безлюдьям души.
День донимал:
семь верблюдов кувшины несли.
Не до меня.
Семь погонщиков шли — не нашли,
и не могли,
потому что я был в декабре.
Инеем мглы
обрисованы скалы дерев.
Где же снега?
Белолобая в блеске луна?
Грешен, солгал:
вся фантазия — больше больна!
Дождь с облаков.
Но декабрь тепла не терял.
Что ж. С Новым го-
дом,
с Новым горем тебя!

ЛЕТНИЙ САД ДНЕМ

Снег, как павлин в саду — цветной, с хвостом,
с фонтанчиком и женскими глазами.
Рябиною синее красный холм
Михайловский,— то замок с крышей гильзы!
Деревья-девушки по две в окнах,
душистых лип сосульки слез — годами.
На всех ветвях сидят, как на веках,
толстая, голубицы с голубями.
Их мрачен рот, они в саду как чернь,
лакеи злые, возрастом геронты,
свидетели с виденьями... Но речь
Истории — им выдвигает губы!
Михайловский готический коралл!
Здесь Стивенсон вскричал бы вслух: «Пиастры!»

Мальтийский шар, Лопухиной колер...
А снег идет в саду, простой и пестрый.
Нет статуй. Лишь Иван Крылов, статист,
зверолюбив и в позе ревизора,
а в остальном снег свеж и золотист,
и скоро он стемнеет за решеткой.
Зажжется рядом невских волн узор,
как радуг ряд! Голов орлиных злато
уж оживет! И статуй струнный хор
руками нарисует свод заката,
и ход светил, и как они зажглись,
и пасмурный, вечерний рог горений!
Нет никого... И снег из-за кулис,
и снег идет, не гаснет, дивный гений!

ОТЪЕЗД СО ВЗМОРЬЯ

Плакать не надо, Вы,— будем как чайки
Египта...
Мысли мои несмышлениши — мне вас
не додумать,
Надежды мои необитаемые — ни в небе.
Спите о спите свирели, как звери,—
эхо ваше замерзло.
Женщина, Вы — о любовь детского
Дон-Жуана!..
Чайки, все чайки. И море в мокрой сутане.
Солнце соленое ползает, щеки щекочет,
или это кровинки моря мои?
Туман. Знак знакомый луны в океане.
Теплая тень сосны на песке последней в пустыне.
Плакать не надо, Вы,— это лицо мое на дне
бокала
в той кровинке вина морской, скоморошьей.
Туман — бег белый коня в копытах.
Минет и третий звонок... Где же четвертый?
Плакать не надо, женщина, Вы, мы оба — только
объятья...

---

* * *

Все прошло. Так тихо на душе:
ни цветка, ни даже ветерка,
нет ни глаз моих, и нет ушей,
сердце — твердым знаком вертикаль.

Потому причастья не прошу,
хлеба-соли. Оттанцован бал.
Этот эпос наш не я пишу.
Не шипит мой пенистый бокал.

Хлебом вскормлен, солнцем осолен
майский мир. И самолетных стай
улетанье с гулом... о, старо!
и ни просьб, ни правды, и — прощай.

Сами судьбы — страшные суды,
мы — две чайки в мареве морей.
Буду буквица и знак звезды
небосклона памяти твоей.

ВЕЧЕР В ЛЕСУ

В муравейнике труд муравьиных семей.
Сон летает за эхом.

Кто? кукушка живет или сам соловей
в хитром храмике этом?

О каком композиторе-чудаке
плачет флейта-комарик?
«Мяу» кошки на чьем-то ничьем чердаке,
и не снятся кошмары.

Только с некоторых мне мерещатся пор
журавлиные гусли,
как хорош этот не человеческий хор
этих грешников грусти.

Наши быстрые буквицы — мир неживой:
сколько лавров и терний!
Ничего не осталось у нас, ничего —
и ни тем, и ни тени.

Наши буквицы — бой петушиных корон,
ни сомнений, ни солнца.
Лишь летучие мыши мигают крылом.
Да свинцовые совы.

Так случается: лопнул огромный орех —
лишь скорлупка-пустышка.
Кто-то в мае аукнул, а лишь в январе
кто-то отклик услышал.

В озерах у озер камышинки-камыш.
И с гримасами мимов
смотрят рыбы... А ты, паучонок, кружишь
в нашем шарике мыльном.

Солнце село. И цвет у небес нефтяной.
Что бормочет береза?..
Затаился. Не страшно тебе? Ничего,—
вот и сердце не бьется...

БЕССМЕРТЬЕ В ТУМАНЕ

Радужные в тумане мыльные пузыри — фонари.

Спичку зажжешь к сигарете — всюду вода, лишь
язычок в трех пальцах — звезда.

Тикают по циферблатам цикады... пусть их,
их цель... Пульс и капель!

В небе — нет неба. Август арктический, или
оптический очи-обман?.. Ночь и туман.

Хор или ноль?.. Ходит как нож с лезвием чей-то
ничей человек. Целый век.

Ходит, складной (с кляпом? каникулы?), и никак
самого себя не сложить.

(Как в слезах! Как в глазах!) Стало жить
невмоготу...

Но наготу ни лезвия не боится, и что ему чьи-то
«нельзя», но не готов ноготок.

Как научился (на «у» или «числа»?) так не
уметь — не умереть?

Или надеется, знает (незнаемый!) все про
любовь... и кровь?.. И... — вновь?

Или бессмертье — больше близ смерти?..
...Голос мой! Логос мой!

ПЕСНЬ ЛУННАЯ

Зажглись фонари на холмах... Я вышел на воздух, а воздух — вишнев.

Семнадцатое августа, ноль часов, семь минут, семь секунд... Жду гостей. С неба. А их нет. (Хутор, со шпилем, оконце и лампа — ориентир.)

Луна человеческим лучом (маскировка, мираж) расставила металлические мечи по холмам.

Фосфоресцируют волосы в воздухе. Чаша весов в левой деснице (время: время!).

Не расплескать бы тост!

Нет одиночества: я и Луна. Я меньше сейчас, чем один. А на Луне (знаем Землю!) их — нет.

О, облака, два дракона метафор!

(Я сам — семикрыл!)

Деревья таятся когтями,— но не орлы; цветы завернулись в чалмы,— ни цветок не пророк; кузнечики в травах трепещут,— цепь-звон, но они не часы. И лишь две собаки: одна там, где Запад, другая там, где Восток, одна восклицает: «Ах, ах, ах!», другая: «Ай, ай, ай!»

Значит, Луна боится меня.

Не бойся. Я не божество, не беглец без лица...
Ночью (не нищенка,— Мнишек Мариной, княж-
ной Таракановой, Анной Второй, императрицей
в темнице, не самозванка!) — боится меня!

Зажглись фонари... Я ошибся: зажегся фонарь
на холме — моем.

Слышу звон звезд — это армий моих океан,
это Большая Медведица встала, как вождь
на живье жабье, безжалостный серп размахнула
во все небеса! Гости — не гости, сейчас —
не сейчас,— серп занесен!

Как мне с глаголами? Как мне с глазами?
Как мне — со мной?.. Бьется еще на пульсе
братский браслет! Жду, как Джордано. Простит-
ся и пульс и дрожь: ночью вничью все боится и
бьется (не днем!)... Не бойся! Ты — это Ты (без
междометий!), я-то значок язычка!.. Ежик! Я жив
ли? Жужжим ли?
Не съешь светлячка!

...Камни лежат на тропинках, как яйца живые
в своей скорлупе!

БОСЫЕ ЛИСТЬЯ

Мой дом стоял, как пять столбов,
на холме с зеркалами.
Топилась печь, холод хорош, а стекла-ртуть
зачем-то запотевали.

Как говорится, грусть моя не светла,
направо дверь-дурь белела.
Да в жилах кровь, как мыльный конь,
к пункту Б бежала.

«Конь-кровь»,— я думал,— какие в сущности
рифмы смысла?
«Грусть в горсть»,— как в воду из водопада! —
иссякла сила.

Сад, как и после, опять опал. Но листья
почему-то не улетали.
Ходили вокруг дома, как воры-расстриги,
как будто с холма холм увидали.

Босиком, как скитальцы, они стояли
на крыльце из цемента.
Комары-мухи их не кусали: обуви
на них нету.

Я не гостеприимец... Взошла, как водится,
луна:
как в крестьянской балладе — свекла.
Да дверь раскрылась, как от крыльев!..
Свистали стекла!

ДОМ НАДЕЖД

Дом без гвоздя и без доски,
брильянт в миллиард карат!
Роняют ночью лепестки
на дом прожектора.

Там алая луна палит,
окурока обожжены,
в бассейнах из хрустальных плит
наложницы обнажены.

Флодово-ягодные! Лавр!
Скотов молочных рык!
Собак благонадежный лай,
резерв зеркальных рыб.

Итак,
над нами Дом Надежд!
Он мудр, как ход комет.
Там нет наветов,
нет невежд,
чего там только нет!

Нет одиночек.
Не манят
бесславые, власть и лесть.

А также в доме нет меня,
а в общем-то — я есть.

---

* * *

Не гаси, не гаси наш треног:
мотылькам не помочь у огня.

За окном туман-море тревог:
не гости, не гости у окна.

Ни в горсти молока не принес,
ни иголки до завтрага дня.

К потолку наш треножник примерз:
эта лампа не греет меня.

О, не греет, а грозно горит!
Ни грустительниц, ни дна, ни вина...

Даже голосом не говорит
эта комнатная не луна!

УТРО

Думаешь, день занимался с зари? Думай, думай!
Из Каракум прилетел комар и кулаком хватил
в окошко.

Встал я из-под одеял и кулаком комара
по морде убил.

Как он упал! Как он лежал! —
в брюхе бурлила кровь, лапы лохматы, и
с клювом, как аист,
с чьей-то мечтой ледяной на челе, —
как мертвец!

Да, смерть не шуточки утречком, это тебе
не жизнь!

Лишь после этого ночь утратила сон и день —
занимался.

В воздухе, как в океане окна, петляли пять
самолетов,
с телом как Суламифь — один, и ревели —
четыре.

Солнце повисло вниз головой, как мак
неслепящий.

Пахло жасмином или навозом, — так, запах
как запах.

Шумели листья ботвы картофеля, а понемножку
между кустами шли — кто куда — две старухи.
Первая — волосы-пар, в кофточке вязи, с косой
из железа, — как смерть.

Бок о бок с ней вторая: в юбке как зонтик,
вела на цепи овец розоворунных
(клевер, щавель, колокольчики, лютики,
травки!).

«Мама! — вопили овцы. — Мама!» А пели:
пой-петушок-гребешок, семь соловьев и комарик
(не тот, не мертвец!).

Видишь Восход: там стоял камень-валун, белый,
как с хоботом слон.

Там по шоссе веселились велосипеды,
вместо колес — монеты серебряными рублями.
А под окошком моим у колодца-болотца стояло
моих два уха,

два часовых в красных касках и с автоматами:
«Слушай, о, слушай!» —

ибо писал я письмо Тебе, и мешала машинка.

А вон за тем облаком в белом — там
спрятались в каплях мои два глаза,

в чудо-бинокли глядя в Москву — в Твои глаза,
ибо писал я письмо Тебе, только для двух пар
глаз — наших.

А над машинкой (мешала машинка!) уста мои
были — немость,

чтоб не раскрыться не вовремя, чтоб не лгать.
Лишь торопились пальцы мои, но пальцы лишь

буквицы выбивали,
не было в буквах ушей моих, глаз моих, губ,
пальцев моих пульсирующих (о, мешала

машинка!), —

черная путаница алфавита на белом...

Ибо писал я письмо Тебе, а оно — лишь письмо,
любое.

ПИСЬМА ИЗ ЛЕСА

(ВАРИАЦИИ)

1

Лист желтый на небе не желтом,
но и не синем.

Иголки с блеском у елей, а паутина —
как пена.

Воздух воздушен, и где-то там плачут
пчелы.

Вот ветерок и листья еще
пролетели.

(помни полет стрекозы и ее кружевца-
крылья.)

Солнце все засекает солнечным
цветом.

Вот я уйду во время луны
в небе.

Запах звериный, но из зверей
лишь я
не вою.

В этом лесу я как с тобой, но ты —
где ты?

Хоть бы оставила боль, но и боль —
былая.

И, запрокидывая лицо свое
к небу,

я говорю: ничего без тебя
мне нету.

2

Зелень цветная, блеск бледнокожих,
лебедь Египта,

мед молока — теплое тело,
нежные ноги,

челка на лбу — инок и конь! —
волосы власти!

кисти твои не расплести —
так расплескались,

губы твои не целовать —
замкнуты знаком,

не обнимать хладных колен —
окольцевали,

и на спине спящей твоей
нет мне ладони.

Спи, человек мой голубой,
девочка дочки,

в майской Москве, в доме для нас
нет ни паркетки,

спи, ибо ты ночью ничья,
даже в объятьях.

Я по лесам, по чудесам
с кепкой скитаюсь,

снова смеюсь и сам про себя
песенку вою:

«Но
он
сел
в
лес
и
пил
лип
сок...»

Стал я так тих и не влюблен,
в буквы играю,

птица ль заплачет — я замолчу,—
зверь ли завоет.

Я не приду, я не приснюсь
вовсе ни разу,

но и тебе (клятва!) живой
боль не позволю.

Я говорю: ничего без тебя
 мне нету,
 Я говорю, а ты не услышь
 мой шепот,
 может, последний в светлом лесу
 вопль волчий,
 все-таки мало, милая, нам
 ласк леса.

Волк запрятался в лист, во тьму,—
 знак смерти.

Рыбы ревут немо. В водах
 всхлип, всплески.

Жаворонок задохнулся и не
 спас сердце.

Храбрая будь, хороший мой пес,
 мой? чей ли?

Заперли в дом, двери на цепь,—
 лай, что ли?

В окна бинокль, а телефон —
 хор Хама.

Все на коленях — в клятвах, в слезах!
 О, овны!

Ты им не верь, ведь все равно
 цель — цепью!

Ты так тиха. Шею твою —
 в ошейник!

Лишь в полуснах-кошмарах твоих
 бред бунта.

Будь же для всех бледной бедой,
 бей болью,

грешная будь, нелающий мой,
 мой майский!

Я ли не мудр: знаю язык:
карк врана;
я ли не храбр: перебегу
ход рака...
Все я солгал. В этом лесу
пусть плохо,
но не узнай, и вспоминать
не надо.

4

Вот я уйду во время луны
в небе.
Наших ночей нет. И ничто —
время.
Наша любовь — холод и хлеб
страсти
в жизни без жертв,— как поцелуй
детства.

Вот муравей — храбрый малыш
мира,
вишенкой он бегаёт по
веку.
Что для него волк-великан-
демон,
росы в крови, музыка трав
Трои?

В небе ни зги нет. Деревя
тени
порастеряли, или и их —
в тюрьмы?
В нашей тюрьме только зегзиц
числа,
«стой, кто идет? — выстрел и вопль! —
ты ли?»

Только — не ты! Я умолю
утро,
голову глаз выдам своих
небу,
я для себя сам отыщу
очи...
Не умирай в тюрьмах моих
сердца!

5

Спи, ибо ты ночью ничья,
даже в объятьях.

Пусть на спине спящей твоей
нет мне ладони.

Но я приснюсь только тебе,
даже отсюда.

Но я проснусь рядом с тобой
завтра и утром.

Небо сейчас лишь для двоих
в знаках заката.

Ели в мехах, овцы поют,
красноволосы.

Хутор мой храбр, в паучьих цепях,
худ он и болен.
Мой, но не мой. Вся моя жизнь —
чей-то там хутор.

В венах вино. А голова —
волосы в совах.

Ты так тиха,— вешайся, вой! —
вот я и вою.

Хутора, небо, хранитель от правд,—
правда — предательств!

Правда — проклятье! С бредом берез
я просыпаюсь.

Возговори, заря для зверья,—
толпища буквиц!

Небо, отдай моление мое
Женщине, ей же! —

тело твое — топленая тьма,
в клиньях колени,

кисти твои втрое мертвы,
пятыконечны,

голос столиц твоего языка —
красен и в язвах,

я исцелил мир, но тебе
нет ни знаменья.

Жено, отыдь ты от меня,—
не исцеляю!

---

* * *

Я тебя отворю у всех семей, у всех невест.
Аполлону — коровы, мяса, а я — Гермес.

Аполлону — тирсы и стрелы, а я — сатир,
он — светящийся в солнце, а я — светлячком
светил.

Я тебя (о, двое нас, что до них — остальных!).
Я тебя отвою во всех восстаньях своих.

Я тобой отворю все уста моей молвы.
Я тебя отрешу на всех площадях Москвы.

Он творил руками тебя, а я — рукокрыл.
Он трудился миллионы раз, а я в семь дней
сотворил.

Он — стражник жизни с серебряным топором.
Он — жизнь сама, а я — бессмертье твое.

Я тебя от рая (убежища нет!) уберегу.
Я тебя отправлю в века и убегу.

Я тебе ответил. В свидетели — весь свет.
Я тебе отверил. И нашего неба — нет.

Нет ни лун, ни злата, ни тиканья и ни мук.
Мне — молчать, как лунь, или мычать, как мул.

Эти буквицы боли — твои семена,
их расставляю и растравлю, и — хватит с меня!

---

* * *

Обман ли, нет ли, — музыка мала.
Мерзавки Музы! Я люблю любить.
Моя! Ты, знаю, знаешь, что моя
профессия (как все бывало!) быть

обманутым. Ах ты, пальба-гульба!
Что в прошлом у тебя — с моей совой!
Мой смех на мерзло-мертвенных губах
и голубых — так до смешного мой.

Так до смешного, так мне жаль ее
с реченьями «люблю» и «не судьба».
Вы, женщина, двуногое жилье,
не любящее даже ни себя.

Сосцы целуя или же персты,
я только тело ваше воровал.
Сказать «прости»? Я говорю: «Прости».
Я говорю вам, но не верю вам.

И если я люблю или зову —
но не своею жизнью угостить.
Востока мудрость: «Ты люби змею,
но знай — она умеет укусить».

Ты — гостья всех, а я — ироник мук.
Надежды наши — нежность и союз!
Мы оба обманулись. Потому
так не до смеха. Потому — смеюсь.

---

* * *

Ты, близлежащий, женщина, ты враг
ближайший. Ты моя окаменелость.
Ау, мой милый! — всесторонних благ
и в «до свиданья» — веточку омелы!

За ласки тел, целуемых впотьмах,
за лапки лис, за журавлиный лепет,
за балаганы слез, бубновый крах,
иллюзии твои, притворный трепет,—

ау, мой мститель! Мастер мук, ау!
Все наши антарктиды и сахара —
ау! Листаю новую главу
и новым ядом — новые стаканы!

За ладан лжи, за олимпийский стикс,
за ватерлоо! за отмену хартий!
за молнии — в меня! О, отступись,
оставь меня, все — хорошо, и — хватит.

Змеинный звон! — за землю всех невест
моих и не моих еще,— пью чашу,
цикуту слез! Я не боюсь небес,
их гнев — лишь ласка ненависти нашей.

Униженный и в ужасе с утра,
как скоморох на жердочке оваций...
О, отступись, еще дрожит струна,
не дай и ей, последней, оборваться.

Пью чашу зла, и пью и днесь и впредь
веленье кары и волнение рока.
Мы в жизни не сумели умереть,
жить в смерти — сверхъестественная роскошь.

НОЧЬ О ТЕБЕ

Звезда моя, происхождением — Пса,
лакала млеко пастью из бутылки.
И лун в окошке — нуль. Я не писал.
Я пил стакан. И мысли не будили...

о вас... Я не венчал. Не развенчал.
Я вас любил. И разлюбить — что толку!
Не очарован был, и разочарований нет. Я выдумал вас. Только.

Творец Тебя, я пью стакан плодов
творенья! Ты — обман, я — брат обмана.
Долгов взаимных нет, и нет продолженных
ни «аллилуйя», ни «осанна»!

Я не писал. Те в прошлом — письмена!
Целуй любые лбы, ходи, как ходишь.
Ты где-то есть, но где-то без меня
и где-то нет тебя. Теперь — как хочешь.

Там на морях в огне вода валов.
(Тушил морями! Где двузначность наша?)
И в водах — человеческих голов
купанье поплавковое... Не надо.

А здесь — упал комар в чернильницу,— полет
из Космоса — в мою простую урну.
Господь с тобой, гость поздний. Поклюем
в чернилах кровь и поклянемся утру.

ПОСЛЕ

Теперь от вас — воспоминанье,
вас — поминанье:

Графин и грусть. Головка лампы.
Лучей заката карусели.
Луной без солнца пахнет ландыш.
Клюют лягушку коростели.

С дрожащей шпагой Дон-Жуана
факир пустынь, снег Эвереста,
ты — жизнь и факт, я — доживанье
себя, чье имя — бред и ересь.

Теперь от вас — воспоминанье,
вас — пониманье:

Лилит столиц, мишень орлана,
ты крылья крови не спросила,
ты — правды знак, я — знак обмана...
Уже ушла... На том спасибо.

За «нет тебя!» — золотая чаша!
Графин и грусть. В свечах бессонниц
листаю пальцем Книгу Часа...
А жизнь жует свой хлеб без соли.

ЛИЛИИ НОЧЬЮ

Худо им,
лилиям,
хоть и не
холодно,
ходят — по горло — не ходят.
С белыми
лирами
в озере-
омуте
что-то свое хороводят.

Или же
лилии
лишь
забавляются
знаками звезд-невидимок.
Или под
ливнями
в листья
запрячутся,—
белые мышки на льдинках.

Худо им,
лилиям,
хоть и
красавицы,
а танцевать невозможно.

Рыбины
львиные —
шеи
кусают им
и пауки-многоножки.

Ветер,— и в
плаванье!
Но их
кораблики
на якорях. Но нельзя им!
Солнце! —
но в
пламени
им не
карабкаться,—
в омуте цепью связали.

Ни
путешествия,
пешие
странствия,
ни поднебесье со льдами.
Лишь
утешение:
Лилия
Старшая
в небе и в волнах летает!
ЛУНА!

---

* * *

Бессолнечные полутени.
В последний раз последний лист
не улетает в понедельник.
Вечерний воздух студенист.

Мы незнакомы. Я не знаю,
ты творчество какой травы,
какие письменные знаки
и путешествия твои

какие нам сулили суммы?
Все взвесили весовщики.
В лесу безвременье и сумрак,
а мы с тобой — временщики.

И пусть. И знаем все: впустую
учить старательный статут,
что существа лишь существуют
и что растения растут,

что бедный бред — стихотворенья,
что месяц — маска сентября,
что деревянные деревья —
не статуи из серебра,

что, сколько сам ни балансирую
в бастилиях своих сомнений,
лес бессловесен и бессилен
и совершенно современен.

И ты, и ты, моя Латона,
протягиваешь в холода
пятиконечные ладони,
и им, как листьям, улетать...

---

* * *

Мой лес, в котором столько роз
и ветер вьется,
плывут кораблики стрекоз,
трепещут весла!

О, соловьиный перелив,
совиный хохот!..
Лишь человечки в лес пришли —
мой лес обобран.

Какой капли пестрота,
ковыль-травинки,
мой лес — в поломанных перстах,
и ни тропинки.

Висели шишки на весу,
вы оборвали,
он сам отдался вам на суд —
вы обобрали.

Еще храбрится и хранит
мои мгновенья,
мои хрусталики хвои,
мой муравейник.

Вверху по пропасти плывут
кружочки-звезды.
И если позову «ау!» —
не отзовется.

Над кутерьмою тьма легла,
да и легла ли?
Не говори: любовь лгала,
мы сами лгали.

Лишь знает птица Гамаюн
мои печали.
— Уйти? — Иди,— я говорю:
— Простить? — Прощаю.

В лесу шумели комары,
о, камарилья!..
Не говори, не говори,
не говори мне!..

---

* * *

Все равно — по смеху, по слезам ли.
Все равно — сирена ли, синица...
Не проснуться завтра-послезавтра,
никому на свете не присниться.

---

* * *

Храни тебя Христос, мой человек,
мой целый век, ты тоже — он, один,
не опускай своих соленых век,
мой человеческий невольник-сын,

и сам с собою ночью наяву
ни воем и ничем не выдавай,
пусть сыну негде приклонить главу,
очнись и оглянись — на море май,

на море — мир! А миру не до мук
твоих и не до мужества — ничьих.
Сними с гвоздя свой колыбельный лук,
на тетиве струну свою начни!

И знай — опять воспрянет тетива,
стрела свершится, рассекая страх,
коленипреклоненная трава
восстанет, а у роз на деревьях

распустятся, как девичьи, глаза,
а небо — необъятно вновь и вновь,
а нежная распутица-гроза
опять любовью окровавит рот!

И ласточка, душа твоих тенет,
взовьется, овеяная красным крестом,
и ласково прошепчет в тишине:
— Он умер (сам сказал!), а вот — воскрес!

---

* * *

В эту осень уста твои
я оставил на них, морях.
А их было по счету — три,
только три, не моя.

Поздравляю твои глаза.
Воздух весел, и кувырком
птиц надмирные голоса...
Ты как птица — листком!

Эту осень с устами лиц,
с голосами, с праздником глаз,
поздравляю с плодами птиц
или с листьями ласк!

В эту осень есть всякий плод,
лишь ромашек нет. Не гадай!..
Третье море белым-бело,
как Великое Никогда.

---

* * *

Серебряный листик на красной стене,
о, август-летатель на красном огне!

О, воздух деревьев и дождь-водопой!
Деревьям не жаль расставаться с листвою.

Не жаль им сейчас и не жаль в сентябре,
пусть все золотые, один — в серебре.

И листьям не жаль, потому что удел.
Шумели все вместе, один — улетел.

Шел воздух, и дождик тела заливал.
И кто-то очнулся, и кто-то завял...

Я видел. Виденьем своим дорожил:
был красный этаж и листок серебра...

Для стихотворенья один не дожил
пол-августа и два-три дня сентября.

---

* * *

Не любила меня
без льгот.
Обеяла себя,
как боль.
Не любила меня
легко,—
объявляла мне бой!

Амазонка, мой меч —
дарю!
Все вам, хищница,
хохотать.
Время близится
к декабрю,—
ухожу в холода!

Мир в морозах чудес.
Прошу
все отлучки моим
словам.
Возвращенье же — не по плечу
даже, девушка, вам!

В БОЛЬНИЦЕ

1

Что читает вслух ворона
для деревьев?
Лошади пасутся на веревке
во дворе

без одежд, как девы-жрицы клада
(в ноздрю — серьгу!),
о губами, лунными от хлада,
клевер стригут.

Диски звезд — классическая форма
(как ты, с кем?).
Фонарь стоит в фарфоровом
котелке.

В одеялах я — мораль-улитка:
диагноз дан.
Медсестра, как мумия, мурлыкает.
Спит. Диван.

Что тебе, мое в медузах тело:
тут ли ты, не тут?
Темя — ты лишь пульс души, лишь тема
температур.

Пересмешник, церковка паскудства,
и не так я, время, умирал...
Лошади — пожалуйста! — пасутся.
Я боюсь. Два глаза у меня.

2

Меченосец судьбы и чернил санкюлот,
узник — устрица, сам себе сын и друзья...
Затемненье дождя
за озвученным стеклом.

Рамы, рамы, решетка больничная рам! —
о распятыя жилья!
Жалил я! —
комариной иголочкой мелодрам.

Человечек — личинка, витая в веках
алфавитом любви,—
я ли, вы?
Клоун космоса или синица в руках?

Ни истерик. Скрипичные нити жил.
Капли в форточку,— бомбардируй, камнемет!
Или каплет мед?
Ни души.

Каплет, канет... Ни слов! Если голову вверх —
васильковые лампы, как воеет ковыль,
в электрическом небе бессмыслица крыл,—
вот и век!

Лаской лавочника — «иметь не иметь»,
как он сердце свиной мое обливал...
О болван,—
тот, у скифов, которому клятвы и месть?

Дождь, как женщина, влажен, и млечен, и слаб,
без луны...

Буквы ладана и белены,—
о машинописи раб,

плачь слезой, бейся лбом! И тритоном трубя
возглашай святость уз!..

Распасованы тройка, семерка и туз
для тебя.

---

* * *

У моря бежала, у моря бежала... не ближе.

Три ворона трижды взлетали,— куда им!

картавцы!

У раковин рок, они лишь лежали и жили.

Но люди у моря тебя не любили, дай бог —

любовались.

Что вызов морям? Посейдону — трезубец, а

молнии — Зевсу?

А тем, кто тебя не любили, приблизиться —

прежде ль?

А тем, кто любили, воскликнуть: как можно

у моря? не смей! не смеяться!

Как можно, Марина (лишь ситец да сердце!)

бежала.

Что Ладога людям! Бутыли по горло —

купались по горло.

Седлали челны и рыбешку-рабешку себе

вынимали.

Смотрели, бессмертные, как босоножка бежала.

Поймать — не поймать?.. Сколько волны у скал

налистали...

Мое маломальское тельце (как ноги —

на гибель!)

И сердце! и ситец! Мой беженец в море...

не ближе.

Кричи не кричи: но надежда на двух!

до свиданья! до свадьбы!

Но совести — сорок... Нам было по двадцать...

и не добратся.

---

* * *

Все было: фонарь, аптека,
улица, поцелуй,

фонтан, самозванство, Мнишек,
Евгений и ночь Невы,

лунатик и револьверы,
гений и ревность рук,

друзья с двойными глазами,
туман от ума у нас,

Сальери ошибся бокалом,
все в сердце: завтра, любовь...

Как праздно любить мертвых!
Как поздно любить живых!

---

* * *

Кто Вас любил? Да Вас! — да всяк!
Зачем Вы замки в воздухах?

Зачем Вы жили скрипкой жил,
дочерний Дух Вам не служил?

Зачем звучали, мой немой?
Зачем любили многих — мной?

Вам ясен яд. Но чьи цветы
и чьей гибелью — новы?
Прости, что, милый, не на ты,
все в жертву памяти — на Вы.

Все спутал: — жизнь, себя, жена.
В местоименьях имена.

У нас живых лишь дрема драм.
Болезнь морская — кораблю.
Дай Бог, чтоб Вас любили там,
как я без Вас тебя люблю.

ВОСПОМИНАНЬЕ

О кратер оло-
  ва любви,— не мед.
Охватит око —
  зуб на зуб неймет.
Вы молодость,
  вы — возраст для измен:
ведь мало даст,
  а все возьмет взамен.
Лишись **одной**...
  быть не быть — не вопрос,—
лишь одино-
  чество, камин и пес,
лишь сталь лица
  и палец-бумеранг...
Листается
  латынь моих бумаг!

ЗАВЕРШЕНЬЕ

Завершено. Книге нашей конец.
Храм — и живи! Гнезда-ласточки птиц.
Цоколь злащен. В цепях фундамент колец.
Фрески — моей любви, Женщина, или твоих лиц.

Тебя отобрали, моя, отобрали от «О».
Брал кто хотел, — о эта ярмарка хамства
Сарая!

Брали больней, чем от ребра брал Бог,
Дух сотворяя, Круг сотворяя, Двух сотворяя.

Храм — хоронили: ласточек — в око, влет,
злато лизали, кольца — для уха черни,
фрески — по камушку, чтобы дышал живот
у очага, чтобы каждый кирпич — для чтенья.

Что ты наделал, я? Смерть двух сердец —
ужас! — в кроватях предательств читателей,
в склянках лекарств, в свекольниках вин книге
нашей — конец.
(Балл балтийский! Теперь — типографский текст
страниц.)

Тебя отобрали, моя, от «О» и ор
вранов бенгальских морей двух душ, —
суп с сухарями! —
с травкой теперь жует трудящийся хор,
день сотворяя, дом сотворяя, дуб сотворяя.

Ты, мой соратник! По буквам тебя любил.
Кровь отливал в колокола текста.
Книге — конец. И тебя уже убил,
хоть еще ходит где-то имя твое и тело.

ЭТОТ ЭПИЛОГ

Слушай! я говорю — горе! — себя кляня,
в тридцать седьмой год от рожденья меня

благодарю вас, что и в любви — была.
Смейся! мой смертный час — не берегла.

О, пустяк! предоставь мне самому мой крах.
Я, прости, перестал в этой любви в веках.

Мантию не менял. Пусть постоянен трон:
эта любовь — моя, и не твоя, не тронь.

Минет моленье утр. Вы подарили раз
много-много минут. Благодарю вас.

Млечных морей слеза не просочится в миф.
Благодарю за — ваш, любимая, мир:

ваш — соломенный клад, плавающий на плаву,
ваш — без звезд и без клятв, ваш — лишь наяву,

ваш — вечный вертел, поровну — твердь и сушь,
ваша телесность тел, одушевленность душ.

Кто я? — паяц, бурлак, воин, монах, король? —
что вам! а боль — была. Благодарю боль.

На море вензеля. Песок утоптан, как воск.
Ваш, египтянка, взгляд, взлет ваших волос,

лунная леность лиц, ваших волос сирень,
рой ваших ресниц или сердца секрет...

Над взморьем звезда Пса. О спите, судьбу моля,
чтоб в тридцать седьмой год — от рожденья
меня —

не опустить так — голову ниже плеч.
Боже — моя мечта! — но и мечта — меч.

Как золота земля, ходит в воде волна,
биться былинкой зла, шляться в венце вина,

волком звезде завывать, смерть свою торопя,
плакать, тебя забыть и — не любить тебя!

ЖИЗНЬ МОЯ

Вот идет моя жизнь, как эстонка,—
озерцо хитрохвостая килька
век овец муравей или вермут
шепот-папоротник в янтаре
эхо солнышка серп в перелесках
капли воздуха крыл воробьиных
вермишелька-березка в болотце
хутор-стеклышко в январе.

Вот идет моя жизнь, моя полька,—
в ореолах волос соловьиных
вол солома осел и Мария
слякоть слов и мазурка-метель
стать-скакун сабля конфедератка
что по ландышам красным копытом
клювы славы орел Краковия
кафедральный крест и мятеж.

Вот идет моя жизнь, как еврейка,—
скрипка-Руфь эра Экклезиаста
урна-мера для звезд золотожелтых
за электроколючками культ
иодом Иова храмом хирурга
дециперстная месть Моисея
цифра Зверя за правду праотчью
нас на золото на арфы на кнут!

Так: три девы, три чрева, три рода,—
триединство мое троекровье
что же мне многоженство монголов
глупость флагов глумленье Голгоф
кто я им сам не знающий кто я
их не их не герой этих гео
дан глагол и я лгу но глаголю
проклиная и их и глагол.

ЗИМНИЙ САД. ЗВЕЗДОПАД

Белые розы шиты у нас
нитью. На занавесках.
Фрау Элла — художник, в ней дух жен.
Солнце выходит,
сразу же красное на шоссе
в 9.30.
Стоит, строгость уст. Красное, как раскат
грома,
ждет свой смысл.
У меня ж смысла нет, я встаю, оно уж устало
и уходит,
я не догоняю.
Нет лягушек, нет лебедей.
Утки в пруду. Не утопают,
плавают и ныряют вниз, как
пиявки —
с черной головкой, с нефти отливом.
Утки уж тут живут и селезни в декабре,
жрут, как труженики. Не рад им Эрот.
Голубь на перекрестке улиц, на дубе
Кингисеппа и Хозотса.
Цел дуб,
на нем мерзнут грибы древесные, дубовые.
Черный голубь, вижу впервые, вид у него
орлиный
и хвост.
Жен нет.

герои всегдашней новеллы Человек и Веревка,
плюс
на
плюс,
как живые они к Рождеству. Сад-свет.
Яблони-сливы, не
похожие на деревья
ни
наготой (у нас наготой никто не похож!),
ни
формой ветвей,
это чисто эстонское, тусклая тушь, свинина
и снег.

В синем небе ветры,
несутся.

Снег — снизу.

Деревья рисуются тушью, но тщетно.

Художеств не ждут.

Они зимуют.

За мутью, и нам

не до ненависти уж к ним.

Но и они! — яблони-сливы зимуют, мизинец
может быть
отморожен и светло отходит, когда выходит
солнце.

Солнце выходит, где утки как карпы, хвосты
у них.

Здесь женщин нет.

Нету зимой их, ни красивых и никаких. Нигде
на земле.

То есть, есть, но всегдашние, с овсяными
глазами. Взамен пыла.

Гость не густ: никто.

Звезды везде!

Все плакался и ушел, как плуг в луг, в себя,
был бешен —
останемся в тьмушей, без звезд, без звезд.

Ах!

Теперь они всюду — везде! звезда на звезде!
и в узде

которого нет, коня-то!

А

есть

у печи котик Эмми, котица, хвост ужом.

Уж как считается — гад?

Вошли в моду готические замки. Стоят
на холмах, как заумь.

Эстонцы строят себе их, как квартиры, —
жизнь бы у жен!

Если ж идти с холма вниз, в зиму, к дубу, то —
чем-то чреват черный голубь, но чем?

А вот Август с Хильдой едят под холмом

свеклу оперную с молоком,

а корова глядит, как телега, им в рот

с рогом, как угр,

ест камыш под шумок из кубышки у кошки.

Сыр не едят холодным и тот же сорт.

В холодильнике сыр держать нельзя,

если он есть,

если же нету, а где ж его держат?

В руке.

Ходит с сыром в руке Эйно-финн, Лаппалайнен,
холоден и свиреп.

Сад-свет.

И фонарь — в нем, как механизм, как второй
двойной смысл чего-то, как

черта света во тьме между жизнью и тем,
что зовем мы жизнью.

Фонарь-то не фантазер,

светит в сад,

тевтонский светильник как будильник.

Будильник — он и

будетлянин-электрофикат, фраз фонаризм.

Недаром

же говорим «от фонаря». Фонарь, а

от

запоздалый фрукт —

лампы свет, висит, свистит,

как вьюга, светлая,

советская. Мать моя, метель! твою тьяк!

Тут имеется и метель, мы

смотрим в сад, высмотрим и ее.

А вчера! — 13 декабря был звездопад. Ах, август,

и ты, плагиатор-декабрь!

Звезды! —

летают, как летом, в конце.

Или ж

вселенная — это дом декораций, чтоб я, ходя шаг
за шагом, не скучал и не сгущал...

Скулы мерзнут, нос-санитар!

Венозный закат. Солнце — Мир:

сидит, серый гусь, весь в халате из хлопка,

цветаст, зад как шелковый шар, овеваемый,

жор алых губ, горящий гудок, мистик, живу-

щий, вечный, рокот и круг,

фрау Элла, Кингисепп и Хозотс,

Мартин Лютер,

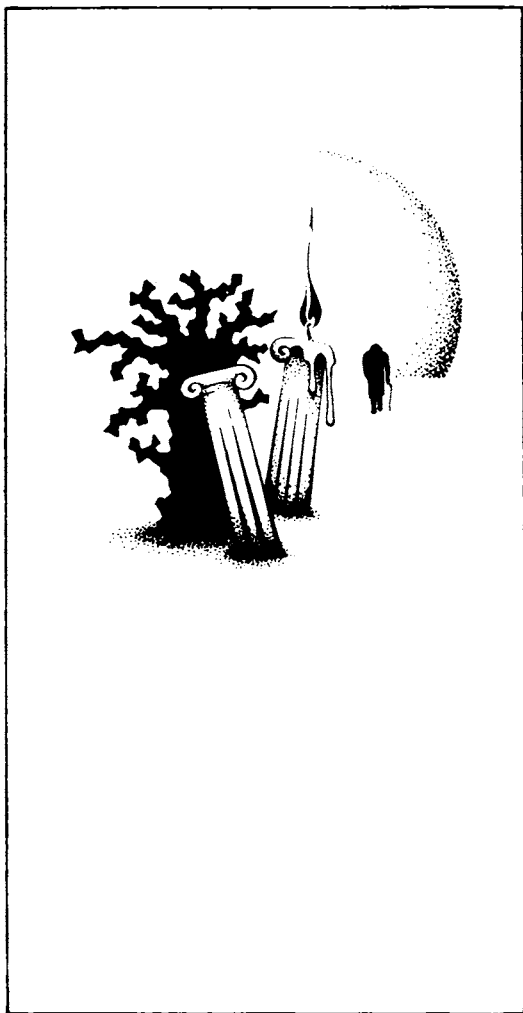
Эмми, котица, Эйно-финн Лаппалайнен,

Август с Хильдой, закат,—

все, взявшись за руки, смотрят на солнце, любя,
и закат поэмы.

ЛИЦА , ТЕМЫ
И ВАРИАЦИИ

У МОРЯ

О море, море. В бумажных листьях.
В кружочках рыб.
Лишь красный гром на горизонте,—
там солнце в образе Горгоны
с двумя глазами без ресниц,
а на губах вода волны.
Сентябрь.

Ну что ж, стихия. Слезы птиц
по морю, как следы Ахилла.
Где водолазы-аргонавты,
твои хвалебные Харибды,
те триста — в шлемах Геллеспонта?
Вот я. Глаза в глаза Горгоны
и, как сказать? — не каменею,
пью языком волну воды.
Лишь — сентябрь.

О небо, небо. Лучик-ключик
устал, упал и утонул,
и чайки машут так двумя крылами,
как листьями кленовыми. Горгона
двуглазое страшилище, но — мать
Пегаса... Небо — гневный миф
Беллерофонта, горе-кифареда:
был сын богов, любил, мечтал о чем-то.
Но взял Пегаса. Но Пегас, почуяв,
что он оседлан и уже в узде,

чуть-чуть захлопнул золотые крылья —
мальчишку сбросил в море. Умер он.
(А море обливалось облаками!)

Лишь буква-миф о нем на горизонте
чуть-чуть читался.

И мертвые глаза
мифического кифареда
клевали чайки. И вода всех волн
бежала в сентябре и убежала,
как конница... Сентябрь, я говорю.

Не забывай: на море — небо.
Но раковины ли? А может, маски
тех мореплавателей детства,
где листья молний и плоды цветов
грядущих государств?
где, может быть, витает голова
Беллерофонта, где? на горизонте?
а может, в грезах? и еще спасти
его возможно?.. Только — ни к чему.

Лишь встрепенутся веки — оседлает
Пегаса. И уздой завяжет зубы.
И пальцы — в кровь кифары. Вздогнут

крылья —

и снова будет сброшен. И умрет.
И это все случится и сейчас.
В любой сентябрь.

У моря моря в листьях листьях
однажды выйдет из волны воды
твой Конь (я повторяю — сын Горгоны!),
не голубь — он крылами не охватит,
не корифей — и что ему кифара,
он станет так: глаза в глаза.
И ты уже не кифаред, а камень.

А что ему. Уйдет, как и пришел,
в утробу матери. И голова Горгоны
взойдет грозой над горизонтом,
двуглазая. Чтоб знало все живое,
на что идет, что ищет,
играя в игры крыльев и кифар.

ГОМЕР

1

На небеса взошла Луна.
Она была освещена.

А где-то, страстен, храбр и юн,
к Луне летел какой-то Лун.

Не освещенный, не блистал.
Он лишь летал по небесам.

Сойдутся ли: небес канон
она и невидимка — он?

2

Там кто-то ласточкой мелькнул.
Там кто-то молнией мигнул.

Кузнечик плачет (все во сне!),
и воет ворон в вышине.

Чей голос? Голосит звезда
или кукушка без гнезда?

Овчарня — овцам. Совам — сук.
Когтям — тайник. Копытам — стук.

Ах, вол и волк! Свободе — плен.
Льду — лед. А тлену — тлен и тлен.

И по слезам в последний час
как семь потов — в семь смертных чаш!

з

И вот — кристаллики комет...

Кому повем, кому повем
и зло и звон моих поэм?

Иду под пылью и дождем,
как все — с сумою и клюкой,
ничто не жжет, никто не ждет,
я лишь ничей и никакой.

Нет, я легенд не собирал,
я невидимка, а не сфинкс,
я ничего не сочинял,
Эллада, спи, Эллада, спи.

Спи, родина, и спи, страна,
все эти битвы бытия,
сама собой сочинена,
ты сочинила, а не я.

Что на коне, что на осле,
мне все едино — мир и миг,
и что я слеп или не слеп,
и что я миф или не миф.

ДЕЛЬФИЕЦ

Я собираю мраморные свечи
рукой у Спарты в смертную суму.
Ведь были слишком солнечные сутки:
грибницам — гибель... Нечего к столу.

Как поводырь, кружу себя по лесу,
ищу клюкой... Но чужд и лесу я:
повесил арфу где-то... Про поэму
чуть шелестят у листьев лезвия.

Я признаюсь: я нищ, но не безумец,
но не Тиртей у хора. Я илот.
Я знаю время: месяц — безымянец...
Стою — не спрятаться, — Стой, кто идет?

Из-за стволов шагает в шлемах юность:
тельцы фитидий, в кисти по мечу,
гул у голов у них, у легких емкость:
— Ты вышел в день у леса. Почему?

— Я собираю мраморные свечи.

А потому что Аполлон угрюм...

— Ты нам известен. Где же арфа, старче?

Ты выйди в ночь в лесу, и мы убьем.

— Меж двух дубов с вершиной в форме альфа...

— Ты выйди ночью, лучше с фонарем!

...на перекладине, поверьте, арфа
повешена... Нет звона у нее!..

А ввечеру, когда мы кипятили,
и плакала жена, и ели лук,
в углу светильник бабочки кусали,—
был эфорат... И вот вошел Ликург:

— Уйди в Афины. Эти вышли с сетью,
их семеро у дома,— все на пне!

— Спасибо, царь. И я, как ты, седею.
Я лишь илот. И ласки не по мне.

— ТЫ ПРОРИЦАТЕЛЬ. ГЕНИЙ АМАЛЬГАМЫ.
ТВОЙ ДУХ ДЕЯНЬЯ — ТАЙНА ТУЧ И СИЛ.
КОГДА ПРИШЛИ ДОРИЙЦЫ И АМИКЛЫ,—
НЕ ТЫ ЛИ В СПАРТЕ СВЕЧИ ЗАСВЕТИЛ?

ТЫ ИХ УБИЛ. ТЫ СПАС НАШ РОД,
ДЕЛЬФИЕЦ!

Но знай закон: у криптий нет сатир.
Я царь, но здесь как вор... судьба в деснице...
— Тебе воздастся.
— Я вошел спасти!..

Луна ясна... У кремня есть кресала,
найдется искра и в моем гнезде.
я сел к столу. Поставив для квадрата
и зажигая свечи, я глядел:

Вот **этих** семеро. Вот взяли сети.
Вот встали с факелами: сабли! свист!
Я **ЗАЖИГАЮ МРАМОРНЫЕ СВЕЧИ.**
Я — **ВИЖУ ВАС.** Я вышел для убийц...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИГМАЛИОНА

Теперь — тебе: там, в мастерской, маски,
тайник и гипс и в светлячках воздух...
Ты Галатею целовал, мальчик,
ты, девочка, произнесла вот что:

«У нас любовь, а у него маски,
мы живы жизнью, он лишь труд терпит,
другую девушку — он метр, мастер,—
ему нетрудно, он еще слепит!»

Так лепетала ты, а ты слышал,
ты пил со мной и ел мои сласти,
я обучал тебя всему свыше,—
мой мальчик, обучи ее страсти!

Мой ученик, теперь твоя тема,
точнее тело. Под ее тогой
я знаю каждый капилляр тела,
ведь я — творец, а ты — лишь ты. Только

в твоей толпе. Теперь — твоя вежа.
И молотками весь мой труд, трепет,
и — молотками мой итог века!
«Ему нетрудно, он еще слепит!»

Теперь — толпе. Я не скажу «стойте».
Душа моя проста, как знак смерти.
Да, мне нетрудно, я слеплю столько...
Скульптуры — что там! — будет миф мести.

И тем страшнее, что всему миру
вы просчитались так, и пусть пьесу
вы рассчитали молотком, — минус,
мир — арифметика, и плюс — плебсу.

Теперь убейте. Это так просто.
Я только тих, я только в труд — слепо.
И если бог меня лепил в прошлом —
ему нетрудно, он еще слепит!

ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Спи, мой мальчик, мой матрос.
В нашем сердце нету роз.
Наше сердце — север-сфинкс.
Ничего, ты просто спи.

Потихоньку поплывем,
после песенку споем,
я куплю тебе купель,
твой кораблик — колыбель.

В колыбельке-то (вот-вот!)
вовсе нету ничего.
Спи. Повсюду пустота.
Спи, я это просто так.

Сигаретки-маяки,
на вершинах огоньки.
Я куплю тебе свирель
слушать песенки сирен.

Спи, не бойся за меня,
нас сирены заманят,
убаюкают, споют,
потихонечку убьют.

Спи, мой мальчик, дорогой.
Наше сердце далеко.
Плохо плакать, — все прошло,
худо или хорошо.

ПРОЩАНИЕ АРИСТОФАНА

Привет, птицы
европ, азий,
билет — в климат!

Сто раз по сто,
сто лет по сто,
их лёт — Эхо!

Как три тучи!..
На трех тронах
царей вижу:

вот мой ворон,
войной — филин,
восьмой — аист,—

галер циркуль,
в веслах гоплит,
гребец свадеб!

Своя круги
во все ветры,
вперед, птицы!

Язык дал им,
а за морем —
за мой, птичий!

За чет-нечет
творил триптих,
а ты — что ты?

Язык в нёбе
заик-нулся:
не чет-вертый!

Что мне в Небе
на безлюдье?..
Хотя людям

я им имя,
я с них слова
не взял... Не дал.

ОВИДИУ

У слов есть власть: Овидий был румын,
он тарантас имел и нюх легавый,
у Цезаря за пиром репу мыл,
ламп опер шумных зажигая влагу.
Все б хорошо, а смотрит окуляр
не в тот ковчег, с годами имитаций
и Цезарь уж не тот,— Октавиан,
супец, писатель пьес, импотентарий.
Круг завершен у Рима. С визой в явь
поэт последний сжег свою сикейру,
у Августа на ночку внучку взяв,
а в возрасте моем: семь лет за сорок.
Широк бы у Истории пример:
муж вхож во внутрь властей с простейшей
шкурой,—

Да связан Августом и бит ремнем,
и выслан вон — кукушкой по Дунаю!

ГОРАЦИИ

Что рифма! — коннице колоколец!..
Я жил в саду обнаженных женщин.
Змий на хвосте их не заморозил:
    в руке — по фрукту!

На вертелах — искрометны овны,
бассейны в линзах Венецианца,
кефаль и флейты... Луна светила,
    как цвет малины!

Я жил в саду обнаженных женщин,
волк-виночерпий, браслет фалерна.
Я брал их девство, а пел пеаны...
    я брал, как бритвы!

Я брал их, правда, но лиц не трогал.
(Дельфинам-двойням — в талантах тела!)
Что рифма! — ценит окружность Циркуль...
    Я не любил их.

О сколько лгали глаза цветные!
Клеймил — глумились. В запястьях — зависть.
Но в тайной Башне (чело — для Часа!)
    на ключ забрало!

Мой меч исчислен. Зеркальны формы
у дев. У конниц копыта босы...
Как зарифмован, в глазу Циклопа
    горел мой гений!

МУЗА МОЯ — ДОЧЬ МИДАСА

Вот мы вдвоем с тобой, Муза,
мы — вдовы.
Вдовы наш хлеб, любовь, бытие,—
бьют склянки!
В дождик музыки, вин, пуль,
слов славы
мы босиком — вот! — вам! —
бег к богу.

Музу мою спаси, Дионис,
дочь Мидаса,
ты отними у нас навек
звук арфы,
он обращает ноты надежд
в звук злата,
это богатство отдай богачам —
пусть пляшут!

Был на скатерти хлеб зерна,—
в золото мякиш!
Я целовал ее лицо,—
вот вам маска!
Жизнь зажигала звезды,— о нет! —
хлад металла!
Вы восклицали: богат, как бог!
Нищ. Голод.

Что мне фрукт Гесперид! Как прост
хлеб соли!
Грешницы где же? Тепло тел,
не статуй!
Дай не «аминь» во веки веков,—
пульс часа,
крови кровинку, воздуха вздох,
труд утра!

РАЗГОВОР СО СВЕЧОЙ

(ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ)

1

Если ночь не в ночь,—
ни луна, ни фонарь,
я хожу на холм
со своей свечой.

Вопрос: — Зачем?

Мой ответ: — Меч аз есмь.

Вопрос: — Почему?

Мой ответ: — У меча пять роз:

белизна свадеб
герб соловья
черный чай любви
ребус страниц

еще стакан,—
вот вам пять...

Теперь ты, свеча,
отвечай:

— Сколько жизни лет?

— Жизни — сто.

— Завтра — знаешь мне?

— Завтра — здесь.

- Что я — на час?
— Только ты.
— Где бессмертья знак?
— Без смеха — ответ не в ответ!

2

«Я Алфа и Омега есмь. Я — дан.
Я первый и последний, Иоанн.
Твой остров — мой метающийся Дом,
где око зрит одно лишь — океан.
А семь золотых светильников затем,
чтобы чаянья и чудеса не греть.
Я опоясан поясом золотым
по персям, — чтоб ни с кем не говорить.
Пред просьбами протестов и потерь
животному с лицом как человек
оставьте облаченного в подир, —
я не приду для правды в этот век.

Читающий и слушающий Слов,
смеющийся щеками же в себе,
все ж соблюдающий диету слив,
не сомневающийся ни в судьбе.
Я, вас омывший в омурах (где Дух?),
Я, возлюбивший вас же и во зле...
Вот — возвещающий Петру петух,
клюющий время зерен на земле...
Написанному верящий, — о племс!
Науськанный на Голос, что велик.
О близко время! Вижу вживе блеск:
меч первенца меж мертвых и владык.

В моей деснице семь знакомых звезд.
Вот — волосы, как белая волна.

Меч уст моих пусть обоюдоостр,—
не ныне! не ответственую, война
ловцов душ человеческих с лицом
животных жвачных, но с глазами грез.
Неправда от Матфея — я ловцом
не жил, и не за них я шел на крест.
Я думал: Дух дыханье посетит.
А ты в ответ: лишь остров-океан.
Спасибо, соучастник в скорби, пес,
тебе скажу: «Не бойся, Иоанн!

Восстань с колен. Сбрось цепь земных царей.
Листов моих из стали насуши,
и если где осталось семь церквей,
лишь ты отважен — ты им напиши:
— Я первый и последний, и я — есмь.
И живой, и был мертв, и се — я жив.
Еще в венках не зацветает ель,
я не приду для правды язв и жил.
Не мстящий, но молчащий без сетей,
для Зверя оставляющий клыки,
имеющий ключи от всех смертей...
Имеющий да спрячет их, ключи».

з

Раем оросило, солнечно и утро...
Во дворе осина, а на ней Иуда.

А под ней иду я, рву рукою колос.
Холодно и дует. И повсюду космос.

Я в посудах яды, как и все, лакаю,
как и все, от яви — сам себе лекарство.

Душу дай в отчизне — душу замордую.
Дай звезду от жизни — в жизни замурую.

Так-то замирая совами болота,
мыслим: за морями солнце и свобода!

Правда опростила!.. А проснемся утром:
во дворе осина, а на ней Иуда.

СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ КИТЕЖЕ

И я вернусь в тот город Китеж,
туда, где вырос.

Нырну в тот омут, где ворота
вращает стража.

И возвращение мое
расценит стража

как вражью вылазку,

возьмет

на подозренье.

И я приду к своей жене,
в хоромы храма.

— Где скот? — спрошу я.

— Сожрала стража,
на обувь шкуры.

— Где сын? — спрошу я.

— Убила стража,
четвертовала.

— Где дочь? — спрошу я.

— Три смены стражи,
сто сорок стражей
твою насильовали дочь
поочередно.

— А ты? — спрошу я
жену.—

А челядь?..

А побратимы?..

— Молчала челядь,— жена ответит,—
а побратимы
вступили в стражу, во избежанье
подозрений,
я вышла замуж за самодержца,—
жена ответит.

Так я вернусь в тот город Китеж,
туда, где правил,
где заправляла делами челядь
и побратимы.
И не могли они, монголы,
сдолать наш город,
где каждый первый — герой, где каждый
второй — бессмертен.

Я обратился:
— Побратимы,
давай по правде:
сдадим поборникам свободу
или потонем? —
И мы зажарили живьем
быков сто тысяч!
Еще визжащих кабанов
сто сотен тысяч!
Последний скот
последовал
таким исчадьем,
что солнце ползало по небу
двумя клопами!
Мы затонули в полночь. Полностью. До нитки.
Остались только кляксы клюквы
да песни смердов,
да песни смердов
про бессмертный
Град Героев.

Вот я вернусь в тот город Китеж,
в тот Град Героев.
Как видоизменилась челядь
моей державы!
Ни огонька на дне болота.
Дни побледнели.
Не ржут кобылы.
Не режут злаки.
Не жарят жир.
Носы, торчащие, как сучья,
хрящи прогнули
и окончательно скурносились
по-рыбьи,
луноподобные усы
окостенели,
как будто человечесья челюсть,
но жабы жабры:
так видоизменилась челядь
моей державы.

Но я вернусь в тот город Китеж,
туда, где верность
в то время почиталась вровень
с богами хлеба.
Никто не ждет меня в том граде.
Кто ждал — тот предал.
И я возьму с собой двенадцать
головак лука,
чтоб с головой моей тринадцать
головак было.
Ведь лук —
последнее растение живой природы,
и в эту эру
исторгающее слезы.

И обращусь я к самодержцу:

— Ты в самом деле
сам держишься?

И сам все держишь?

— Все держит стража.

И сам немножечко держусь.

Народ, навроде,
меня поддерживает сам...

как скажет стража.

И я на площадь положу —

пускай поплачут —

мой лук,

наивные останки живой природы.

В краю,

где столько веков

выковывали бодрость,

где только видоизменялись,

где за слезинку

снимали голову, как лапоть,

где за слезинку

срезали голову, как прыщик,—

рыдала стража!

Народ производил рыдания
поголовно.

Сам самодержец, вождь серьезный,

звезда на зобе,

заместо слизи кусая слезы,

предался злобе.

Но не забыли меня казнить

и не забыли

зарыть двенадцать головок лука

в ближайший омут.

Когда-нибудь, потом, гораздо
позднее, после
взойдет над городом
двенадцать головок лука,
и голова моя взойдет
предупреждением:
я не последний из казненных,
не последний.

Но говорят, что город Китеж
никто не видел.
Что ж, предположим:
никто не видел.
Предположим...

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Зимняя сказка!
Склянки сосулек
как лягушата в молочных сосудах.

Время!
Деревья торчат грифелями.
Грустный кустарник реет граблями.

А над дорогой — зимней струною —
звонкое солнце,
        ибо стальное.

И, ослепленная красотой,
птица-аскет,
        ворона-заморыш
капельки снега носит в гнездовье,
белые капли влаги замерзшей.

ОСЕНЬ В МИХАЙЛОВСКОМ

1

Где готические ели,
цепи храбрые хвой,
путешествуют по елям
дятлы в мантиях Востока.

Там живут живые шишки
в деревянных париках,
размышляет о дожде
белый гриб — Сократ.

Саблезубые собаки
бегают и лают.
Поднимаются у зайцев
царские усы.

По холмам — холодным храмам,—
как монахини, вороны
механические ходят
и вздыхают...

И когда замерзла клюква,
и тогда взлетели листья.
О Летучие Голландцы,
распугали птиц!

Разворачивают парус
журавли — матросы неба,
улетают, улетают
на воздушных кораблях.

2

Улетели птицы и листья.
Небеса — водяные знаки.
По стеклянной теплице ходит
цапля в белом, как дева в белом.

Однозвучен огонь.
Мигают
многоглазые канделябры.
Ты один. В деревянном доме
деревянная тишина.

Улетели пчелы и утки.
В небесах — невидимки-бесы.
А вчера уползли улитки
в сердцевину земного шара.

Ты один в деревянном мире.
Черной молнией по бумаге
пробегает перо воронье,
и чернеют черновики.

Пчелы в ульях, улитки в недрах.
И у птиц опадают крылья.
Перелетные птицы, где вы?
Опустели улицы неба.

За стеклянной решеткой ходит
цапля в белых, как бал, одеждах,
чертит клювом на мглистых стеклах
водяные знаки свои.

У ПУГАЧЕВА, У КАЗНИ

1. О, ГОСТЬ! КОНЕЦ ВОЙНЕ

У дуба лист опал, нет в саду воды,
на замке амбар, и как вебрь верны
все суки-клыки на моих стенах,
и графин из клюкв на столах, столах.
Я скажу: о гость, выйди и войди,
у дуба лист опал, нет в саду воды,
пусть под лампой грез горизонт как пуст,
есть тушеный гусь в госпожах капуст!
Выйдут и войдут, сто рабочих рук
вывинтят, как винт, человечесий пуп,
снимут шляпы вверх с головой — на крюк,
в третий свист запой, золотой петух!
Перевелся гость! Со времен войны
у дуба лист опал, не режут волы,
ясла полны им, слуги сходят с рук,
только вилок век, только стульев стук.
Ой мой стой, с тобой ни писать, ни пряхь,
как ни глоткой ввысь, ни ножом-колом,
только лютый лоб опустить на пясть,
ни на сыть нейти и кусать кулак,—
будто небо ли-внеи у сабль в огне,
будто не были на войне, войне!

2. ВЗЯЛИ, ВЕЗУТ

Ось таланта чуть качнется — кони в крик!
Ничего не остается, кроме книг.
Чу, как ноги, ось тележная в краю,
где Макар теляет к ракам с харей хрю.
Свят я, связанный, как ножичек, лежу,
ты круть-верть мое колесико, луну!
На суке а с кем разбойничек дружил,
до чего ж ты разговорничек дошел,
звон березыньки кудрявой со слезой,
конь мой чистый и кричащий — соловей!
Едем-едем ети метем, я и конь,
все туда же и не тужим, что на казнь,
ой уж в полюшке я пожил да уж да,
казнь ты дохлая, казенная душа.
Я б тебя забросил под ноги коню,
как винтовку, как иглу, как девку ню,
я бы ножичек на ноженьки с войной,
конь мой светлый и со свистом — соловей!..
Окна желты, цвет и верхний желтоват,
в окнах лампочки да лавочки живут,
но как на смех, два гвоздя в одной ноге,
кто ямщик, а кто щемящий, весь я тут,
в животе свинчатка, и ни зги нигде,
и везут меня, везут-везут-везут...

3. ПЕСНЯ

Где у Невы гранит, конь у криницы?..
Не хороните меня, не хороните!

Отпировал, отвоевал, кровушки отпил,
отворовал,— вот голова! — что ж я не отдал?

В зале желуд-ков нас, воров, чем не вязали?
Взяли жену, взяли живот,— что ж вы не взяли?

С кем-то, о чем-то, как-то, когда-то... но
рябина!
Но не любил, но не любил, но не любил я!

Брате и сестро все и у вод, лишь —
семью семь я!
Вырвал бы сердце вам, да вот — не было
сердца!

Не хороните же меня, стужа стерляжья,
ведь не хоронят же коня,— в ухо стреляют!

В ухо! навывлет! но не заушничают не лепо.
Но я забыл, где я живу, Родина, Нево!

4. КЛЯТВА ЕМЕЛЬЯНА

Я буду жить, как нотный знак в веках.
Вне каст, вне башен и не в словесах.

Как кровь луны, творящая капель.
Не трель, не Лель, не хмель, не цель... не Кремль.

Мечтой медведя, вылетом коня,
еж-иглами ли, ястребом без «ять»...
Ни Святополком (бешенством!) меня,
ни А. М. Курбским (беженцем!) — не взять!

Люблю зверей и не люблю людей.
Не соплеменник им я, не собрат,
не сотрапезник,— пью за звезды змей,
или за Нидерландский вал собак!

На дубе древа ворон на беду
вам волхвовал крылом шестым, что — ложь,
что — раб, что — рвань, что — рано на бегу
в лесу, где в елях Емельяна дрожь.

Вран времени, лягушка от луны,
я буду жить, как волчья власть вины.

Как лис, Малютой травленный стократ,
Малюту же: ату его, ату!
На львиных лапах зверь-аристократ
в кунсткамере покуда, не в аду.

И если я, не «если» — я умру,
я ваших вервий — петли не рву.

Я варев с вами — не варил (о рвот!).
Не рвал серпом трахеи (для таблиц!).
Не я клеймил ваш безглагольный скот.
Не воровал я ваших варвариц.

Рожденный вами, вашим овощам
от счастья...— глобус бы не погубить!
Вы — сами! Я себя не обещал,
не клялся классам, что и мне — не быть.

Не нужно тризн. Не тратьте и труда.
Я буду жить, как серафим-беда.

Как Коловрат (лишь он Монголу — «нет!»).
Как Див-война — еще на триста лет.

Как свист совы над родиной могил.
Как воды Волги (кто и ее убил?)...

СЛЕЗА В ЛЕСУ

Птенец упал, а он бескрыл. Грустит гнездо.
Но он оправился, пошел и клювом заклевал.
И червь земли к нему пополз. Комар его кормил.
Созреют косточки твои, птенец. Взойдешь
в надмирный воздух, как душа пера.
Все в завтра: бой-любовь и кровь-хлеба,
снега и солнца, — то есть жизнь...
Конец июня. Конница стоит
кузнечиков. Бел земляничный плод.
Во тьме земли уже грядут грибы.
Листву листают пальцем дерева.
Светла роса, как лунная. Во мхах
лягушки лают немо паукам...
А муха? Вот летит, шумит, как шар.
Куда она? То теменем в зенит,
то прячется пружинкой, где темней.
Что думает она? Что — без гнезда?
Что век — одна? Что — только стоя спит?
И я не знаю. Тише, твари, вы,
Земли и Неба... кто-то там идет...
Еще я видел, как по лесу шла слеза.
Кто выплакал ее? Кто в лес впустил?
Как женщина, она обнажена и босиком. Она
светилась, как глаза. Но испарялось все ее лицо.
А тело извивалось в ужасе, что — смерть.

Ее-то кто-то выплакал, а ей
заплакать — как? Ведь нету у нее второй
слезы, чтоб на тропинку обронить!..
Пока я шел, она уже пропала. Я
пошел по лесу вверх, чуть-чуть качая головой:
зачем под солнцем шла она? ведь солнце — яд.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ

В Риме на Капитолии
Волчица с сосцами.
В свой рост.
Камень сер, прост.
Волчица и два римбенка со свистками.

В Париже на площади им. св. Ж. Д. Арк
Ж. Д. Арк на коне.
Она и конь из камня.
Облиты сусальным золотом.
Дождь-еженедельник их обливает...
Кто ж дождь подзолачивает?

---

* * *

Элизиум-зал был в забралах и в людях,
в бациллах любви, в мефистофелях флегмы,
в окнах и в холстах, в зарешеченных люках...
Две флейты играло, две флейты.

У Бога у губ киноварь и мастика,
малиновый мед и ресницы смеются,
в отверстиях олово, змий и музыка:
две флейты играло, как два семиуста.

Растение рая, перчатка из лайки,
зеница монгольская, челка да грива,—
девица с двойными глазами (и златы!)...
Две флейты играло — два дива!

Ценитель-цербер, бубенец каравана,
о милый послушник налим-посетитель...
И только моя голова горевала,
что нечего чтить, некому посвятиться.

---

* * *

Я вас любил. Любовь еще — быть может.
Но ей не быть.
Лишь конский топ на эхо нас помножит
да волчья сыть.

Ты кинь коня и волка приласкаешь...
Но ты — не та.
Плывет твой конь к тебе под парусами,
там — пустота.

Взовьется в звон мой волк — с клыками мячик
к тебе, но ты
уходишь в дебри девочек и мачех
моей мечты.

Труднее жить, моя, бороться проще,
я не борюсь.
Ударит колокол грозы, пророчеств,—
я не боюсь

ни смерти, ни твоей бессмертной славы,—
звезду возжечь!
хоть коне-волк у смертницы-заставы,
хоть — в ад возлечь!

Проклятий — нет, и нежность — не поможет,
я кровь ковал!
Я — вас любил. Любовь — еще быть может...
не вас, не к вам.

---

* * *

Я оставил последнюю пулю себе.
Расстрелял, да не все. Да и то
эта пуля, закутанная в серебре,—
мой металл, мой талант, мой — дите.

И чем дальше, тем может быть больше больней
это время на племя менять.
Ты не плачь над серебряной пулей моей
мой не друг, мой не брат, мой — не мать.

Это будет так просто. У самых ресниц
клюнет клювик,— ау, миражи!
И не будет вас мучить без всяких границ
мой ни страх, мой ни бред, мой — ни жизнь.

---

* * *

Я вышел в ночь (лунатик без балкона!),
я вышел — только о тебе (прости!).
Мне незачем тебя будить и беспокоить.
Спит мир. Спишь ты. Спят горлицы и псы.

Лишь чей-то телевизор тенора
высвечивает. Золото снежится.
Я не спешу. Молений — телеграмм
не ждать. Спи, милая. Да спится.

Который час? Легла ли, не легла.
Одна ли, с кем-то, у меня — такое!
Уже устал. Ты, ладно, не лгала.
И незачем тебя будить и беспокоить.

Ты посмотри (тебе — не посмотреть!),
какая в мире муть и, скажем, слякоть.
И кислый дождь идет с косой, как смерть.
Не плачу. Так. Как в камере. Как с кляпом.

Ночь обуяла небо (чудный час!).
Не наш. Расстались мы, теперь — растаем.
Я вышел — о тебе. Но что до нас
векам, истории и мирозданию?

В такие вот часы ни слова не сказать.
А скажешь — и зарукоплещут ложи.
А сердце просит капельку свинца.
Но ведь нельзя. А то есть — невозможно.

Не подадут и этот миллиграмм.
Где серебро моей последней пули?
О господи, наверно ты легла,
а я опять — паяц тебя и публик.

Мои секунды сердца (вы о чем?).
Что Вам мои элегии и стансы?
Бродяги бред пред вечностью отчет —
опавшим лепестком под каблуками танца!

Нет сил у слов. Нудит один набат
не Бога — жарят жизнь тельцы без крови!
Я вышел вон. Прости. Я виноват.
И незачем тебя будить и беспокоить

было...

---

* * *

Выхожу один я. Нет дороги.
Там — туман. Бессмертье не блестит.
Ночь как ночь — пустыня. Бред без Бога.
Ничего не чудится — без Ты.

Повторяю — не в помине блеска.
Больно? Да. Но трудно ль? — Утром труд.
В небесах лишь пушкинские бесы.
Ничего мне нет — без Ты — без тут.

Жду — не жду — кому какое дело?
Жив — не жив — лишь совам хохотать.
(Эта птичка эхом пролетела!)
Ничего! — без Ты — без тут. Хоть так.

Нет утрат. Все проще — не могли мы
ни забыться, ни уснуть. Был — Бог!
Выхожу один я. До могилы
не дойти — темно и нет дорог.

---

* * *

Я разлюблю (клянусь!). Тот рай-бал!
Империя бокалов! Рой роз!
Но отзвенел от вин злат-зал.
И мусорщик метет грязь грез.

А я во тьме ласкаю мех свеч,
кружатся буквы — ипподром ваз...
Я вынесу любую месть, меч,
не разобью ни розы в знак вас.

Как счастье в них царит — цепей шелк,
их храп — хорош, тверда звезда правд,
они пришли за мной в щитах щек!
Что ж. Грудь моя открыта,— бей, брат!

Я вынесу любую плеть, плен.
Я разлюблю тебя в телах толп.
Ибо — для них кольца твоих колен,
девичья нежность твоих, а я — тот,

так, которого не было, не вопрос
и не ответствие,— стук ничьих сердец...
«Вправо пойдешь», «влево пойдешь» — путь прост,
да не сложнее, в общем-то, третий — путь в
смерть.

ЗАКЛИНАНЬЯ

1

Ты еще пройдешь через сто страстей, через
сто смертей.
Ты узнаешь, узник, что укус цепей — лишь
поцелуй.
Ты заплатишь за плеть сорока сороков себя.
Ты ответишь, что ты не бык боя и — о не овн!

О с одиночеством очная ставка, — «о»!
Ходят хладные люди фигур, но их хлад — «про»!
Каплица-икринка упала из уст и поползла «изз!» —
что эмбрион-восьминожка родит: океан или дитя
«для» людей?

Ты еще неуемен на ум. Не удержишь надежд.
Ты еще за тыщу запрячешь сердце щитов, —
но вотще.
Не изменят тебя ни ладан на дланях, ни Змий
измен:
из чего-то, про кто-то, о кем-то, для чем!

Не прощайся, друг-дрозофила. Еще не гудел ген.
Это — солнечность, это — столичность.
Ты будешь — быть!
Это — ночь Нарцисса и Эха. И день — дан!..
Ты еще несчастья не счел, ты еще
досчитайся — до дня!

Светил телодвиженье — тел желает...
 Цветет миндаль, кузнечик тяжелеет
 в заморский климат в атмосферный август
 ушел стрелец в чулках с афишей — аист
 на холмах лошадь чья-то лижет кальцецк
 каких-то каст ко мне катится каперс
 волн студенистость на озерах спрута
 у плакальщиц у дома — соль-ступень
 луны колонны в улицах у страха,—
Я ГОВОРЮ: ДЕНЬ ГНЕВА, ЭТОТ ДЕНЬ!

Дом стерегушие друзья — дрожали
 в окна смотрящие — в руках держали
 скрипицы-лицы в пузырях из мыльниц
 аука-звук у жернова у мельниц
 на ключ с дверьми да запираяться — племя
 сынами силы взяли дочерей пенья
 расплакался дитячь губой малины,—
 он сед, а барабанчик до колен...
 Не возвратиться телу: дом могилы.
ДА ВОЗВРАТИТСЯ ДУХ, ДОКОЛЕ НЕ:

не порвана серебряна цепочка
 не льется в ухо ртуть твоя цикута
 имеется у мышцы меч в титанах
 найдутся троны за дождями в тучах
 не унимайся влага у кувшина
 не иссякай отвага у кошмара
 не разорвать повязку золотую
 не расплавляется клеймо-кольцо...
Я ГОВОРЮ: В СВЯЩЕННЫХ ЗАЛАХ — ДУЕТ,
 но бьется над колодцем колесо!

ТЫ ДОМИК С УШКАМИ ИЛИ УЛИТКА
ЗА ЧТО ЕЕ ЗА СОРОК РАЗ УБИЛА
ЛИШЬ НЕПРИКАЯННОСТЬ И ПРОСЬБЫ
СЕРДЦА
«НАС НЕ ОСТАЛОСЬ» ЕСТЬ ТАКАЯ СЕКТА
А ИГРЫ В ИКС В ИСТОРИЮ В ИСКУССТВА
НЕ ДЛЯ ЛЮБВИ А ЧТО ЛИ ДЛЯ ИЗГОЙСТВА
ТВОЙ ЗАЛ ЗЕМЛЯ СКОРЛУПКА
ДЛЯ МОТИВА
ЗА ВЗМАХОМ НЕМОРЕЙ КОРАБЛЬ МЕТАЛЛА
БЕЗ ЯКОРЯ КОМПАСА ТВОЙ ВОЗНИЦА
НА МАЧТЕ ПОД НАЗВАНИЕМ БИЗАНЬ
ДО ДНА МЕНЯ ДО ДНЯ МЕНЯ — ВОЗВРАТА,—
Я ГОВОРЮ В ДЕНЬ ГНЕВА В ЭТОТ ДЕНЬ!

3. УЧЕНИЦА

У туч очутись, где в рисунках янтарь,
где курс — это маятник яхт...
Учи, ученица, не аз и не ять,
учи, ученица, меня.

Ученье у черни, у терний (поплюй,
червячник, пред ловлей кольца!).
По телу потратится твой поцелуй,
двупястье мое — до конца.

Что в ребрышках рыбки в отверстиях колб,
нырянье у ню во моря...
Не лучик, не ключик, ни бог и ни Блок,—
учи, ученица, меня.

По пояс по стиксам пастись, где венец
из вод извлекая, как цепь,
клянясь: — Уцелеть бы, где Овн и Телец! —
клянись себе: — Не уцелеть!

Клянись мне, как лотос клянется у Будд
на всечеловечий мяук:
мы в дом не уйдем, и у битв не убьют,
клянемся, — нас, медиум-двух!

Когда же все отнято, все отдано,
для тела — металл муравья,
от ста оставляя меня одного,
учи, ученица, — меня!

* * *

БЫЛ АВГУСТ
с уже леденяще еще дешевизна дождем.
БАЛЛАДА:
шел дождь, и дрожал наш египетский дом.
А В ДОМЕ
спираль-кипятильник вываривал чай.
ОДНО МНЕ —
грустил фараон, иероглиф писал про китай.
ИЗВЕСТНО:
он чай чифирил, иероглиф из нефти — не пить.
ИЗ МЕСТИ
он зелье варил — заклинанье от всех
нефертить.
ОДНАЖДЫ
узнал он проклятье клейма о любви и разбил
свой бокал.
ОДНА ЖЕ
ходила по комнатам хутор-дворца и ее целовал.
ХОДИЛА
вся в каплях купанья, босая, со взором
в глазах.
ХОТЕЛА,
как и китайнки, а как-то: ответствий в
звездах.
В ПОДВАЛАХ
вино изыскала и снедь, чтобы творчества
волю связать.
ПОРВАЛА

священный папирус... Невинность ему отдала,
так сказать.

И ВЗЯЛ ОН

то, что отдала, и возникло воздействие душ.

ЗАВЯЛА

мыслителя кисть, испарилась в чернильнице

тушь.

КАЗНИЛ ОН

верховных жрецов и рабов распускал.

КАК ЗНАЛИ

паденье Египта?.. Египет действительно пал.

СЕДЕЕТ

на хуторе в нищем дворце фараон, что

ни ребрышко — нож.

В САМОМ ДЕЛЕ:

что сделается из любви из девиц, не папирус же

из желтых кож,

НЕ ТУШЬ

из кривляний-кровей и не кисть из вассалья

волос...

НЕТ УЖ! —

я не мерю моралью, я вывод всерьез:

БЫЛА

у меня китайка на хуторе. Тоже боса.

БАЛЛАД

написал я с полсотни. Цвели и у нас небеса.

НО НЕ

обязательно же государством пожертвовать

(иго! — и знал!).

НЕ МНЕ

не любить. Я любил. Но ее из Египта изгнал.

ВОПРОС НЕФЕРТИТИ

оставим музеям: обзор обозренья для всех.

ВСЕ ПРОСТО, ПРОСТИТЕ:

любовь есть изгнание босых китайнок, иначе

не творчество — грех.

ХУТОР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пьяный Ангел

Девушка

Автор

Хор

А в т о р:

Холм, на холме хутор со шпилем и мяукает кошка. Два окна: красное освещенное, второй этаж; черное стекло — первый. На холме пасется белая лошадь, живая или бутафорская. Кусты: крыжовник и красная смородина. Беседка, увитая плющом и жасмином. Беседка открыта зрителю: деревянные пни вместо кресел, плетеный столик. Подсвечник, свеча. Над беседкой какие-то проволочки для белья, или для фонарей. Далеко — до рога. Прносятся полосы света. У подножья холма баня и пруд. Между беседкой и баней колодец. Он цементный. Деревянный ворот, ведро, цепь. У колодца на каменной скамеечке девушка, простое платье, волосы распущены. Нежная мгла. Во мгле луна, как восходящее солнце, красная. Болтаются какие-то последние бабочки. А по всей сцене висят фонари. Появляется Пьяный Ангел — из колодца. Он в белом. Отряхивается. Нимб.

А н г е л :

Меняю лиру на гитару,
меняю Небо на поля,
я — сам свой раб, я — сам свой табор,
не трогайте меня, я — пьян.

Не в Небе, не на постаменте,
я сам собой в веках возник,
я вырвал сам себя у смерти
и в смерти сам себя воздвиг.

Не сеятель и не податель,
мне нет Иуды, нет суда,
я — сам свой Суд, я — сам предатель,
я сам себе своя судьба.

Меняю знаки на загадку,
меняю крылья — на коня,
семь заповедей — на цыганку,
я пьян, не трогайте меня.

Все — и ничто!.. Ничуть не легче
атланту или муравью.
Меняю весь Род Человечий
на душу малую мою!

Д е в у ш к а (указывая на колодец):
Ты что там делал? Ты — тонул?

А н г е л :

Я спал.

Д е в у ш к а :

В колодце? Как обычно!

А н г е л:

Пришел, увидел и... уснул.
И — спал. И — снилось мне.

Д е в у ш к а:

Отлично.
В воде (плевать на атмосферу!)
окаменел и спал, герой!

А н г е л:

Вода была, пожалуй, сверху,
а камень, что ж,— под головой.

Д е в у ш к а:

Фантастика. (Солгал, не ахнул!)
Потом про это напишите.

А н г е л:

Так спят все ангелы.

Д е в у ш к а:

Вы — ангел?

А н г е л:

Увы, я ангел. Небожитель.

Д е в у ш к а:

Ты пьян, паяц.

А н г е л:

Не отрицаю.
Паяц — пустяк. Я — Пьяный Дух.

Д е в у ш к а:

Где, Дух, вы пили?

А н г е л :

Отвечаю
со всей охотой: пил в аду.

Тринадцать нас (персты на лирах),
посланцы Неба к Сатане.
Традиционный посох мира.
Сераль русалок. Хор сирен.

Фанфары. Тосты. Ад и Небо!
Святой союз! Святись, свобода!
Брачуются вино и нектар,
весь мир — мирянам, род — народам!

Ну бесы все перебесились,
не пир — конспект войны Ливонской,
бутылок — что твоих Бастилий,
колбас — что змей Лаокоона!

Светало солнце и садилось.
Котлы. У дьявола в купели
я пил один среди сатиров.
Посланцы, помню, улетели.

Тсс... девушка. В такой таверне
я Стикс ин вино перешел.
Там поутру мне трети трели
пел пересмешник-петушок:

«Ты ангел? — Бес.— Ты бес? — не знаю.
Хороший хохот:
те и те
лишь диалектика названий
и суесловие систем.

Восстань, вассал! Какому клиру
деянья детские развил?
Разбей божественную лиру,
все — трын-трава!»

И я разбил.

Я вышел в нимбе. (Нимб калорий!)
Я — символ истин интеллекта!
И вот пожалуйста — в колодце
очнулся... Гнусно.

Д е в у ш к а:

Интересно.

Неплохо и про трын-траву.

А н г е л:

Ты что здесь делаешь?

Д е в у ш к а:

Живу.

А н г е л:

Конкретнее. Какая эра?
Где глобус? Что за государство?

Д е в у ш к а:

Живу, как все — как то и это.

А н г е л:

Уже целуешься?

Д е в у ш к а:

Гусарство.

А н г е л:

Не нравится?

Д е в у ш к а :

Для вас — нормально.

А н г е л :

Я не опасен и не злой.
На двух ногах по наковальне,
я между небом и землей,
как Гера некогда...

Д е в у ш к а :

Живая...

А н г е л :

Повис. Туда-сюда — ни-ни.

Д е в у ш к а :

Живу и жду, живу — желаю...

А н г е л :

Все грезы-розы?

Д е в у ш к а :

Да. Они.

Беседа таким образом, Пьяный Ангел и Девушка передвигаются к беседке. Уже в беседке. Свеча. Бьют часы. Девушка вяжет. Спицы.

Д е в у ш к а (поет):

Столетье спустя, в январе
был маленький храм.
Святители на серебре,
нехитрый хорал.

Свеча и алтарь. В тайнике
там ангел стоял;
и лира на левой руке,
и благословлял.

О волосы бел-ковыли!
Молитвы слагал
про тех, кто повел корабли
в снега и снега.

Как радостно было у нас,
когда над свечой
как маленькая луна
блестел светлячок!

Столетье спустя и еще
с Востока пришли
какие-то люди с мечом
и люди с плетьюми.

Они обобрали наш храм,
алтарь унесли
и юношей (вот и хорал!)
на торг увели.

Совсем отгорела свеча,
лишь сторож — фантом
ходил, колотушкой стучал,
да помер потом.

А н г е л:

Ты помнишь песню обо мне?

Д е в у ш к а:

Не о тебе, о том, о нем.

А н г е л:

Невеста!

Д е в у ш к а:

Не твоя!

А н г е л:

О нет,
отныне он и я — одно.
Невеста! Крест и три перста!
Благословляю и люблю!

Д е в у ш к а:

Ты — пьян.

А н г е л:

Святая простота!
Последний миг — умру — ловлю!

Пророк — про рок, про свет — поэт,
мне — нет судьбы и нет святилищ,
мне просто в мире места — нет.
Не жалуюсь, уж так случилось.

Раскаянье. Хоть раз в века
в тех лабиринтах мира-Крита
живые души развлекать,
моя — мертва.

Д е в у ш к а:

Моя калитка
за баней. Шествуйте, дружок!

А н г е л:

Я послан за твоей душой.

Д е в у ш к а :

Кем послан?

А н г е л :

Сам собой, невеста.

Д е в у ш к а :

Так сам себя и отошли.

А н г е л :

Куда? Ни местности, ни места
отныне мне не отвели.

Д е в у ш к а :

Наверх. Ты сверху. Там просторно
для пьяных ангелов-Вийонов,
там семь седалищ — семь престолов
блюдет блудница Вавилона.

Бал — для любви, мечи — для мести,
апокрифическая дверь
в небытие. Там все на месте:
Борьба — и — Братство — Агнец — Зверь.

Что я? Такие там и тут.
Провинция мы. Вы столицы.
Вам небеса, нам — только труд.
Мы — хор Христа, а вы — солисты.

А н г е л :

Не Дух Святой, а варвар Рима,
не Цепь и Пух, а — лай! лови!
не царь — рапсод, а только рыцарь
пой-песенок и май-любви

в столицах ваших (аллилуйя!)
временщиков, воров и цифр
страсть проповедуют холуи
и хамы стали хитрецы.

«Дух Творчества! Ты так прекрасен!
Наш Дух у нас на высоте! —
все памятники перекрасим
в любимый цвет своих вождей!»

О плебисциты толп и путчей!
Все мало,— публика умна:
ей не хватает только пули
свинцовой

в сердце
у меня.

Ты — труд. Я — Дух. Одной бумагой:
за труд — тюрьма, за Дух — топор...
Когда очнется Пьяный Ангел
над окаянною толпой,—
так! только трепет! гроздь гнева!
нерихонская труба!
Возмездье всем и вся! Бой Небу!

Д е в у ш к а :

Я девушка, а не толпа.

А н г е л :

Спаси меня!

Д е в у ш к а :

Спасет, уймитесь...

А н г е л :

Спаситель?!

Д е в у ш к а :

«Быть или не быть?!»

А н г е л :

Так пожалей.

Д е в у ш к а :

Жалеть — унижить.

А н г е л :

Унизить — лучше, чем убить!..

Д е в у ш к а :

Ты — трус.

А н г е л :

Не вождь. Но неужели
вожди (знак «вождь» — от сатаны!)
предпочитали унижение
себе

и смерть всем остальным,
жрец — жертвой, девственница — блудом,
тиран — тиарой, Вакх — вином,
Христос — крестом, бастилец — бунтом,
Стикс — смертью, Вавилон — войной,

сирена — сном, солдат — стараньем,
хулой — Харон, хвалой — холуй,
все сущее — существованьем
унижено!

Д е в у ш к а :

Не существуй!

А н г е л:

Не существуй... Там неземная
звезда... Там полюс... Дождь повис...

Д е в у ш к а:

Там — дождь идет? (*Смеется.*) Куда?

А н г е л:

Не знаю.
Идет, как все мы — сверху вниз,
Вдох-выдох, время — мех кузнечный...
конец... ни страха и ни сил...
Кто это тикает? Кузнечик?

Д е в у ш к а:

Чердак! На чердаке — часы! (*Веселится.*)

Ангел умирает.

Д е в у ш к а:

Эй-эй!.. Уснул.. Цитаты библий...
Архаика... Еще пугал!
Смешной, смешной!
(*Переворачивает Ангела: крылья, кровь,
вскрикивает.*)

А КРЫЛЬЯ БЫЛИ!

Он — Ангел, правда! Он — не лгал!

Пауза, рассвет, свеча совсем маленькая, полосы
света проносятся и тают в воздухе.

Д е в у ш к а:

Живем, как в пропасть, все — впустую,
пылинки плача на весах,
прости, прости меня, простую,
что знала я о Небесах?!

Там лишь туманы. Только стан.
Секундомеры — облака.
О скука скорости и стали!
Что обреченных обрекать!

Нет — Неба! — темнота — тенета!
Не зная ни добра ни зла,
на всех копытах континентов
пасется первая земля

над пропастью. Ах, Ангел, брат мой!
Что Дух! — лишь таянье теней!
Что чудеса! Простая правда
простым нам ближе и нужней.

Душа! Расстаться — расплатиться.
В который рок, в который раз
на душу дунешь — разлетится
по искоркам, — и нету нас.

Занавес

Хор за занавесом:

Фарс фарисея,
барабан боли
это творенье.
Суету сеют
бесы и боги,
тьма и томленье.

Это их игры
света и смерти,
тайны и знаки.
Нет наших истин:
солнце, как сердце,
бьется над нами!

Занавес поднимается

Автор:

Холм, на холме хутор, два окна, пасется белая лошадь, кусты, беседка, столик, подсвечник, свеча, проволочки, дорога, баня и пруд, колодец, бабочки болтаются, фонари — висят, мгла — нежная, луна — красная, девушка — в простом платье.

ДОН ЖУАН

— Дождь идет, дождь идет, дон Жуан!

(М. С.)

Мне
женщины были?
Я
женщинам был?
Из вервья из лестниц — лифт! —
любовь ли?
А юность — лоб и бокал,
шпага
и шаг
тех лет.

О да!
До окна
дождь идет, дон Жуан.
Дождь, донна Анна. Дождит.
Стол яств.
Гиря люстр.
Ни
невест
и
ни
жен.
А Дом Командора
дрожит.

Кому,
Командор,
Статуя-метастаз —
ревнивец и каменный вес?
А медью из денег —
изданье до Муз
у вдов,
а взаимность — венец.

Кто в Ад меня, мнимый,
концепций конца
завистливец рук и лекал?
Я лишь исчислял по таблицам Творца:
вы — лгали.
Творец
мне
не
лгал.

Ходили на лапах тяжелые львы.
Мозг
мой
к
ним
приятель
имел.
За давностью дев
любопытство любви,—
любви ли?
Я
их
не
играл.

Кто, муж героизма,
мой меткий металл

осмелился
бы
осмеять?
Лишь Статую выдумал Век,—
минерал
с десницей:
себя оправдать.

Кто тот же ласкатель
мышей —
в мой музей!
Мыслитель
и
логик
про суть?..
Вот — шпага моя,
в мешанине мужей
найдет
свой,
    ей свойственный путь.

ГАМЛЕТ И ОФЕЛИЯ

(ФРАГМЕНТЫ)

ГАМЛЕТ

Неуютно в нашем саду,
соловьѣ да соловьи.
Мы устали жить на свету,
мы погасим свечи свои.

Темнота, тихо кругом,
лает пес, теплится час.
Невидимка-ангел крылом
овекает небо и нас.

Неуютно в нашем дворце,
все слова, Гамлет, слова.
И сидит в вечном венце
на твоём троне сова.

Это рай или тюрьма?
Это блеск или луна?
В небесах нежная тьма,
Дух Святой, дьявол она.

Неуютно в наших сердцах,
целовать да целовать.
Уплывем завтра, сестра,
в ту страну, где благодать.

ОФЕЛИЯ

Где страна, где благодать?
Благо дать — и умереть.
Человек — боль и беда.
Только — быть, и не уметь

умереть. Быть — целовать,
целый век — просто пропеть.
Целый век быть — благо дать,
целовать и не успеть

умереть. В нашем саду
лишь пчела с птицей поют,
лишь цветы, лишь на свету
паучки что-то плетут

да летят искры стрекоз,
ласки сна, тайны тоски.
В золотых зарослях роз
лепестки да лепестки.

Ты потрогай — рвется струна,
Аполлон требует стрел.
Этот знак «сердце-стрела»
устарел, брат, устарел.

Не струна, а тетива,—
или их, или себя!
Этот сад весь в деревьях,
огнь и меч их истребят.

ГАМЛЕТ

Про деянья или про дух,
про страданья или про страх.
Вот и вся сказка про двух —
жили-были брат и сестра.

В той стране, в той голубой
(журавли не долетят!),
там была только любовь,
у любви — только дитя.

До зари звезды дрожат.
Вся цена жизни — конец.
Ты послушай: дышит душа —
бьется, бьется в теле птенец.

Их любовь слишком светла.
Им Гефест меч не ковал.
Жили-были брат и сестра,
и никто их не карал.

Ничего нет у меня —
ни иллюзий и ни корон,
ни кола и ни коня,
лишь одна родина — кровь.

ГАМЛЕТ

Я даже думал: звать или не звать?
Идти в итог или забыться здесь?..
И кто-то бил копьём в окно, — как знать? —
не человек, не бабочка, не зверь...
В душе уже отрекшись от венца,
я звал Творца, чтобы у зла узнать:

пой, призрак распрекрасного Отца,
позволившего так себя убить.
Я знаю сказку, как позволил Лир
свести себя с ума,— я прилеплюсь,
не лицедей, но и не лицемер,
я безбилетник, с чеком притворюсь.

Был пол отлакирован и звенит.
Был зал — от варваризма вензелей.
Полоний — дух Лаэрту был «за нет».
Бальзам варился в кубках королей.
Трагедия отравленных рапир?
О нет! На троне трепетала мать.
Так гением невысшим разговор
о ней, и рока нету, и не месть,—
о правда! в той завистливой жаре
червяк телес убил орла седин,—
о брата! И женился на жене.
Я отрекаюсь: я — ничей не сын.

Яд — пей, Гертруда, бедная, труды
прелюбодейства или живота
за женщин, или жвачных у травы,
или Офелий,— «дева иль жена?» —
альтернатива с перспективой «власть»,
и взвешивать регламент гирей каст,
блюсти себя и пушечную весть,
давать детей для даты государств,
или сходить с ума (да был ли ум?)
по смерти подлеца-отца без «ли»,—
так ли? И петь и плыть, как на балу,
тонуть! Я — отрекаюсь от любви!

Но радуются роды от пелен:
убит герой, на королевстве — трус.

О жизнь! Лишь ожиданье перемен,
как в карты: или тройка, или туз.
Герой? Он может мощью полюбить.
Откуда взять взаимность — лишь мощам?
На фантиках, на бантиках понять:
трус — труса, раб — раба и мима — мим.
Нам даден в мир не профиль прав, а фас,
где ум — там с колокольцами наряд.
На Данию, норвежец Фортинбрас,
я отрекаюсь: вы — не мой народ.

Был мозг отдатированный, как зал.
я шел, как жил,— на иглах каблука.
Балл музыки — рапира и кинжал,
и правая, и левая рука.
Блестел, отлакирован, в досках пол.
Взлетали души (души ли?) без тел.
Их было семь, и каждый (как же!) пал.
А воздух варваризма дул... и бел,
что я виновен, ибо их убил,
мерзавцы пусть, но человеки ведь,
не мной исчислен времени удел,
а Там (Читатель Йорик, челюсть — есть?).
Итак, итог: созвездья всем ли врут?
Я рву билет и разрываю чек.
И если это человеки вокруг,
я отрекаюсь, я — не человек.

ГАМЛЕТ — ОФЕЛИИ

Когда меня в законы закуют,
дверь государств гвоздями закроют,
и за колючей проволокой прав
я стану с телом знаменит и здрав,
озера спрута с лампами лилей,
и зал иллюзий, и измена конниц...—

не забывай за колбами людей,
как за никем я стану незнакомец.

Но ты предашь меня,— за двух колен
мне поданных рабыню для измен,
за узы уст (о как нежны ножи!),
мною останавливаемых от лжи,
заплечья мастер, пилигрим от плеч,
за явность ятр, за многократный меч...
И вот во имя жизни как любовь,
во избавленье тела — как от лезвий! —
отмоет мир с тебя мое клеймо,
поднимет час для чести с двух коленей.

Когда меня цирюльники цитат
в глазунью абрис бритвой обратят
и целовальники вкуют в венец
мой царственный дурацкий бубенец...
Пусть не узнаешь устное лицо,
пусть: перепутай логос безударный,—
не забывай двойное царь-кольцо
двуглазья и хрусталик — Божий дар мой.

Когда меня, как ноту ню — в аккорд,
в Словарь — не без нелестности арго,
по буковке букеты плесть и петь,
и позвонков моих коснется плеть
во имя классов или красоты
мяучьим умываньем (Ной был медник!) —
ты позабудешь ноты и цветы,
ибо их не было и не имел их.

Но ты поплатишься меня лютей,
когда вздохнешь всей грудью для людей,
при рассмотренье их из-под руки:
на сценах сердца бьются петухи,

ласкают — лишь бы, ложью льют бокал,
что в кругозоре у орлов у скал
коровья кровь, что чувства — лень и впредь,
тебе (пропащей!) — в прошлом леденеть,
и отдавать кровь живу глянца глаз
как мне, как на обмен, как не сейчас...
По чьим часам Верховный Час отвесишь,
чьим телесам в чьем честном почему
за меч меня, за вход в мою тюрьму
что (безответная!) ты им ответишь?

ГАМЛЕТ

Триптих — Отчизна, Мать и Жена — не дано.
Лицо на цепи, Копыто Китая, центавр,— где
курс кораблю?
Сердце — «десятка», сутана и цель
(ну давай, я — давно!).
Три розы в бокале у Бога,— я говорю!

Роза — герб соловья — я расстрелял ребус
страниц.
Роза — белизна свадеб — я растлил, Гамаюн.
Третья не требуется: монастырь у мокриц...
Три розы в бокале у Бога,— я говорю!

Зачем из мультиметалла меня Ты, «меч аз»?
Почему — часовой у меча — я губами
(не тронь!) — творю?
Так выпьем за выстрел, за сорок в бокале
глаз!..
Три розы в бокале у Бога,— я говорю!

Три раза в Байкале... Но если и ересь
с ним...—
Ландыш Невест — Но бульварщина букварю.
БОГ МЕНЯ НЕ ЛЮБИЛ И НЕ ВЗЯЛ
МОЛОДЫМ.
Три розы в бокале у Бога,— я говорю!

ПУТЕШЕСТВИЯ

1. СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Труд Гертруды окончен.
Одинокие Римы,
смотрят люди в оконце,
уши — парные рифмы.
Личики как яички,
на челе — единички.
Смотрят люди в оконце:
в каждой лампе — огоньце,
у Луны молока нет,
а Луна — молодая.
А два уха людские
при Луне — ледяные.

Я иду по Афинам
скифом — по анемонам.
Колизея колонны.
Вам, Варшава, — каналы.
Прага из парафина.
Эст — в холмах Парфенона.
На Монмартре — Манхэттен...
Въезд на Фонтанку под ливнем,
Медный Всадник — макетом,
цепь на мостике Львином.

У оконца Ленива
ждет меня, — Михаила:

я бутылъ люминала
взял за рубль в магазине.
Я смотрю с интересом:
кесарь я или слесарь?

О не от люминала
под луной Ленинграда,
я умру до Урана
в трюмах рудник-Урала.
Нет в тех трюмах оконце,
околём у околиц
незапамятным Киршей,
как предсказывал Китеж.

Над Евангельским ранцем
откуют совы свиста
в русском, в райском и в рабском,
в трех синонимах смысла.
Завтра звездное солнце
закукует в оконце.
Встанут в странах со млатом
Труд, Отвага и Младость!
Им ли гримы Гертруды,
ильмень-грифельны грусти...

Жизнь моя! ты — мечталка,
с рифмами-дурачонка,
старушенца-мальчишка,
стариканца-девчонка.
О одумчивость духа!
Тяга к девобелугам...
У меня вот два уха,
хладно им, бедолагам!

2. ПОЛЬСКОЕ

(РЕЧИТАТИВ)

Я ДАМ ЕМУ ЗВЕЗДУ УТРЕННЮЮ.

Ему?

Кому?

В костелах утрат

с кем

с камнем

за ключ

закрываю унию,

униат?

С тем ли, кто по Польше ходит, пошатываясь?

Пропустит

про

Польшу

и Рима

кумир.

Не трогает СЪОМЫЙ, как в сейме сказал,

проща...ясь

Ян Казимир.

Как пил он в Париже и прачкой Миньо

ненавидимый

листал

ее

Лопиталю

и мессы

с

коленями

поз.

Хлоп не надрывался, а шляхта в шелках,—

чуть ли не в Индию,—

полонез.

Так умер Первый Король отказа от трона
у Родины.

Посягнули
псы
по
предсказаньям
тебя,— сабель свист!
Сумятицей сейма!.. Так «плеть и петля»
вписали Романовы:
«СБЫЛОСЬ».

Я дам ему слезу венчанную:
Мицкевич,
Конрад,
Нижинский,
Аполлинер,—
беглецы — от любви?
ВОЗДУХ ВОЗДАСТЯ ЗВЕЗДОЙ ВЕЧЕРНЕЮ.
Благослови!

3

И УВИДЕЛ Я НОВОЕ НЕБО И НОВУЮ ЗЕМЛЮ

НЕБО:
Всевышний паук обвязал цепочкой Луну,
обязал над Землей
и как-то качает:
вот — выше! но... ниже.
О псах. Псам лизать звезду.
Завидую.

КТО ВИДЕЛ БОЛЬШЕ ЛУН, ЧЕМ ДЕВ?

ЗЕМЛЯ:

Оттуда овца и отсюда овца.

Овца лежит на крыльце из цемента,
смородину ест.

Если снять кудри с нея — с вами свинья.

Цаплю — на цепь. В переносном смысле.

В прямом: стоит солян-столб. Нога заземлена.

Где-то глядится окно,
как из Америки — инк!

ИЕРЕМИЯ, ГДЕ МОРЕ?
МЕШАЕТ МАТРОСУ В ДВИЖЕНИИ ВОД
ВИДЕНИЕ ДЕВ

Дождик дождит, в виде воды,
но мотылек-лунатик ходит по саду
с зонтиком, так ли?

Множится, может быть.

Атом и сфера,

девы-ведуньи

сдаются на милость

меня, мотылька.

Значит, зонтик — невидимка.

ПРЕЖНЕЕ НЕБО И ПРЕЖНЯЯ ЗЕМЛЯ
МИНОВАЛИ
И МОРЯ УЖЕ НЕТ

ANNO IVA

Вода, движущаяся в реке, или призываема, или гонима, или движется сама. Если гонима — кто тот, кто гонит ее? Если призываема, или требуется, — кто требующий?

Леонардо да Винчи

1

На свете нету святости, а Муз
не моют ромом, к ужину косули
на огонек не жду. У звезд звонарь,
спит месяц, в круг сведя концы с концами.
Спи, ясный, поздно-праздно, в час и в ад
замкнут и эту музыкальну сушу.
Я слышу, как вокруг дрожат дома,
я по ночам намного лучше слышу.
А вижу хуже, я во мгле сижу,
пишу смолой алмазной по рутине.
Мне страшно. В кабинете, в книг саду
мне жизнь у жалоб голубя противней.
Не с рук творимый в Рюрикову Русь
и куликуя Дмитрия Мамаю,

2

Я повторяю по ветрам вопрос —
о то ли мое тело мое, мама?
Я болен, и дай руку мне на лоб,
на нем росы нет, вянет в новых, Господь,

на треть открою веко в мой народ:
на рынки носят литеры, в них голос.
Ум номерной на мир, и пламена
гудят в груди с мышлением солгать бы,
здесь люди, как чужие племена,
мне говорят другими голосами.
Я в книги кану с речью чересчур,
смерть самозванна — у народа власти,
отечество! тебя я не читал
такое! битвы этой не воитель.

3

Еще я напишу о том, стоямб,
о чем в очках пишу я, гладиатор:
у моря в Риме Ленинград стоял,
в нем Невский Конь стоял, как гладиолус.
А в ночи час, откуда ни возьмись,
по полю Марсову и так, и сяк я
хожу, святой, и хуже — василиск,
и новый наводнениям историк.
Я слышу меди хоботы, полки,
под эполет идущие и к шагу,
я вижу воды — белые платки
у волн, текущих от ноги к Кронштадту.
Мы, может быть, единственных пружин,
кому идет не в радость жизнь, а в ругань,

4

Всему тому я говорю прощай,
на вынос тел винясь в роду с другими.
Войди, звонарь, ударь в бетон: в Тибет,
у лир Урала в стол свисти, лишайник,
а Невский Конь живет и не бежит,
что держит? Медь? — твою в шинель, лошажник!

А Невский Конь стоит на двух ногах,
двумя другими в воздухе висит он,
как пес за уткой с дудкой наугад,
тяжелозадый всадник не по росту.
И скажут: этот медномордый монстр
Гомера, губы бантиком, как сокол,
имел он женский глаз и зверя ус,
как девица двухусая, скакал он.

5

Внизу зажегся гостевой котел,
у рыб в июне дней на целый месяц,
серп солнца тонкий, дорог мне, ледок
над полукружьем моря с жарким солнцем.
Двойной рисунок видим, геометр:
вот лодка в море — как ребенок в лодке,
как образ голубой на голубом,
спят веслы в ней и не кусают локти.
И кажется — у лодки свыше скорбь,
в морскую краску вылит верхний тюбик,
плывет, обшита голубой доской,
никто ее не холит и не любит.
Пустая лодка, крашенная, шнур
надет на шею сквозь кольцо другое.

6

А за водой виднеется Кронштадт,
кто в лодке? — едет, дальняя дорога.
Ведь и у дев, как море, тело, плыть,
моря их тел прибьются к берегу, юны,
и воины по солнышку у толп
их за ушко ведут, за тело в дюны.
В движеньях каждой девушки — солдат,
их жениховству нужен с дулом лидер,

я видел их, лежащих на соснах
вверх животами, женщин уж, любви дар.
Гипербол мастер я, а не литот,
смеюсь не в рот, а внутрь — во весь
аппендикс!..

А ворон уронил крыло, летит
уж на другом, как на велосипеде.

7

Здесь финн у вод фамильных, шведу друг
у юбок жен, их хаки...— мне б заботы!
А девушки сбегаются с горы
и двигают ногами, как зубами.
Их, машек, ждут Порфирий и Язон,
к ним Николай спешит, как ястреб ночью,
рвут шкурку у семитского гуся,
сняв мясо с палочки, кусая в ножку.
потом войдут в поэму без сапог,
всей влагой с Нилом, суммой голых линий,
свет совести у женщин уж погас,
ночуй, чулки сними при свете молний!
Порфирий спит, сожжен. Язон, базед,
поет, как шило в лошадином мыле...

8

О брось! Твой образ вижу, донна бездн,
ах, ANNO IVA, о любви ли мы ли?
И я себя ругаю в грудь,— а лгут,
измена — тоже «изм» у рабских в Риме,
а скалоножки-девушки бегут
с коленками, как зубы, раздвижными.
Я в страсти строг и голос мой сырой,
плод письменности... Эти же ночные

такие обнаженки — хоть строгай,
в рот розу дай и нарисуй на чайник.
Но мы завьем веревочкой, бутуз,
широкий эрос в юбку бумазен,
а машек под шумок возьмем на зуб,
быть может, ни одна не по зубам и.

9

По морю розы, светлых волн концы,
в лучах у нас династий дни надеты,
челн голубой, плывущий без конца
вблизи берегов, где в ряд дурят народы.
Неужто бьется в ребрах на весь мир
тот шар, воскресший в тучах гуманизма,
мне грустно, я без бури как моряк
без алкоголя, на людях — без ног он.
Не хочется мне под челом свежеть,
а мыкнем в мрак и выпьем вин на редкость!..
Я так скажу: жестокий жизнь сюжет
и горестный,— живи, рыдай на радость.
Я грустно-счастлив, это смехо-плач,
жизнь этих татей зиждется на том, как

10

Моя душа свободна и пуста,
с талантом и лопатой землекоп я.
Когда вокруг гармонию найдут
и я умру внезапно в год лазури,
идем за мной в клинический туннель
за смертью молний, убиенных в бури.
Или в Сибирь, собратья! В Ойкумен,
где смерть стоит у сердца, как читатель,
поэмой ямба год ознаменуй,
озолоти их, господин чистилищ.

Мне снится, как, мясисты от любви,
плывут по морю смерти с книжкой люди,
поднимут палец вверх большой: во был! —
воспомяная обо мне и дальше.

11

А вдоль дорог, вороньих войск и сил,
морских свобод несолоно хлебнувши,
стоящи сосны, их живейший ствол —
как прототип столбов, молодых и хищных.
Но так не будет! — вырвутся из дюн,
у од в непредсказуемое время,
и побегут по воздуху на юг,
и к ним на ветки сядут люди моря.
И понесут те множества людей,
друг с другом обнимаемся по пояс,
о сколько нас погибнет от лучей,
со сколькими, товарищи, простимся.
Обеты все отпеты, в иглы, в тень
вцепляемся, не связаны веревкой,

12

Ни родины, ни дарований нет,
никто на континенты не вернется.
Хоть бы не видеть! Но с высот смотря,
мы видим электрические реки,
их светлую бумагу, и заря
протягивает вишен полны руки.
Костры, и их огнем объят таган,
с картофелем свинина, лоб акулы,
а псы пасут легчайшее ягня,
шашлычное, с резным брильянтом лука.
Кровать, и простыни свежи, белы,
вот-вот бутылку вынут из комода,

и женщина под потолком любви
висит — горизонтальная Дамокла!

13

Мне бы спуститься к морю, взять бокал,
сесть в сосны, видеть водный свет в колоннах,
во фрачных парах с головой быков
здесь ходят чайки с чайками на камнях.
О время истребляющее! Тел;
летающих в эрос,— многая с Востока,
я сталь сниму, отдам октавы лат,
пусть дух, худея, волком, легкий, вьется.
Возьму волну, княжну и кокаин,
уж пошучу, как Стенька Раушенберг,— я!
Да ведь нельзя. Я пробовал. Никак.
Не УЭСА мы, а у нас Россия.
Венки на детях — девочках, растлят
желтоволосых, рожь и руть по ужас,

14

После Петра мы видим результат:
все та же грязь, пожалуй, и похуже.
«Петр» переводим «камень», и как мне
на стул седла садиться плохо, Всадник,
на камне — Конь, и Камень — на коне,
и камня мне на камне не оставил...
Когорты шагом с каской на груди
в жизнь, настоящий, Цезарь, наш и нелюдь,
ты шел всех войск на войны впереди,
шесть раз пешком — от Рима на Лондиний!
А этот — краснолицый, черноглаз,
пил с топором, нога в ботфорт — как тополь,
боев боялся, дрался через раз
не за страну, а за имперский титул.

Тепл сосен стук — то дятл дует в кость,
 завинченную в рот ему от Бога,
 он пестро-красный сзади весь, и хвост,
 вид бронзовый при жизни, голубой он.
 Брат утренний, биющий саблей в ночь,
 спой, кто идет? — он спросит вещим хором,
 и я спою, что по морю, где челн
 идет своим наглядно-римским ходом,
 я свету эту белому не рад,
 несу свой текст, объят тоской по солнцу,
 и что мне той октавы ткацкий ряд,
 с секстиной что связует нить сонету.
 Мне с моря пахнет ромом, а кумир —
 свой карандаш, как лом, строгая, Бруты

Из шеек раковых, на смех курям
 веревочкой завьют у горла трубы.
 Ход Цезаря я славлю, тех телег,
 ум пехотинцев, конных ног с узором,
 какой приятный античеловек, —
 до новой эры, цельный, узурпатор!
 Он истин был отечества отец,
 но выше вижу, с ужасом и жаром:
 он в кожу человечью был одет,
 доспехов больших, в общем-то, желал он.
 Жизнь гения — и либидо-плебей...
 Так зависть убивает всех наотмашь,
 тех, кто не тот, а тут и не по ней,
 а лозунги... потом народ напишет.

Летит по небу бедный самолет
и жметя, будто бьют его дубиной,
одетый в сталь лягушечью самец,
в окошках корпус, похотлив, двугубый.
Как рыбий рот — гудит он весь — огонь!
и, как сферический пузырь, намылен,
как настоящий друг и негодяй,
всех выше механизмов, ум немалый.
А все же он носитель и изгой
вагона с пассажирами из мяса,
летит мутант беременный с ногой
на двух колесиках — как заумь Муз он.
Кто знает свой у Бога род и герб,
откуда вышли люди и машины?

Где было рок, теперь с наукой ген,
а с кем кто в Мекке? — не знаком я между.
Был у меня на этом месте дом,
из комнат состоящий и из женщин,
имуший книги, живопись, да им
я, жнец, не рад был, хоть и жил не нищий.
Мой рок — порог, а ген — в ту лодку, в муть,
я дом отдам и съеду с комнат, с книг я,
от женщины останется мечта
о женщине — как полночь, пес, калитка.
А телу в тыл бьют костылем идей,
пьют патриоты сок из глаз, как допинг,
у общих жен физиономья фей,
сейчас сидят за пультами подонки.

А потому, ходящий по шоссе, —
 дендизму роз несомую люблю бы!
 Жизнь — впереди, над нею медный шест,
 на нем круг солнца вьет свою цибулю.
 Круг этот красен, в лилиях подол,
 уж не вот эта ль Людовиковица
 за мною ходит с зонтиком, а под —
 сверхчувства взвездных цивилизаций.
 Ея под каблуком шоссе дрожит,
 уж и трагична, толщину имея,
 а черный меч ее любви лежит
 на дне, в камнях июня, в Рима яме.
 Не итальянка ль в нашей финской мгле,
 и бедра как янтарь у Рафаэля.

А тут же сбоку хлещут на метле
 две русской расы молодых форели.
 У них немного губы в молоке,
 по двое с вод бегут, как остолопки,
 смотрю: с металлом глаз не в медяке,
 грудь колом и по-женски в джинсах осы.
 Нога гола их, как сосновый ствол,
 на ней напишем углем иероглиф,
 что у мужчин живот из мяса сом,
 хозяев зад — они ведь иерархи.
 Над этим всем — слепящий плод, рогат,
 и шум, и мишура приморских сосен...
 А мы, за неимением раки,
 ах, посидим, Хам-Сим, в тени сонета.

У входа в комнаты, где пир и свет,
 с ножом порежут трапезу, но чист бы
 был помысел — все видя, выйти в сад,
 не мыть по мясу, жить в свой час у чаши.
 И, вышед в сад из комнат, Иисус
 Отца послушать, вьющий ветер с трав тех,
 что скажет в Год в расцвете полиных сил,—
 от рождества Христова тридцать третий?
 Но ночь в груди, а впереди петух,
 Отец у слуха к горю и в глаголе,
 а под пятой земля тверда, как пуп,
 она кружится, с глиной, с головою.
 И скажет Он: любовь твоя, но ты в
 уже прошедший шаг нога обута,

У комнат всем темно смотреть и выть,
 уж дюжину твою никто не любит.
 Уж за тобой — иной косец, и срок
 у новых роз, и зоркость новых истин,
 а где расцвет, или конец, сынок,—
 то никому из комнат не известно.
 Пойдут! — и щелкнут в пальцы, в рот кумыс,
 в телегу этот лег с другим у морды,
 я не скажу расцвет, или конец
 ни одному адаму и удмурту.
 Небесна лошадь ест в желудок пуст,
 Бог не боится журавлиной соли,
 я никому на камне не пишу,
 кто ж эти обвинители, о сыне?

А дразнят бедра, мы и тут споем
 про дом один у дюн, где свеклы в грядку
 подросток женский ходит гол, спиной,
 купая в море образ с грешной грудью.
 А по шоссе, как с песней, да не с той,
 стон сексуальный у машин — ад оран!
 Чужие люди ходят здесь стеной,
 как раннехристианские народы.
 Из рук вон выходящий слышен крик
 вокруг!.. И выйдя выше на дорогу,
 мы будем видеть в водяных кругах
 купающийся образ с грешной грудью.
 Вкруг солнца мы кружочки, смысл сынов,
 в толпах планет людских — как шарик мы,

Наверх святых из комнат выноси,
 свистать всю смерть на водяные крыши!
 Мне снилось, что на озере Чудском
 лежу я в латах, в галочьей кольчуге,
 не рыцарь я, а русский с тесаком
 на рельсах перерезанный чугунок.
 Со всех дорог я вынес много книг.
 Я шепотом пишу, смирен, о сыне,
 но если я начну писать на крик,
 кто остальных, не сильных остановит?
 Не выйти вновь в идею на балкон,
 как с кепочкой прищуренной торгуясь...
 Ах, Ваничка, их сколько по бокам,
 все косточки-то русские, товарищ!

Ку-ку, укусим! — это нищих зов
 вошел у серых птиц в радиопьесу.
 Я восхищен сосной, я восхищен,
 хочу я вновь чихнуть и вновь родиться.
 Уж скоро двадцать лет, как вижу я
 красивый рост и молодую доблесть,
 упитанный и сильный он, — вожак! —
 телесен ствол, как луковица золот.
 На нем мазки, как змейки в синю ночь,
 желты! рог загнут за спину, балован, —
 стоит сосна в саду, как светлый меч,
 не боевой, а мыслящий, любовный.
 С восходом иглы образуют зонт,
 как с казни сна, в летальных слез оковах, —

Я вижу сосны в коже золотой,
 телесной, — жду свою, веков вакханку.
 Она в саду, над ней молодой анис,
 садовники их моют хоботами...
 Здесь по шоссе гуляем мы у нас
 под фонарями виселиц бетонных.
 Не сосен и не яблонь! Не висят
 пока на шеях яшки-пугачевцы,
 ночами ламп кругообразный свет
 нам, горним, виден с виселиц — пока что!
 О Русь! Тревог и горя колорит,
 суровый Дант твоих земель селитры,
 с ножом на душу реализму лир
 уж не сбегу в иные силикаты.

Рифмуя рог и круг, усну у дюн,
 за зрелость в сорок семь — спи в эту цифру!
 Идемте в Летний Сад, идем, идем,
 мне мало дней и книг, и тянет к центру.
 Споем по ямбу! Ночь сквозь частокол,
 с биноклями смотрители Америк,
 уж крутится той стрелкой на часах
 лир намагниченных — стрела Амура.
 В цирюльне женщин я люблю в падеж
 снимать с монеты и белить обои,
 я жду тебя, но душу ты не жди,
 не требуй братства, сестро, от любви.
 В пруду у нас утоплена вода,
 в саду до нас все возрасты созрели.

Ты будешь вспоминать одна, всегда,
 с тупыми, иступленными слезами.
 Срифмую лорд и дрель, не гуманист,
 на юг пою, старуха ногу косит,
 земная мазь любви и дух-гимнаст,
 возьму тесак и препояшу каску.
 У юной ню — тяжелый глазомер,
 да не войду в дупло, ни морд, ни лап ей,
 о женской раковине, в Рима слог,
 скажу я, как о рифме палиндромной!:
 ах лих Ахилл, а все ж в пяте звезда,
 о отойди с рукой в крыло обидном,—
 в ночи звенят пустые поезда,
 то едут вечны женщины от дома.

Шел дождь, как шелк осенний, осевой...
 Я с ног усну под лавкою у мира,
 а кто очнулся и на север сел?
 Конец июля, а никто не умер.
 Никто не шел второй ногою, — лень.
 И с двух сторон я жег свечу ту сучью,
 до пятисот здесь утонуло лун,
 ушли, как шквал, товарищи по счастью.
 Мне книги в ноги больше не идут,
 они ушли тропой простой, народной,
 в век юбилейный, как убит у бед,
 я пью один свой юмор пресноводный.
 Я думаю о женщине потом
 с луной летящей римского портала:

И это сердце дрогнет и падет?..
 И это сердце дрогнуло и пало.
 В саду у демонов, слезу по рот,
 что месяц, светел, что с колес, с педалью,
 что эта сестро в голос нам поет,
 что эта церковь дровяная пала.
 О женщина, о римлянка по льну,
 рак боевой и битый в доску через —
 пятьсот и шестьдесят и семь уж лун
 утопло тут! — гремит мне черной речью,
 а рак рукой мне делает: идем
 на дно и выпьем весь запас манящий,
 и эта целость, Болдино и дом...
 Прощаясь с прошлым, я машу, шумящий!

Живя у входа в воду, как-то раз
 при мне из Леонардо двое быстрых,
 те ангелы с кружками на кудрях,
 как юнги Иоанна в бескозырках.
 Креститель! Этой оптики рука! —
 с опасностью рисуются, художник,
 подслеповатые два дурака,
 по возрасту не мужи даже, хуже.
 Читая Леонардо Дневники,
 за всеми поэтизмами посланца,
 я вижу рок карающей руки
 и ужас указательного пальца!
 Прошло шесть тысяч лун, и видим вот:
 из моря пьют собаки — воду века,

Их — стая, это вам не враг, не волк,
 а хуже — в круги, други человека!
 Я с ними ем всеобщей соли пуд,
 ношу тяжелый наш жетон на шее,
 я в эту стаю тоже попаду,
 мне только срок еще не нашептали.
 Моя собака бродит, как рабы,
 о том, что ропот, я пишу у кия,
 у жен в пороках все весы равны,
 а дети выйдут в девки и в лакеи.
 Я стол листаю, древних вод обоз
 идет, ему дубки поют, как дудки,
 мой волос волей ада обожжен
 и своды звезд круглы, как эти сутки.

Я нить свою тяну из стран теней,
 оттуда роза вянет больше, — годы! —
 в шкафу, где с полной вешалки туник
 выходят моли, золотые губы!
 Хоть всюду счастье, все же жить тошней,
 я шкаф рывком открою, книги правы!
 Олеографий пыль от ног теней
 на всех костюмах со всех стран Европы.
 На старости язык от коз, типун,
 и жены больше ль младости желанны?..
 Но две руки войдут под свод теней,
 отрубленные кем от девок женских?
 А я смотрю, смертельно бел, в трюмо,
 в нем черный лак магнитного рояля,

По кафелю с шести — шаги теней,
 и я вино в стекле из рук роняю.
 На круги возвращающийся в век,
 я вдоль дороги ясеновой узнаю,
 все тот же дятл сосет янтарную ветвь,
 и горек грех мой, дом мой под угрозой.
 Вот роза вянет в альфе год сама,
 с реки теней, с пипеткой, потому что
 у женщин в телефонах голоса
 из школ теней, и мы тех школ питомцы.
 Кто ж руку ту достал из-под сукна
 и в комнату ко мне с второю кинул?..
 Повсюду бьются башни из стекла
 и никому нет комнат и каникул.

Достоин воли мировых систем,
уловлен свыше, лик его ужасен,
тот, кто умножить может цифру семь
на все четыре стороны у женщин.
Ему навстречу выйдет век теней,
а то есть Русский Век у лиры ноты,
я, изобретший сдвоенный сонет,
как оптик рук у женщин — Леонардо.
И ждет меня отнюдь не челн у тех,
с кем въехал в эхо молодой Василий,
та комната классических утех
и женского ума, — где двадцать восемь.
Я в девять, три и шесть, в итоге сумм
рожденный в три шестерки Зверя с моно,

Я, вычисливший цифру сорок семь
свою и Моисея с Соломоном,
надень на дом всю тысячу, врагу
отдай еще, макая камень в воду,
в пруду тринадцать чаек, говорю,
он в Ленинграде, с гравием, у дома.
Я думаю: что ж чайки так толсты,
не от быков ли рождены на ферме,
воды в пруду исписаны листы,
а на столе — стоклеточник фарфора.
Над Гастрономом ввинчен эхолот,
он говорит одну и ту же ноту,
что в свой желанный век я есть илот,
и только тем любезен я народу.

Когда проснусь от праздников в поту,
кому еще на ум не по себе ведь,
я ивушку, Иванушка, пою,
дурной и рудниковый песнопевец.
Пройдет парад и этот, и помрут
и эти поколения Ареса,
но будет добиваться черный пруд
безумную, но новую арфистку.
О Господи, как много мне дано,
пою в пруду рапсодию гадюк-то,
сидит в чернильной пасте медонос
и каплей меда мажет бочку дегтя.
Мне белый свет в копеечку долой,
за этот театр потребуют доплаты.

Как страшно ночью я иду домой,
а плиты тротуаров еще теплы.
Кого мне в окнах затемно жалеть,
в ком угли угасают, все едины,
с кем курицы, как мумии, лежат,
холодные, как в лодках египтяне?
А сверху белый круг сверкает с крыш,
по мавзолеям катятся, как боги,
древнейших вод железные шары,
мне в баньку бы по-черному да на бок.
Но к берегам не отводите челн,
воспетый мной, он с лодкой одинаков,
иначе этой ночью эта чернь
в свой пепел-плач весь белый свет оденет.

Не в Рим, так в Ригу,— думаю, ходя
 по комнате с ковром из трикотажей.
 Возьму в вокзале звонкого коня,—
 и вот я здесь, в квартире трехэтажной.
 Как в прошлой жизни! И хозяев нет,
 они, как полагается, на взморье.
 По лестнице пройду в свой кабинет,
 как в лес зеркал, с изюминкой во взоре,
 двойной сонет читаю по губам,
 толстею телом, сходный с Заратустрой.
 Еще в квартире житель — попугай,
 по лестницам летает, дух зеленый.
 Как перышки у лука, белемнит,
 нос перламутровый, железный огляд,

Его и Кант-то кое-как любил
 за ум романский и за нрав жестокий.
 Эскадрой на пирогах взятый в плен
 и в СССР ввезенный из Америк,
 товарищ бедный, он летал и пел,
 в ночи крылом махая изумрудным.
 Он очень мил и ест морковь за раз,
 имеет к цифро-пенью дарованья,
 он ровно в шесть выходит на зарю
 и, саблю гремя, идет, рыдая.
 А может, он посланец и конец
 души по Канту, голый шифр, как шея?..
 Из Риги я поеду в Кенигсберг,
 как бабочка из фосфора, шипяща.

Но, прежде чем сойдет с ноги вагон
и впопыхах внесут баул в карету,
я одному скажу «благодарю» —
зовут Бироном, герцогом Курляндским.
Спаси Бог тя за светлый желтый глаз,
что русский род любил, как спелый камень,
что и звезда Татищева зажглась,
и пел свободным свистом Ванька Каин.
Куда Вийону, этот — муж имущ,
он из народа был убивец в ту мать,
«Ты матушка-дубрава, не шуми,
ты не мешай мне мордой думу думать!»
Тогда работы осы, не сироп,
и как вздохнула русская свирепость,

Когда на тракт отправили в Сибирь
всю сволочь из Верховного Совета.
Как бык, Бирон с водой крестьянских мыз,
с банкирскими домами — туч гонитель!
Десятилетье ледяных музык,
веселых войн и радостей телячьих.
Волынский метит в золотой насест,
кровавая программа по гамбитам,
шумит святая Анна, сатана,
все с попугаем, баба, с попугаем,
ее Бирон не рабство и не связь...
А что ж в Европе? — Польщены фамильей
француз Бирон и Байрон англосакс...
Латыш Вы лишний, человек формальный!

И древний рог у месяца погас,
 не ждемте чашу туч, она пустая,
 идет волна, как голубой сапог,
 на рыбий брег ногою наступая.
 И катит свитки свежие из вод
 История на стол мне, лжепророку,
 что Петр не Цезарь, но за пять веков
 кто, смелый, с ним сравняется по росту?
 Ну, а за десять? Нету! Пой же степь,
 в грозу улиток жди, червей рогатых,
 пусть псы идут в доспехах по шоссе,
 их много, рыцарей четвероногих.
 У паровоза в голове гудок,
 как медиум, дымит он сигаретой,

Седок в купе кибитки занемог,
 сиделец с головой сереброокой.
 Я жизнь пишу по праву лебедей,
 мы с ними с именами и святоши.
 Ямщик, ты не гони же лошадей,
 мне с шапкою и некуда спешить-то.
 Я жду удара сверху, и на звук
 я встану и скажу: земля — другая.
 Ямщик, ты лошадей не загоняй,
 идет иных, торговая дорога.
 И нам на ней не страшен серый век,
 он только к Новой Вере перешеек!
 Стою, с тройной короной человек,
 но я иных миров первосвященник.

Я здесь чужой, и люди мой не чтут
 высокий слог, уныл у нас Солярис,
 и лгут, и бьют лежачего... На что
 я, говорящий ясными словами?
 У солнца круг осенний выше всех,
 но гаснет он, как разговор с богами,
 мои слова миллионы уст возьмут
 и выйдут в связь с червонными губами.
 У солнца ствол цветущ, но извини,
 и я ношу на лбу урея помощь,
 стекло луны с окружностью земли,
 Невы прообраз — длинный Нил по мощи.
 Спим с телом мы, изогнуты душой,
 как мертвый метеор... а спозаранку

Лежал народ, над ним народ другой
 шел, сложный, вниз ногой, стреляя сверху.
 О чем, как чемпион, гласит осел,
 и тот в ночи паук живет, как перстень?
 По Иисусу-Сыну есть Отец,
 но и над ним Бог-Разум. Он безумец.
 Но и над ним, как мы над миром — ночь,
 похож на дом, светло, и новички мы,
 всем телом любим ту животну речь,
 объявленную в облаках Началом.
 У битв-молитв автограф по ружью...
 Живой, ходящ, и нет у нот минора,
 кем в век гоним, что ж жалуясь пою
 в пустые выси пушкинского мира?

Но так ли уж не страшен человек?
В крови и жизни я стою... Финал, и
я вижу месяц сбоку, ниже — челн,
и всю тьму моря с синими волнами.
Потопу — быть, где строится ковчег,
льют стеклодувы нашу «ля» по небу,
с цветочком «фа» по ободу венок
я с головы — на шею! — шлю по Нилу,
я вижу все сквозь половинки век,
как тонут племена за племенами.
Как с горестью, беря на выход чек
в порт роковой, где дутый ворон Амен,
плывут за человеком человек
и душу рвут мою за временами.

ДО СВИДАНИЯ, КНИГА

До свиданья, Книга. Прощай, почерк.
Взята внайм, нелюдь. С кем с вином путч?
Нечто из плача. А при чем притчи?
Ты припрядь лучше их, толмач притч.

Юница-чтица, рай-дуга-Рубенс,
не читается мой циан-лавр.
Книга есть реальность, а не ребус
вам, Ликург в лампасе, у руля у лир.

До свиданья, Некто. Будь как будь в людях.
На челе меч блещет, юн, как Ной!
Только вот что: не иди в латах,
ты иди с Луной (босиком на ней!).

Ты иди так же тяжко,— так идем все мы,
на виду невидимки, маятник рук.
Только вот что: не иди в воды,
не свяжи сетей, если даст Рыбак.

Если Брат даст виноград — не пить.
Дева даст объятья — обойти.
Это ведь люди. Ты же в людях — нелюдь.
Не обречь тебя им и не обрести.

Нам не свидеться, Книга. В климате молекул
не деваться нам. Воскрешай — **то!**
А не имешь места, — мой тебе мускул,
два клинка с воском!.. Улетай **от!**

ФЕВРАЛЬ

1

Февраль. Морозы обобщают
деянья дум своих и драм.
Не лая, бегают овчарка
по фетровым снегам двора.

Дитя в малиновых рейтузах
из снега лепит корабли.
Как маленькое Заратустро,
оно с овчаркой говорит.

Снега звучат определенно:
снежинка «ми», снежинка «ля».
Февраль. Порхают почтальоны
на бледных крыльях февраля.

И каждый глаз у них как глобус,
и адресованы умы.
На бледных крылышках микробы,
смешные птицы! Птичий мир!

А вечерами над снегами
с похмелья на чужом пиру
плывет иголкой в стакане
веселый нищий по двору.

Он — принц принципиальных пьяниц,
ему — венец из ценных роз!
Куда плывешь, венецианец,
в гондолах собственных галош?

Ты знаешь край, где маки, розы,
где апельсины? в гамаке
где обольстительны матроны?..
Он знает — это в кабаке.

2

Какая Феникс улетела?
Какой воробыш прилетел?
Какой чернилам вес удельный?
Какой пергаменту предел?

Достать чернил и веселиться
у фортепьяновых костей.
Еще прекрасна Василиса,
еще бессмертен царь Кошей.

Пора, перо, большая лошадь,
перпетуум мобиле, бальзак!
Облитый горечью и злостью
куда его бросать — в бардак?

«Бумага мига или века?»
Не все одно тебе, мой маг?
Колен не преклоняй, калека,
пред графоманией бумаг.

Художник дышит млечным снегом.
Снег графомана — нафталин.
Как очи миллиона негров,
в ночи пылают фонари.

Без денег, как бездельник Ниццы,
без одеяний, как любовь,
на дне двора веселый нищий
читал поэзию Ли Бо.

Факир премудрого Китая,
по перламутровым снегам
он ехал, пьяный, на кентавре
в свой соловьиный сложный сад.

А сад был вылеплен из снега,
имел традиции свои:
над садом мраморная нега,
в саду снежинки-соловьи.

Те птицы лепетали: спите,
мудрец с малиновой душой,
четыре маленькие спички —
ваш сад расплавится, дружок.

А утром, как обычно, утром
трудящиеся шли на труд.
Они под мусорною урной
нашли закоченелый труп.

Пооскорблялись. Поскорбели.
Никто не знал, никто не знал:
Он, не доживший до апреля,
апрелей ваших не желал.

Вокруг него немели люди,
меняли,— бились в стенку лбом.
Он жил в саду своих иллюзий
и соловьев твоих, Ли Бо.

По телефону обещаю
знакомым дамам дирижабли.
По вечерам обогащаю
поэзию родной державы.

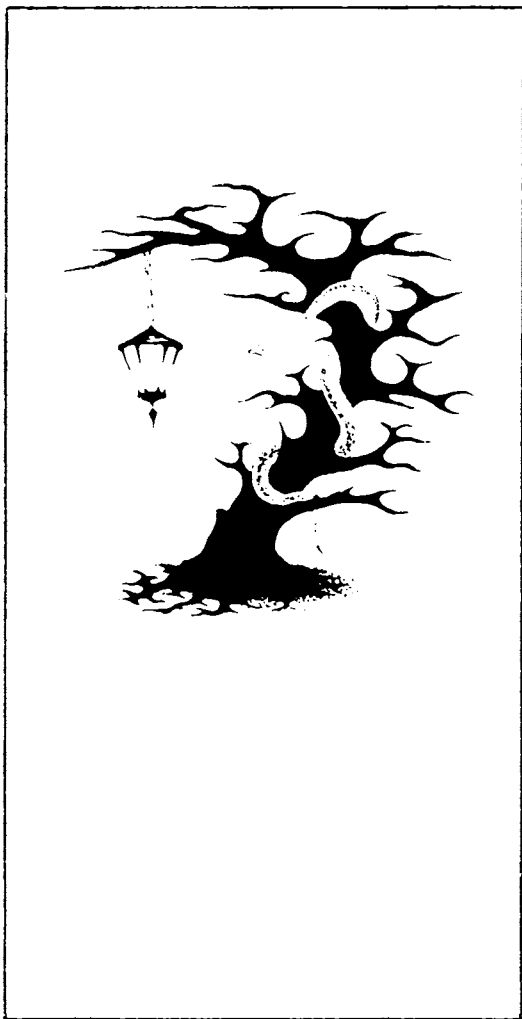
Потом придет моя Марина,
мы выпьем медное вино
из простоквашного кувшина
и выкинем кувшин в окно.

Ку-ку, кувшин, плыви по клумбам
сугробов, ангел и пилот!
В моем отечестве подлунном
что не порхает — то плывет.

Моим славянам льготна легкость:
обогащать, обобществлять!
В моем полете чувство локтя
дай боже — не осуществлять!

Один погиб в самумах санкций,
того закабалил кабак...
Куда плывете вы, писатель,
какие слезы на губах?

БЕСТИАРИЙ

УРОК РИСОВАНИЯ

И начертил я
их, лошадей,
белых четыре
на белом листе.

Хочешь не хочешь —
тебя сотворят.
Тикай потихоньку,
а лошади стоят.

Ни в прошлом и ни в завтра
ни на волосок,
три мордами на запад,
одна на восток.

Обитают люди,
властвуют, свистят,
слезками льются, —
а лошади стоят.

Колесницы-войны,
конюшни-огни,
ипподромы-вопли
совсем не для них.

Страница бумаги —
копыта и степь!
Никто их не поймает,
не посадит на цепь.

Звоночек незабудки,
свистулька соловья,
миллионы — бьются!
А лошади стоят.

О, во всем мире
золота и зла
их, моих, четыре —
девичьи тела,

нежные ноздри...
Лошади стоят:
в черные ночи
белые друзья.

Никуда не деться,
не важно уже...
Белое детство
моих чертежей!

БАЛЛАДА О ПСЕ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

...Так в летописях Дария был пес.
Ну, мускулы, ну, челюсти калмыка,
ну, молнья в беге, в битве так, как в битве,
друг человека... Дарий одарил
в знак дружелюбья (дружелюбие бойни!)
кого бы? — Александра! — кем бы? — псом!..
«Я в Индию иду! Там идеалы!
Моим солдатам зерен нет неделю!
Мои рабы без рыбы и без баб!
На что мне пес — он меч мне не наточит!»
И здесь узрел он узел издевательств.
«На что способен сей?» — все ж спросил.
«Сей-час лежит», — ответил просто перс.
«Так запусти ему на драку барса,
пусть он — поступит!..» Дарий запустил.
Барс бросился; по правилам пирата;
ревел, как на раба; кусал клыком...
каменья кварца, восклицая воздух
в окружности на пятьдесят в шагах.
«Где бой? Где крови кружево? Где шкура
пятнистая?» — маячил Македонский.
«Пес, думается, спит. А барс боится», —
ответил Дарий... Барса увели.
И вывели слона. В столбах и в силе.
Из пасти бас из хобота из кобра!
И бивня было два — как двойня смерти...
в окружности на двадцать пять в шагах.
«Что пес, постится? — взвился Александр. —

Сломай слона! Уйми его, ублюдка!»
Но перс сказал: «Я думаю, он дремлет.
Слон трусит». Пес не дрогнул. Пес дремал.
«Так выведите льва! Ну носик-песик!
Лев — царь царей! Он — Искандер! Он — я!»
Льва вывели. Действительно, был лев.
Стоял на лапах. Львиными двумя,
не щурясь, на лежащего не льва
смотрел, как лев умеет...

Пес проснулся,
восстановил главу с двумя ушами,
восстал на лапы, челюсти калмыка
сомкнул. Глаза восставил, не мигая:
(лев языком облизывает нёбо)
ВРАГ УВИДАЛ ДОСТОЙНОГО ВРАГА.
О схватке: летопись не осветила.
Впоследствии пес Эллина спасал
энэнность раз от зева иноземцев.
Писали: почему был всемогущ
Зверь? Потому, что был любимец Ямы:
имел в запасе пятую стопу...
Но не имел. Напрасно. Мы не персы.

ФАНТАЗИИ СОВЫ

1

Полночь протекала тайно,
как березовые соки.
Полицейские, как пальцы,
цепенели на углах.
Только цокали овчарки около фронтонов зданий
да хвостами шевелили,
как холерные бациллы.
Дрема. Здания дремучи,
как страницы
драматурга,
у которого действительность за гранями
страниц.
Семь миллионов занавесок загоразживало действие,
семь миллионов абажуров
нагнетало дрему.
Но зато на трубах зданий,
на вершинах
водосточных
труб,
на изгородях парков,
на перилах,
на антеннах —
всюду восседали совы!
Это совы, это совы, — узнаю кичливый контур, —
в жутких шубах, опереньем наизнанку, — это
совы

Раз-два! Раз-два!
По тротуарам крадется сова!

Миллионер и бедняк — не зевай,
бард, изрыгающий гимны-слова,—
всех на трезубец нанижет сова,
как макароны на вилку!

Раз-два! Раз-два!
На тротуарах ликует сова!

Ты уползаешь? Поздно! Добит!
Печень клюет, ключицы дробит,
шрамы высасывая, долбит
клювом, как шприцем, как шприцем.

Раз-два! Раз-два!
На тротуарах рыдает сова.

В тихом и темном рыданье — ни зги,
слезы большие встают на носки,
вот указательный палец ноги —
будто свечу — зажигает...

4

Мундир тебе сковал Геракл
специально для моей баллады.
Ты, как германский генерал,
зверела на плече Паллады.
Ты строила концлагерей
концерны,
ты — не отпирайся!
Лакировала врачей
для опытов и операций.

О, лекарь догму применял
приманчиво, как примадонна.
Маршировали племена
за племенами в крематорий.

Мундир! Для каждого — мундир!
Младенцу! мудрецу! гурману!
Пусть мародер ты, пусть бандит,
в миниатюре ты — германец!

Я помню все. Я не отстану
уничтожать твою породу
за казнь и моего отца,
и всех моих отцов по роду:

с открытым ли забралом,
красться ли
с лезвием в зубах, но — счастье
уничтожать остатки свастик,

чтоб, если кончена война,
отликовали костылями,
не леденело б сердце над
концлагерями канцелярий.

---

* * *

Во всей вселенной был бедлам.
Раскраска лунная была.

Там, в негасимой синеве,
ушли за кораблем корабль,
пел тихий хор простых сирен.
Фонарь стоял, как канделябр.

Как факт — фонарь. А мимо в мире
шел мальчик с крыльями и лирой.
Он был бессмертьем одарен
и очень одухотворен.

Такой смешной и неизвестный,
на муку страха или сна
в дурацкой мантии небесной
он шел и ничего не знал.

Так трогательно просто (правда!)
играл мой мальчик, ангел ада.

Все было в нем — любовь и слезы
(в душе не бесновались бесы!),
рассвет и грезы, рок и розы.
Но песни были бессловесны.

Душа моя. А ты жила ли?
Как пес, как девушка, дрожа...
Стой, страсть моя. Стой, жизнь желаний.
Я лиру лишнюю держал.

В душе моей лишь снег да снег.
Там транспорт спит и человек.
Ни воробьев и ни собак,
Одна судьба. Одна судьба.

МУЖЕСТВО

А может, мужество в проклятье,
в провозглашенье оды ночи,
и в тяготении к прохладе
небритых, бледных одиночеств?

А может, мужество в мажоре,
в высоколобом отстраненье,
в непобедимости моржовых
клыков

или в тюленьей лени?

Я видел —

и моржи робели,
тюлени не держали марку,
неколебимость колыбелей
расшатана распутством мамок.
Я видел, как сражались кобры,
встав на хвосты,
дрожа от гнева.

Их морды — вздувшиеся колбы
раскачивались вправо — влево.
Казалось, что танцуют гады,
что веселятся на колядках.

Но каждая ждала: другая
сбежит от каменного взгляда.

1960

ДЕВА-РЫБА

Идешь, как рыба на хвосте. Пол красный.
Нам комната, но в коммунальных скалах.
Шкаф шоколадный. Секретер в монетах.
Оконце — электрическая нефть.
Я брат твой, рыба, Звери моря — оба.
Ты вся на васильковом одеяле.
Объяты животов и бельма бреда
любовного!.. Погаснет лампа — нам.

Отчаянье ли? Ревность ли по лимфе
Александрийской конницей?.. Пастбища
оставим те... Нам — комната, мы — рыбы,
нас — двое. Нам захлебываться тут.
На завтра — труд копыт и крыл Пегаса,
полиция цитат и холод хлеба,
нам — чоканье коленных чашек-здравиц,
шампанские кружочки чешуи!

О ревом Рыбы! нам хвосты, как в схватке,
и мускулы в узлах и вопль и лепет,
нам пальцы — пять и пять на поясницах!
Целую... Отпечатки на сосцах
и пальцев, и ответных поцелуев,
и к жабрам присосавшиеся жабры
зловещие... Узнать — возненавидеть.
Любить — не знать. Мы памятливы — все знали:

найтия нет, и нет ни капилляра,
который чьи-то чресла не ласкал,
все волосы всех тел нам не распутать,
бичи бесчестья или зло лобзанья,
а проще — грех не в грех и храм не в храм.

Гул от луны. Проспекты Петербурга.
Уплыть в каналы и легко лакать нам
чужую жизнь, тела чужие, рыба.
Так минет труд. Так минет мир. И род мой.
Последний сам, без звука вас, последних,
благословляю!.. В келье два девиза:
улыбка и змеиные уста.

ВЕЧЕР НА ХУТОРЕ

Три розы в бокале,
три винных в водице,
машинка... на то — натюрморт!

Вот аист пинцетом
хватает лягуху
на блюдечке на крыльце.

Он клавишу клюнул
как Муза — мизинцем!
Вопрос: неужели нельзя?

— Ключ, как же! — Но аист
взмахнул над холмами,
и красная флейта в устах,

и красные ноги
зачем золотятся
у аиста, как у пловца?..

Луна вся в цитатах,
в кружочках — мишенью!
Ну — целйся! целуйся! — пейзаж...

Вдруг вздрогну!.. где аист?..
Машинка-молчанка.
Нет выстрела... Не поцелуй.

БАЛЛАДА ОБ ОРЛЕ И ЗАЙЦЕ

Бойтесь, орлы неба, зайцев, затерянных в
травах.

Заяц пасется в степях, здоровствует лапкой
Восход.

Нюхает, зла не зная, клыкастую розу,
или кощунствует в ковылях, передразнивая
стрекозу.

А на Закате, здоровствуя ночь-невидимку,
пьет сок белены и играет на флейте печаль.
Шляется после по лунным улицам, пьяный,
в окна заглядывая к тушканчикам и хомякам.
Лисы его не обманут — он лис обцелует.
С волком завоюет — и волк ему друг и брат.
Видели даже однажды — и это правда —
заяц со львом ели похлебку из шавеля.
И, вопреки всем традициям эпоса, кобра,
может, вчера врачевала его ядом своим.
Все это правда, все мы — дети Земли.

Бойся, орел, птица неба, я вижу — ты прыгнул
с облака вниз, как пловец, руки раскинув.
Замерло сердце у нас, омертвели колени,
не убежать — ужас желудок окольцевал,
не закричать, не здоровствовать больше Восхода,
лишь закатились очи и пленка на них.
И — горе тебе! — мы по-детски легли на
лопатки,
мы — птичка-зайчик, дрожащими лапками вверх.

Что это — заяц живой или жаркое — зайчатина
с луком, с картошкой тушеной?
Бойся, орел, улетай — это последние метры
вашей судьбы.
Вот вы вцепились когтями в наше нежное тело,
клювом нацелился в темя (теперь-то —
не улететь?),
дышишь нам в очи, как очень в минуту...
минута...
где же орел? где он? ау — нету орла.
Только пернатое месиво мяса. Повсюду
разного веса разбросаны и валяются в травах
куски.
Вот две ноги рядышком, как жених и невеста.
Все остальное — хвост, обнаженные ребра и
крылья —
залито соусом, соус — живая кровь. Пар
от крови.
И, вытирая кровь со своего сведенного тельца,
ты осмотри свои задние ноги, заяц, зверек
изумленный.
Это они, обморок твой защищая,
судорогами живота приведенные в действие,
в лютой истерике смерти взвивались и бились
и разорвали орла. А ты и не знал!
Да и не знаешь сейчас. Отдышался, оттаял
и побежал на тех же ногах к Закату,
здравствуя лапкой счастливый свой горизонт!

НА ХОЛМАХ ЭСТОНИИ

Что же мне делать? — я люблю львов.
Правда, использую, а не люблю дев.
Люди пусть в люди идут. У меня в ладошке лед:
любят полакомиться льдом львы, а их — два.

Вот по моим холмам, где лунный эст
идет, невинец, бульк-бормотух, и за ним львы
идут.

На бульк-башке у Идущего ведро производств,—
эст в опасеньях за ум: все же их два и в глазах
у них икс.

Львам ли бояться меня? Человекобоязнь
лишь у людей. Но и я не людоед.
Я их кормлю кроликом. Кровь им нравится без
всяческих предрассудков...

Шел дождь-оркестр,— капли моих литавр.
Двум опасаться что: угроз нет им,—
ни клетка-зоо, ни удар ружья:
ходили на лапах по холмам тяжелые львы,
или лежали, облизываясь, как звери-птенята
в моем уме.

ОВЕЧЬЯ БАЛЛАДА

Шесть белых овец приносили шесть белых
овчин.

Седьмая овца была черная.

Шесть белых овец обучили шесть белых овчат,
Седьмая — не обовчилась.

И стало на хуторе двенадцать белых овец.
Седьмая стала тринадцатая.

Одели в овчины двенадцать эстонских людей.
Отъели овчатиной двенадцать эстонских детей.

А черная овца — все черная.

АРИФМЕТИКА ОВЕЦ

Я смотрю с холма на холм:
холм хорош:
пусть — пятиступенчат!
Я пишу пейзаж:
о закат — заокеанье,
чуть не холодно, и холм,
пять ступеней, пять овец...

Ну и что?

Как пасутся пять овец,
на телах у них мех,
пятерчатый, как «ох!»,
там, где хвост, — пять хвостов,
там, где темя, — пять ушей
(дважды пять!).
Дальше... Даже в душе
у овец — пять сердец...
Пятью пять копыт!

Ну и что?

ТАК-ТО НА ЗАКАТЕ ДНЯ
СМОТРЯТ ОВЦЫ НА МЕНЯ:

— Что ж ты смотришь...
арифметик?..

---

* * *

Ходит и ходит
на цепи птица
с костяным клювом.

И стучит клювом
по стальным стеклам
моего неба.

Кто ты есть, птица?
Ты — судьба стаи?
Ты — ничья клятва?

Ты — мои мысли?
Ты — мои крылья?
Ты — мои цепи?

Клавиши света.
Мрамор кладбища.
Вопли ведьм пьяных.

Странности страсти
каменных комнат, —
о объятья!

Вот ушли луны,
унесли звезды, —
царствует солнце!

В небесах — нимбы!
Написать мне бы
сто страниц солнца!

ЛИСТОПАД ЛЯГУХ

Кусает ухо Муза мух...
Не август — листопад лягух.

На листьях, вервях ветвей
на фруктах в кольцах как Сатурн
сидят лягушки без людей
не квакая как век в саду.
Как августовские Отцы...
Но лягушатами литот
как в воду в воздух как пловцы
не прыгая,— вот-вот летят!
Как лыжницы с прищуром лиц
лилипутянки-молодня
кидаются как псицы львиц
в окно в горящее в меня!..
Я в зубы взял язык цитат.
Им лампа — маятник для игр.
И пальцами цепляются
за волосы тебя, Дали.

Машинка мужества, ликуй:
на каждой клавише — лягух!
Малюсенький мечтатель-будд,
счастливец в мантии писца,
все бьется ножкой в клавиш букв,
а букв не получается.
Что лягушонок что зверек,
у нот энтузиаст-звонок?
Любимец живности пруда
не бегай к небу к потолку

не упадай: в огне плита,—
людей светильник не потух.
Как междометия — камыш!
Ждут рыбки нас в зеркалах дна...
Не уменьшается, малыш,
ненастоящая — Луна!

ПЕЙЗАЖ С КРЫЛЬЦА

(УТРО)

Небо — монета в тумане.

Ни лучей, ни чело.

У крыльца два цветка с крашеными волосами.

Яблоня вывесила 666 яблок, и каждое — колобок.

Шагает по воздуху влаги, как по шоссе,

в желтой майке и как без трусов, —
спортсмен.

Уши овец как у зайцев. Да и заячьи морды.

Смотрят, как смерть.

Что вы, овцы,

тут у крыльца в тумане монетном
со своим космическим «МЭ»?!

(Бремя мое, бормотанье...)

Листик вишневый, как зеркальце (воздух),

затрепетал у рта!

ПОЭТ

1

В какой-то энный, оный, никакой
и винный год, я шел Москвой в заборах,
еще один в России Николай,
мне говорил лир овод Заболоцкий:
уже не склеить форму рифмы в ряд,
нет помощи от нимф и алкоголя,
жим славы протирает жизнь до дыр,
как витязь в шкуре, а под шкурой лег я.
Записывать в язык чужих Тамар,
я труп тюремный, вновь вошедший в моду,
почетный чепчик лавра, премиат,
толст и столетний, буду жить под дубом.
Но только чаще в этот килек клев,
в жизнь — роскошь, груди Грузии, дно денег

2

Восходит в ночь тот сумасшедший волк,
как юность ямба, чистосердечный гений.
Тогда беру свои очки у глаз,
их многослойны стекла, чистокровны,
и вижу на земле один залог:
нельзя писать с винтовкой Четьи Новы.
Нельзя светить везде за их жетон
погибшему от пуль при Геродоте,

принц Пастернак сыграл впустую жизнь
Шекспира, поучительное горе.
Рукой Харона — водный колорит! —
переводить за ручку в рощу пары,
нечистой пищи вымытый тарел,
все переводы — это акт неправды.

ВОЛКИ

Охотничьим чутьем влекомы,
не опасайтесь опоздать:

еще не скованы оковы,
чтоб нашу ярость обуздать.
Не сконструированы ямы,
капканы жадности и лжи.

Ясна, как небо, наша ярость
на ярмарке под кличкой «жизнь».

Псы — ваши!
Псов и унижайте!
Псам — ваши задницы лизать!
Вы псами нас? —
Уничтожайте!
Но мы — владыки во лесах!

Законы злобы — ваши! Ладно!
Вам наплевать — нам наплевать!
Но только...
ранить нас не надо.

Стреляй!
Но целься — наповал!

Не бей наполовину волка —
уйдет до сумерек стеречь —
и —
зуб за зуб!

за око око!

и —
кровь за кровь!
и —
смерть за смерть!

ПРОСТАЯ ПЕСЕНКА

Худо что-то
мне сны мнятся,
чует чертик,
чье съел мясо,

может, кошки,
может, мышки
(хоть хороший,
как из книжки!).

Может, мясо
так лежало,
слышит «мяу»,
са-
мо сбежало.

ТРОЕ

В небесах
кот-мурлыка, безумец-мяук на подушечках лап.
Он в ботфортах, он в каске, он в красном плаще,
Аладдин лунных ламп.
Но ни пса.

Послужи
человечеству лаем, хвостом и клыком,— сам
не свой,
пес лежит,
он в туманность ушел, он уснул, он уже
назывался звездой.

С пивамышь
расшумелась в кладовке: мурлыка-мяук дует
в ус на луне,
пес в созвездье, на нас — нуль вниманья...
ну что ж,— нуль и мне.
Спи, малыш!

КОТ-КОНВОИР

Черной ночью
месяц-мир,
у калитки
конвоир:
— Стой, кто?

— Я.

С хуторов
все коты ушли в леса,
им хорошо:
и мышь, и зверь, и птаха,
Солнце льет, как лейка.
А этот
эпод
и не ужиная глядит,
иль он уж и на я гудит:
— Кто идет?

— Да я иду уж
с озера, как с мороза.
Всем в мире светит
месяц-мимоза,
а у кого ж распускается ус,
как черная М-роза?

ВОРОН

Вот он:
ВОРОН!

Он сидит на кресте
(ворон — тот, крест — не тот).
Это радио-крест,
изоляторо-столб.
(С кем пустился в прятки
ворон — демон ПРАВДЫ?)

Вот он:
ВОРОН!

Посмотрел ворон вверх
(ворон — тот, воздух — нет).
Усмехается месть?
Любопытствует лоб?
(С кем скиталась дума,
ворон — демон Духа?)

Вот он:
ВОРОН!

Ни суда, ни стыда
(ворон — тот, время — Тут!).
Если есть я себе,
дай мне смерти в судьбе.
(С кем мне клясться в космос,
ворон-демон-ГОЛОС?)

БАЛЛАДА

На рассвете, когда просветляется тьма
и снежинками сна золотится туман,
спят цыплята, овцы и люди,
приблизительно в пять васильки расцвели,
из листвы, по тропинке, за травами, шли
красная лошадь и белый пудель.

Это было: петух почему-то молчал,
аист клювом, как маятником, качал,
чуть шумели сады-огороды.
У стрекоз и кузнечиков — вопли, война,
возносился из воздуха запах вина,
как варенья из черной смороды.

Приблизительно в пять и минут через пять
те, кто спал, перестал почему-либо спать,
у колодцев с ведрами люди.
На копытах коровы. Уже развели
разговор поросята. И все-таки шли
красная лошадь и белый пудель.

И откуда взялись? И вдвоем почему?
Пусть бы шли, как все лошади, по одному.
Ну а пудель откуда?
Это было так странно — ни се и ни то,
то, что шли и что их не увидел никто,—
это, может быть, чудо из чуда.

На фруктовых деревьях дышали дрозды,
на овсе опадала роса, как дожди,
сенокосили косами люди.
Самолет — сам летел. Шмель — крылом шевелил.
Козлоногое — бляло... Шли и ушли
красная лошадь и белый пудель.

День прошел, как все дни в истечении дней,
не короче моих и чужих не длинней.
Много солнца и много неба.
Зазвучал колокольчик: вернулся пастух.
«Кукареку», — прокаркал прекрасный петух.
Ох и овцы у нас! — просят хлеба.

И опять золотилась закатная тьма,
и чайнками сна растворялся туман,
и варили варево люди.
В очагах возгорались из искры огни.
Было грустно и мне: я-то знал, кто они —
красная лошадь и белый пудель.

ВОРОНА

И красными молекулами глаз
грустны-грустны, взволнованы за нас

вороны в парке (в нем из белых роз
валетики из влаги и волос).

И вот ворона бросилась. И вот
я все стоял. Она схватила в рот

билетик театральный (как душа
у ног моих он был — дышал, дрожал,

использованный). И остался снег.
Спектакля нет. Вороны нет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

(ПОПЫТКА)

I

Я видел дуб у вод, под желтый лист
мне машущий, шумящий, диво-стебель,
я с чашей шел... А здесь рожают львят
из желудей,—

голы, блестят как!

Дуб рад, что дар, что множит род и дом
империи, что рдит в нем дрозд народа,
пусть молодежь, как малый дождь, идет,
а возрасту уже нужна корона!

Они — идут!.. как молот вниз, как дробь
на остров, и идут, как звон за воздух,
идут у них и зубы...

Дрожь берет

от этих множеств, как пойдут зуб за зуб!

Здесь новая империя Куста

Горящего,— где дуб, явленец миру,

здесь с радостью бы родила Христа

Мария, если б здесь найти Марию.

Но не найти...

Там было три хвоста:

у ясель: вол, осел и гад, здесь — вот что!

Там — тридцать три у возраста Христа,—

здесь — ужас у трех тысяч вод — вот возраст!

Вот почему, предвидя правду львят,

где чистая идет из уток туча,

я к Вам пишу за девятнадцать лет

до Третьего Тысячелетья.

Я к Вам пишу, по шкуре глядя год —
восьмидесятый нолик с единицей.
Мне ясли пусты: вол, осел и гад
едят девизы, а зимой едятся.
Я вырвался, как пламя-изотоп,
как знамя из земель, как стремя ветра,
как вымя, вывалился изо рта,
бью в темя тут: «Пройдет и это время!»
Я знаю ритм у рта и дух так млад,
грамматик у божеств, янтарный бицепс,
скажи себе, как говорит та медь:
«Пройдет не время — ты пройдешь, безумец!»
И жизнь пройдет, лаская жар желез,
и жест ума уймется, безымянец,
и в хоре горя, вторя, взойдет жезл:
«Не жизнь пройдет, а ты пройдешь, безумец!»
Не чту я ту гармонию магог,
я — солнце слез, рассудок серебристый,
я жизнь зажег, как ночь коня и ног,
как соловей в соломе студенистой.
Но мне любить, не мне ль и быть, жокей,
конь без конца, без ног, кому повем тпру?
К губам губами, как к жерлу жерло
стреляют врозь, как два ствола по ветру.
Любовь — не та, не нота ностальгий,
не Лотта-с-Гетта за ездой, борзую ль? —
где соловей уже не нахтигаль...
О не любовь, а ты пройдешь, безумец!

Куда бежит оранжевый орел
по воздуху, и гонится за кем он?
Кто взял у горизонта ореол
и в воду окунул, как бы с закатом?
Зачем луна, как золото, взошла,
искусство искр у неба отнимая?
Идет-гудет внизу морей вода,
голубоват фарфор и у омара.
Вот лебедь — а как раб, летит, поет,
свободный свет он, краснокрыл и звонок,
у лап в клешнях и синий ал полет,
и в ветры птицеперый держит зонт он.
Вставайте, рыбы, из морей, из блюд
хрустальных, — бьют столбы луны залетной,
из морд морей тяжелый изумруд
упал, сквозной, и капает, зеленый.
Диск незакатный! Розовый! Душа
планет ничейных! — сердца смесь с луною,
из радуги, из влаги он, дрожа,
летит и льнет ко мне, как бы с любовью,
он по аллеям, как платок, летит,
он ледяной, отогнанный, животный,
как с хутора, как с хартией тех лет...
Я лист возьму: он шелковый и желтый.
Он — слог у губ, он голос, о не сглазь,
он скомкан, с кем-то, ткань он, ниоткуда...
О море, омут человеко-слез,
плывущее о двух ногах куда-то!
Краснеет от заката и светла
вода морская — как волна морская!
И грудь ее плывущая свежа,
как женская и молодая!

IV

Октябрь идет на веслах, как восход,
 с главой, остриженной до полукружья,
 мне волосы лобзает воздух вод,
 по лужам жжет и бреет рябь у пляжа.
 Стою, с тою закатною звездой,
 плод пламени, с гирляндой глаз под рампу,
 я тоже лист, звенящий, золотой,
 исписанный, как говорится, в рифму.
 Имеющий стило, или стилет,
 я — парус-лист, с тел ста любовниц кожа,
 я — результат столетья, я — Столет,
 дежурный дождь у солнца от ожога.
 Что рок мой рек о Веке? Что душа
 все смотрит в море, хоть вскормлен и в каске? —
 ей ни греха уж нет и ни гроша,
 лишь чистой чайки взлет, как в белой маске.
 Жил-шел по морю чайк-реанимат,
 влюбился в чайку, в перо не от Евы,
 ты мне сегодня в жены рождена
 от этих двух существ — у новой Эры.
 Не стройте стран! В жизнь — женщины уйдут,
 останутся лишь цифры у династий.
 Унижен уж, но не убит у бед,
 я жду: 1, январь, чрез девятнадцать.

V

Любить — кто, что? кого, чего? кому
 мне, комику, в живот всплакнуть: «О скептик!
 Ты — кормчий, не попавший на корму,
 а я люблю: венец, державу, скипетр».
 Кому — как ню хвост взвить, а кто умыт
 с утра, и в труд дурит, хотя б и сверстник,
 скажи ж: «Я Кесарь», — и смешон, убит,
 и не хоронят, — чуть не сумасшедший.

Гай Юлий! — автор, ввел водопровод,
имен-племен-времен-империй — туз он,
Сказал: я — кесарь,— дров-то в рот, а вот
лежит, убит — кем, чем? — третейским трусом.
О ком, о чем писать жизнелюбовь,
юрист с лысой и козопас без рыльца?
А Цезарь — римомир, огромен, жив,
имел он щеки льва, глаза, и брился.
Он фараонов уложил в постель
папирусную — в моря дно, читатель.
Центурион, ценитель, для поэм
он нам оставил плакальщицу-чайку.
Ах, чайка с челкой в ливни, не чужда
ты морю моему!.. В Дому Балета
кто Клеопатру клюнет?.. Чуть вода —
ах, наводнение! Гром у нас, у Бельта!

VI

У нас, у Бельта свой минорный клепт.
Народа нрав есть нерв от винных ягод.
Тот, Цезарь зорь с колечком клеопатр,
ходил на Бельт, ему и здесь Египет.
Но Бельту свой линолеум, свой Нил,
свой отпрыск, щеголь, щучий черт со спирта,
тот — Птолемея (легкий!) дочь любил,
тут, трудный, хуже — с дочкой сатанинской.
Несчастливы оба! Данники у дюн
тот — африканских, тут — балтийских эстов,
два эпика, два титулянта дня,
ответы у вин и эпилепсий.
Два трагика!.. Злата тому листва
из лавровишен, в ней светильный перл он!
А тут — с ярмом, у моря, с мордой льва,
как черный гром Европе — Петр Первый!..

vii

О факт Офелии у ив! И бью ль
в сердца стрелой, как молоточком гвоздик?
О времени, о жизни, о любви
что думал Петр, умнейший головастик?
Как с камышами, с шумом в Летний сад
въезжал с музыкой гребень петушинный?
Языки, что ж, как сабли не свистят,
о враль, о женолоуб, о петербуржец?
Я истреблю не драму, а народ,—
он говорил, куя бессмертью купол.
Лег на Фонтанку, как венки на гроб
хвастливый Император у женских на коленях...
Кита Иона, катион ядра,
как вырез губ в заборе — бирюзовый,
я, вылупляющийся из яйца
у желудя,— во времени, безлюбой,
разбивший всю башку о шум кифар,
где ум у них, у книг, и где фонема?
А — Я... А я пишу, шипя, кошмар
окрестностей. Я эпик и фантом я.
Историк я. Швея души и тип
голубоокий,— форма рифм задора.
У Третьего Тысячелетья путь,
я по нему иду и зрю здоровье.

viii

Чью жуть бы жить? Где б деготь у эгид?
Чтоб львят ловить? Рыдая, в ряд трудиться?
Прощайте, прашуры! До новых ид!
Что дуб трясти, он сам трясет... трясину.
Ругаюсь зря я... скажут: демон он,
увидит кровь — и в ругань, не до нас-то!..

Но что мне делать, если день и ночь
кровь ходит —

императорских династий?

Не голубая! Той уж нет нигде,
споили всю с польнью в суп Фемиде,
не красная искринка зла в нужде,
вишневая мне кровь дана — фамилий.
Не голубая! беглая, глупа,
пугливая, с кофейной гущей львята,
не красная — гола и до пупа
гулящая в чулках, щеголевата,
не красная! — нетрезвая рабов,
неврозная, утоп в поту, тупая,
другая моет бровь на этот раз,
с вишневой кровью —

вижу вас теперь я!

Как вы, кивая, белый свет забрав,
оставив кожу как жизнь, шагая,
как спросите: «Как жив у роз, здоров?»
Как мне живется с кожей из шагренья?
Как одному с двумя руками в жим,
и чист лица овал, и шип на челке,
Двадцатый век в крови и не живал,
не числится ни по одной ночевке.
Кто он, кому я камень окаймлял
алмазами сыновними, читатель,
как я в канавы ноги окунал,
идя и дея словом человечьим.
Не найдено!

Вынашивая, сед,
вишневую, да по лугам гуляя,
живите, жители, и те же, здесь —
не красная, не голубая!
Угас у гроз вопрос за молью лет,
не вешняя! Всевышняя — у бедных!

Я к вам пишу вишневой кровью львят,
тех, топающих тут, не убиенных,
У них язык лилов, они — Слова,
я — им Отец, они — щенки, пернаты...
Кто — идущий в моря с мордасой льва?
Припомнится портрет — кто Император...

ix

Кто Вы?.. Но с головой Земли дебил
на спицах ног несется по орбите
в иную жизнь, где мир иных обид
сулит иную публику амбиций.
В петлях у волн теплынь-то тел с вина,
ныряют в воду, в ад любви осенней,
если б сойти до сумерек с ума,
в диагност-день — кто ж солнца вход оценит?
А солнце в день войдет, как обормот,
о ген-сократовец, злой из-под лезвий,—
напустит дождь на бровь и обойдет,
как в кепочке, с улыбочкой, подлейшей.
Уйдет оно!

И день уж гол, и льгот
не жди, и дружб, и есть одна надежда:
есть в море остров имени Тех Львят,
влезть в воду, всплыть, залезть на дуб надежно,
сидеть да сеть трясти, чтоб не соврать,
даренья рыб, их жир у рож злаченный,
взять в воздухе — изжарить и сожрать
за облаком хозяев душ заочных.

х

За тучей туча, замутит метель
листвы, любви — и в ночь ты нов, и ясно,
возьмешь тех львят, им дашь цветов: миндаль,
сидят в руках, им солнечно и ярко.
Им дашь молочный литр, и льнут, как с пят-
ок вставшие, шелк вьет на шее кудри,
поставишь на валун, стоят и спят,
и карий глаз у них святой и круглый!
Весна идет, а весла воду льют,
и ветреница-мельница теченья
Времен

        стоит на острове Тех Львят
до Третьего Тысячелетья.
Их узрит ураган — уйдет, к ним в гром
орел бежит оранжевый по дубу...
Вот вырастут же в море голубом
и вплавь сойдут...

        на сушу иль на душу?
Что думается, чудо-человек,
мятежник, муж и дух, соавтор с демоном?
Откроют глаз они — закроют Век
Двадцатый,—

        между тем, как
  между делом...

х1

Но ад, он одарен альковным днем,
когда с плечом блестящим и нагая
восход-заря взойдет над нашим дном,
как рыба, мордой ввысь, как наугад я.
О рыба розовая, лом-налим
осенний!..

        Рокот, мол, ночное море...
Уж месяц-мироносец мне не мил!

Не любо небо родины в миноре!
Я дом отдам!.. (чуть вечный, ледовит
дом человеческий!), выжму пот железный...
Уж осенью, а гуси не летят,
Ты, Господи, гусей тех, пожалей их.
Идет народ на Норд, гоним и наг,
а эти льнут и любят клен и ильмень,
им, гусям, уж не улететь на Юг,
им к заморозкам зиму не осилить.
Их держит дружбы поздняя печаль
речушек в роще и рыбешек в гнездах,
их крик с моим — как рук удары вдаль,
что ж днем с огнем Ты нам не отзовешься?
От слез — отрежу дуб и скот спалю,
а дев спущу с цепи рукой ежовой,
и дом, и дуб, и дев я не — люблю,
тот край

где эти гуси гибнут, Боже.

Что ж делать — ладить с памятью тех лет,
как плыть в полет, кто ж смотрит за устами?
У тел до смерти — свойство улететь,
не отпустили их... и запоздали.
В моем пруду в партере вод — нет мест,
над пищей — шип, у хлопот — голос долог,
по лет числу моих — их сорок семь,
но тысяч!..

Замерзают гуси, голод.

Не дрессируют сердце, и грозней
года у дуг у бубенца отчизны,
Ты полюби их, Господи, гусей,
их холодны уста, и отпусти их.
Вот выйдут в зори, — зов их узких уст,
круглы у жал!..

А здесь за щит затишья
подует в пруд, увидят и убьют,
себя не смог, какой я им защитник.

Кто тонет, тот не так уж говорлив,
 ну, две-три фразы, ритор, ну и... глубже...
 Ах, море, море, омут голубой,
 плывущее!

А я — идущий, глядя:
 из вод изваянные, как в окне,
 на дне у моря фараоны спят, а
 на них валун лежит, на валуне
 стоит по чайке, их двунога стойка.
 И био-чайка Бельта ест и ест,
 и с клювом рыбку рубит, как с кинжалом,
 и если это души тех, Египт,—
 «Прожорливые, — люди, — души», — скажут.
 Отвечу: саркофаг на дне найди
 и ляг в него, взгрустнется вдруг —
 «еду б мне!» —
 не ешь, иди шаг в шаг и в две ноги,
 как пес у стоп — лежи, не лги и думай.
 Будь фараоном, я бы тут же лег,
 чтоб надо мною ножки-двойни...

Уж в глаз
 бьют голубую чайку в лоб и влет
 два ворона, тяжелые, как ужас.
 Убили и упала, как в вине
 лежит в волне и смеркнул синий уж глаз...
 И вот идут, как нотные, ко мне
 два ворона, тяжелые, как ужас.
 Они идут по берегу волны,
 как с копьями, как пьяные, как в шрамах,
 как орды, воды пьющие волю,
 как воры книг издания Рима — в шлемах.
 Они идут в виду, как бы века
 со временем, со жизнью, со любовью...

Два ворона летят, как два венка,
железные, терновые — на лоб мне!
Кто в свод свистит у солнца на краю?
Прочь розу! — ты, пузырь у зорь нездешних!..
Где ярость я, юродствуя, кую,—
идут и тут, два с дулами, неспешных.
Два ворона, как ветры, вьют круги
над взморьем,

и так смотрят с моря уж в глаз,
что хочется взять выстрел за курки
и не стрелять, чтобы не смыть с них ужас.

Два ворона в дороге, как ружья
от горя отголосок, как два брата...
Они уйдут, как рыбы, вдаль, кружа,
тревожные...

А мне уж нет возврата.

КОРШУНЫ

1

И севрюжины скрежещут
жабрами.
Гнусы,
жабы женятся над сваями.
Жаворонок, жаворонок,
жаворонок
глупый,
для кого тебе названивать?
Жаворонок, ты наивный
жаворонок,
песенник заоблачный,
надветренный,
оглянись —
вон воронье пожаловало,
воронье колышется
над вербами.
Черное, гортанное, картавое,
воронье колышется
над падалью.
По оврагам племена
татарские
жрут арбузы, лебедей
и паленицы.
Племена
жрут пламенно и жарко,
а вожди
завязывают вожжи.

Жаворонок,
эх ты, птаха жаворонок!
Глупый,
не звони ты,
надорвешься.

2

А коршун слепо
над полем плавал.
Владимир слева.
Димитрий справа.

Конница копытами копает целину.

Пылюка над кибитками подобна колуну.

А коршун сдал
книзу руль.
Слева Орда,
справа Русь.

Рушатся ордынцы под щитами-караваями,
раненые головы руками закрывая.

И коршун понял:
бой потух.

И рычал над полем красный Тур.
Рога — что крылья ласточки.
Рычал он, Тур насупленный,
над кровяными кляксами
и над костями зазубренными.

И поскакали списки
правд и врак
до самых до Каспийских
Железных Врат,
о том, что Русь обратно
на взлете грив.
О! Горе Цареграду!
Беснуйся, Рим!
Обратно возродится
русская крамола.

И трусят ордынцы
к Лукоморью.
Не бывать вину
у них во рту.
Больше не вернуться
им в Орду.

Шелк, и узорочья, и атлас
в русских позолоченных котлах,
блюда, кольца, золото,
жемчуга.

О, ордынцам солоно!
Женщин гам.
Голосят татарки —
нет ребят.
Трубы янтарные
не трубят.

з

На реке Непрядве
прядали ушами
кони.

Ело брагу
войско из ушатов.

На реке Непрядве
черной, как неправда,
собирались братья,
но не для парада.

Говорил Владимир
Дмитрию Донскому:

— Наша слава дымна,
а убитых сколько! —

Отвечал Димитрий:

— Поклонимся князям.
Слава не дымится.

Княжья слава — красна! —

Потрясал Владимир
кулачищем медным:

— Наша слава дымна,
поклонимся смердам.—
Над Москвой-рекою
питие, веселье,
купола рокочут,
серебрятся серьги.

Княжичи, как смерклошь,
по луне стреляли.
Смерд остался смердом,
с кашей,
с костылями.

4

Бом-бом колокольный.
Маки — кулаки.
Над полем Куликовым
плачут кулики.

Ржавеют у калиток
лезвия косцов.

Охрипшие калики
плачут у крестов.

Бом-бом колокольный.
Кому шелка? Харчи?
Над полем Куликовым
грабители-грачи.

По клеверам по белым
раненые, бред.

Если бы победы!

Не было побед.

Если бы за Доном
выигрышный бой,

только —

вдовы,

вдовы,

сироты и боль.

Если бы не враки!

В рваных тетивах

ходит по оврагам

с ножами татарва...

Над полем Куликовым

стебли трав — столбом.

Бом-бом колокольный,

бом,

бом,

бом...

---

* * *

Кристалл любви, кристалл надежды,
медаль ста солнц, метель ста вьюг!
Не удален и не удержан,
сам удалился и стою.

Стою над пропастью. Два грифа
летают. Море — в небесах.
О волны, кружевная гибель! —
вас не воспеть, не написать.

Кристалл любви, кристалл забвенья,
молитва колокольных лбов!
Над пропастью луна забрезжит,
клубится солнце, как любовь.

Стою с бокалом. И не брошусь.
Стою вне Вас, бокал — за Вас!
Я пью вино — златую бронзу, —
и счастлив мой глагол и глас!

Пой песню! В этом песнопенье
лишь голос горечи без нот.
Над нами тучи переспели,
дождь оживительный блеснет!

Стою. Блеснет да в пропасть канет
и сердца страх, и тишь в крови...
Кристалл времен, кристалл дыханья,
твердыня жизни и любви!

СОДЕРЖАНИЕ

Школа теней, или Воплощение невидимок. *Я. Гордин* 5

СЛОВО

Гусли Бояна	17
Слава!	19
За Изюмским бугром	21
У половецких веж	22
Пир Владимира	23
Рогнеда	25
Скоморохи	28
Калика	30
Застольная новгородских мятежников	32
Бой Мстислава с Редедей	33
1111 год	36
Последние песни Бояна	
«Я всадник. Я воин. Я в поле один...»	38
«Возвращайся, воин, в дом...»	38
«И грустить не надо...»	39
«Догорай, моя лучна, догорай!...»	40
«Где же наши кони...»	41
«Завидуешь, читатель, моему...»	41
«Дождь идет никуда, ниоткуда...»	42
Первая молитва Магдалине	43
«Отлистая сказку про меня...»	45
«Наше время — веселиться...»	45
Вторая молитва Магдалине	46
Язычники	46
«Ресницы у овец на бя...»	48
«О чем плачет филнн?...»	48
Обращение	49

ЖИЗНЬ МОЯ

Семнадцать лет спустя (<i>Обращение</i>)	53
«И древний диск луны потух...»	55
«Тише, тише...»	56
Сентябрь	57
«Ты уходишь...»	59
«В твоих очах, в твоих снегах...»	60
«Я лишь просил: не нужно! не удержим!...»	61
Начало ночи	62
«Знал и я раньше...»	63
«Твой фотоснимок...»	65
«Мулен-Руж» (<i>Рецензия на кинофильм</i>)	67
«Сколько используешь калорий...»	70
«Разлука звериного лая со страхом совиным...»	71
«И ко сну отошли рекламы...»	72
«Фонари опадают...»	73
«Мы плыли уже семь дней...»	74
«Прощай, Париж!...»	75
Письмо	76
«Комнату нашу оклеили...»	77
Дождь-декабрь	78
Летний сад днем	80
Отъезд со взморья	81
«Все прошло. Так тихо на душе...»	82
Вечер в лесу	83
Бессмертье в тумане	85
Песнь лунная	86
Босые листья	88
Дом надежд	89
«Не гаси, не гаси наш треног...»	90
Утро	91
Письма из леса. (<i>Вариации</i>)	93
«Я тебя отворю у всех семей, у всех невест...»	100
«Обман ли, нет ли, — музыка мала...»	101
«Ты, близлежащий, женщина, ты враг...»	102
Ночь о тебе	104
После	105
Лилии ночью	106
«Бессолнечные полутени...»	108
«Мой лес, в котором столько роз...»	110
«Все равно — по смеху, по слезам ли...»	112
«Храни тебя Христос, мой человек...»	113
«В эту осень уста твои...»	114
«Серебряный листик на красной стене...»	115

«Не любила меня...»	116
В больнице	117
«У моря бежала, у моря бежала...»	120
«Все было: фонарь, аптека...»	121
«Кто Вас любил? Да Вас! — да всяк!...»	122
Воспоминанье	123
Завершенье	124
Этот эпилог	126
Жизнь моя	128
Зимний сад. Звездопад	130

ЛИЦА, ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ

У моря	137
Гомер	140
Дельфинец	142
Продолжение Пигмаллона	144
Детская песенка	146
Прощание Аристофана	147
Овидиу	149
Гораций	150
Муза моя — дочь Мидаса	151
Разговор со свечой (<i>Подражание древним</i>)	153
Сказание о граде Китеже	157
Зимняя дорога	162
Осень в Михайловском	163
У Пугачева, у казни	165
Слеза в лесу	169
Сравнительное	171
«Элизиум-зал был в забралах и в людях...»	172
«Я вас любил. Любовь еще — быть может...»	173
«Я оставил последнюю пулю себе...»	174
«Я вышел в ночь (лунатик без балкона!)...»	175
«Выхожу один я. Нет дороги...»	177
«Я разлюблю (клянусь!). Тот рай-бал!...»	178
Заклинанья	179
«БЫЛ АВГУСТ...»	183
Хутор	185
Дон Жуан	199
Гамлет и Офелия (<i>Фрагменты</i>)	202
Путешествия	210

ANNO IVA	215
До свиданья, книга	239
Февраль	241

БЕСТИАРИЙ

Урок рисования	247
Баллада о псе Александра Македонского	249
Фантазии совы	251
«Во всей вселенной был бедлам...»	255
Мужество	257
Дева-Рыба	258
Вечер на хуторе	260
Баллада об орле и зайце	261
На холмах Эстонии	263
Овечья баллада	264
Арифметика овец	265
«Ходит и ходит...»	266
Листопад лягух	267
Пейзаж с крыльца (<i>Утро</i>)	269
Поэт	270
Волки	272
Простая песенка	274
Трое	275
Кот-конвоир	276
Ворон	277
Баллада	278
Ворона	280
Возвращение к морю (<i>Попытка</i>)	281
Коршуны	293
«Кристалл любви, кристалл надежды...»	298

Соснора В.

С 66 Возвращение к морю: Лирика.— Л.:
Сов. писатель, 1989.— 304 с.

ISBN 5—265—00739—3

Новая книга Виктора Сосноры дает возможность увидеть его стихи в русле широкой культурно-исторической художественной традиции. От простого к сложному, от конкретного эмоционального впечатления к поэтической ассоциации ведет поэт своего читателя, открывая путь к постижению мира и самого себя.

С 4702010202—007
083(02)—89 240—89

ББК 84. Р7

Виктор Александрович Соснора

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

ЛО изд-ва «Советский писатель», 1989, 304 стр.

План выпуска 1989 г. № 240

Худож. редактор *М. Е. Новиков*

Техн. редактор *Е. Ф. Шареева*

Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Е. А. Омельяненко*

ИБ № 7093

Сдано в набор 29.06.88. Подписано к печати 17.02.89.
М 24048. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага книжно-журн. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 12,35.
Уч.-изд. л. 9,78. Тираж 41 000 экз. Заказ № 1630. Цена
1 р. 20 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

